

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Сборник статей. Николай Семенович Лесков

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 28-го ЯНВАРЯ

Московские старообрядцы ходатайствуют у правительства о дозволении им открыть у себя школы. Дело идет об учреждении школ исключительно для детей старообрядцев, родители которых находят неудобным вверять обучение своих детей учителям, назначаемым начальством, а хотят иметь учителями людей излюбленных и избранных к тому обществом.

«Московские ведомости», впервые заявившие об этом местном московском событии, обобщают этот факт с общим вопросом о раскольничьем образовании и, обсуждая этот вопрос с разных точек зрения, заключают свою статью предположением, что возникающий вследствие приведенного ходатайства москвичей вопрос всеконечно получит разрешение, которым удовлетворится скромное искательство старообрядцев. Мы с своей стороны также желали бы верить, что ведомство, от которого будет зависеть решение этого дела, не откажет московским старообрядцам в их нынешнем ходатайстве, а разрешением этого случая разрешен будет и вообще вопрос о раскольничьих школах. Но мы поостережемся, однако, предрешать результат, который ждет возникший интересный вопрос. Мы знаем, что и так называемый «дух времени», и скромность, и законность ходатайства, и характер отношений правительства к расколу, – все это дает право питать те надежды, которые выражены «Московскими ведомостями», но... мы помним, как вопрос этот поднимался в прежние годы... В 1862 и 1863 году дух времени был тот же, или, по крайней мере, почти тот же; заявленные тогда требования раскола были так же скромны и умеренны, как и нынешние, а правительство и тогда так же, как и ныне, было проникнуто характером веротерпимой мягкости, и... несмотря на все это, старообрядцы, просившие позволения учредить школы для своих детей, не получили этого дозволения.

Разрешение вопроса: быть или не быть в России отдельным старообрядческим школам? – не зависит от одного какого-нибудь правительственного ведомства, а зависит разом от трех: от ведомства просвещения, от администрации и от власти духовной, голос которой до сих пор в делах этого рода имел важное значение. Учебное ведомство никогда не вопияло против существования отдельных приходских школ для старообрядческих детей; напротив, даже очень многие люди этого ведомства отстаивали эти школы. Администраторы последнего времени тоже не высказывались против школ, а, напротив, и из них также очень многие говорили, что такие школы нужны, и за всем тем вопрос о школах все-таки претерпелся перед дверьми последнего из трех ведомств.

Искание раскольниками школ возникает не впервые, и даже и в последнее время не москвичам первым принадлежит почин в ходатайстве открыть школу. Почин в этом деле гораздо раньше принадлежал рижанам и вообще старообрядцам северо-западных окраин России. Впрочем, не Рига и не Дерпт, о которых нечего и говорить, а села и приселки простирали свои «слезные прошения дозволить поучить детей грамоте, не смущая совести родительской веры»; люди учебного ведомства того края говорили, что надо это дозволить, администраторы склонились к тому же; два чиновника прибалтийского генерал-губернатора: граф Соллогуб и Шмидт, представили отдельные записки о необходимости отдельных школ для раскола; а заменивший князя Суворова генерал-губернатор барон Ливен сам писал министру народного просвещения, что отдельные школы, в которых дети старообрядцев могли бы учиться, не смешиваясь с православными, необходимы. Министр народного просвещения посылал в Остзейский край литератора, знакомого с бытом раскола и его литературою, и этот в отчете своем министру доказывал то же самое, именно, что отдельные школы для раскольничьих детей необходимы, и представил проект преподавания в этих школах; но... дальше этого дело опять не дошло.

Как и обо что постоянно спотыкался этот вопрос, столь важный для многочисленного старообрядческого населения России и вообще для всего экономического быта страны? Это составляет целую историю, сколько интересную, столько же и назидательную. Чтобы познакомить наших читателей с ходом этого дела, мы с сегодняшнего же нумера начинаем печатать в нашей газете документальное изложение событий, касающихся закрытия наилучшей из бывших раскольничьих школ со всеми печальными последствиями этого события, в ряду коих будут иметь место и несчастливые ходатайства старообрядцев о восстановлении их общественных школ, и соображения по этому делу различных лиц и ведомств. Представив читателям

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru наглядную картину, как и через кого идет и должен идти снова этот вопрос, где и на чем он останавливается и с какого пункта идет в сторону, мы изложим тогда и наше мнение о школах, которые расколу столь необходимы и которых он так давно, так жалостно и так несчастливо просит. Заключение наше в то же время будет выводом не только из собственных соображений, но и из заключений компетентных людей, с любовью и знанием трудившихся над разрешением этого вопроса. Начиная печатать очерки «Искания школ староверами», мы отсылаем к ним всех наших читателей. Из этих документальных статей они увидят все пути и дороги, на которые в самое недавнее, по-видимому, столь гуманное и столь просвещенное время выходил русский раскол прося себе позволения «поучить детей, не смущая своей совести».

Нынче же скажем пока только, что вопрос о дозволении раскольникам учредить для своих детей школы, отдельные от православных, представляется нам одним из настоятельнейших вопросов. Этому жаждет население; этого требуют экономические выгоды страны, и этого же требуют высшие государственные и церковные интересы. На окраинах России, где раскольникам не позволяют иметь собственных школ, людям этим, вообще тяготящимся безграмотностию, предстоит выбирать или между насильем своей совести и посылать детей своих в заведения, где священник господствующей церкви будет внушать этим детям правила, отвергаемые семьею, или между учением у шведов, поляков и немцев, которые относятся к верованиям раскольников гораздо индифферентнее. Раскольники обыкновенно предпочитают последнее, и дети их, нимало не смущая родительской совести, обучаются в немецких пансионах, из которых зато и выходят полунемцами. Таким образом, пока одна беднейшая половина раскола, не имея своих школ, все глубже и глубже погружается в мрак невежества, другая часть людей зажиточных, воспитанных в немецких школах, начинает стыдиться своего русского происхождения. Рига, Ревель и Митава представляют уже немало таких печальных примеров. Корень всех этих явлений, которые могут иметь весьма нерадостные следствия, кроется в отсутствии русских школ, в которых дети староверов могли бы обучаться, не смущая родительской совести.

Было время, когда в планы правительства входило: игнорировать раскол, показывать вид, что его нет; но то время прошло, и опытом дознано, что это закрывание глаз ни к чему не ведет. Раскол существует, это факт, которого не скроешь; но раскол этот вовсе – не враждебная правительству партия, как старались когда-то представить плохие знатоки раскола. Раскол разномыслит с людьми господствующей церкви только религиозно и затем солидарен с ними во всех других отношениях. Надо же, признав факт существования раскола и солидарности раскольников со всеми русскими людьми, признать за раскольниками и право уважать свои убеждения. Верны ли они, или неверны, – это другой вопрос, но они есть, и с ними, как со всякими убеждениями, нужно бороться не силою, а тоже убеждением, предоставив многое ныне уже начатое довершить времени. Надо дозволить раскольникам учредить свои собственные начальные школы или в общих приходских школах освободить их детей от уроков по закону Божию, читаемых православным. По нашему мнению, первое несравненно удобнее, ибо у раскольников есть свои книжечки, которых они оставить не захотят. Отдельные школы для сектантов, по нашему мнению, не угрожают ничем неблагоприятным для государства и церкви. Имеют же на нашей земле свои школы ревельские и сарептские гернгутеры, – такие же раскольники, с единственною привилегиею немецкого происхождения, и ничего от этого не рушится. Затем, если разрешены будут отдельные школы, будет необходимо в училищах уездных, гимназиях и университетах дозволить раскольникам пользоваться правом, предоставленным в этих заведениях татарам и евреям, от которых не требуется богословских экзаменов. Пусть только раскольники будут допущены к свету науки, то она рассеет всю сгустившуюся над ними тьму заблуждения. Этому требует все: любовь к человечеству, уважение к истине, всесторонние выгоды государства и время, в которое должен разрешиться этот вопрос, когда в руках одного лица соединены обязанности министра народного просвещения и обер-прокурора Святейшего Синода. Раскол очевидно стремится к свету, и, что бы он сам об этом ни думал, это непременно шаг к соединению его с господствующею церковью. Движение это очень сильно и уже приносит свои плоды: примеры Павла Прусского и многих других умнейших людей из враждовавшего с церковью старообрядства не пройдут бесследно; раскол волею-неволею входит на путь соединения, и этому соединению надо помогать, не преследованием, не лишением раскольничьих детей возможности учиться и не насильственным привлечением к православию, а спокойным и благоразумным освобождением раскольников от худо ценимых ими попечений церкви. Освобождая раскол от своих попечений, церковь привлечет его к себе, а не потеряет. Это будет не потворство, а мудрая уступка, которая возвысит положение церкви и непременно рано или поздно путем света и истины приведет к ней ее разномысленных

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
сынов. Заклучим тем, что нынешний вопрос о начальных школах, вероятно, представится разрешимым без всяких затруднений, если только прежде, чем приступить к его рассмотрению, будет признано удобным сравнить русских раскольников с гернгутерами и вообще с иноверцами, дети которых, обучаясь в училищах, свободны от представления всяких речательств в религиозных познаниях. Эта безвредная уступка заблуждениям разномыслящих с церковью русских людей необходима. Пусть правейший, но сильнейший уступит слабейшему, как взрослый человек уступает ребенку, чтобы тот, увидя свою ошибку, лучше понял вред и неуместность упрямства. Уступка со стороны церкви не унизит, а возвысит ее в глазах всего просвещенного мира и, всеконечно, в самом же непродолжительном времени будет первым прочным шагом к примирению раскола с церковью. Мир основан на взаимных уступках: и православной церкви, свято сохраняющей истину Христову, нечего опасаться просвещения и образования заблудших; если единения с нею ищут западные христиане, дошедшие до признания ее превосходства длинным путем науки, то этот последний путь будет гораздо короче для ее все-таки более близких отщепенцев.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 1-го ФЕВРАЛЯ

Года два назад моршанский купец Максим Плотыцын в один раз потерпел на сале в Лондоне убытку до 700 000 р., если не ошибаемся. Тогда громадная цифра многих заставила думать, что Плотыцын оборвался окончательно, что он более не торговец, что ему не встать на ноги. Опасения насчет Плотыцына, к непостижимому удивлению торговых людей, оказались, однако, напрасными: 700 000 р. убытку нимало не пошатнули состояния Плотыцына. Тайна, откуда Плотыцын мог заимствовать силы для перенесения такого громадного убытка, теперь открылась. Корреспонденция из Моршанска, помещенная в последнем номере «Современных известий», которую мы здесь воспроизводим, сообщает поразительные открытия об источнике богатств купца Плотыцына и об отношении его к скопческой секте у нас в России, а равно и о политических планах этой секты. Корреспондент пишет:

«Самая крупная новость в Тамбовской губернии – это комиссия о скопцах. Моршанский первостатейный купец и миллионер Максим Кузьмин Плотыцын, глава скопческой секты не только в Тамбовской губернии, но и по всей России, арестован, в доме его взято 9 женщин, изуверски изрезанных, скопческие портреты в золотых рамах: Селиванова, Шилова, Петра III, богородицы Анны Сафоновны и пр. С портретов сих сняты фотографические снимки и посланы в С.-Петербург. Все это неимоверной важности дело обязано своими успехами неподкупной деятельности губернатора Гартинга, вице-губернатора Абазы и в особенности моршанского полицеймейстера Иосифа Алексеевича Тришатного. В доме всероссийского главы скопцов найдены, сверх того, при обыске из четырех кладовых в последней, потаенной, груды золота, десятки пудов в сундуках, особливо екатерининского чекана. Целые миллионы золота и серебра найдены за железными дверьми под плитами, сваленные в сундуках и кадушках в кучу, в мешках полуистлевших; кроме того, не один миллион банковых билетов. Счетом денег неизвестно сколько; но говорят, что одних билетов коммерческого банка сто, по сто тысяч каждый, следовательно, 10 миллионов, и что хранившийся в таких тайниках капитал есть общественный скопческий, хотя, может быть, и не всей России; во всяком случае, это капитал организованный, которым скопцы связывали не раз и связывают руки правительству... В доме Плотыцына и на дворе теперь караул, бумаги и переписка его со скопцами Сибири и Петербурга конфискованы. Известный миллионер, петербургский скопец Ермолай Егоров Третьяков, замешан в это же дело по переписке и едва лично не был задержан недавно в Моршанске. Дело такой важности, конечно, должно обратить внимание высших государственных сфер... Груды золота берегутся скопцами для нового в России царства, которое должно ниспровергнуть нынешний порядок вещей и начать новую скопческую эру в России... Понятно, что на этот несметный капитал (говорят, десятки миллионов) должно быть обращено внимание правительства. Для дальнейшего направления дела такой важности, по нашему мнению, может быть, бесполезно было бы отрядить в Моршанск лицо высших сфер, облеченное особым личным доверием... Иначе все может быть! Скопческих дел, кончившихся ничем, было уже немало, и часто открыватели страдали. Одни дела московских миллионеров скопцов, доселе благополучно проживающих в Москве, как много говорят за себя? Открыли также связь моршанского скопчества с революционной польскою партией, во главе коей значится Окша (Оржеховский) в Константинополе, замышляющий организовать восстание между скопцами, выдвигая на первый план личность Петра III, входящего в баснословие скопческой секты. С этой

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
целию в губернии Московскую, Тамбовскую, Курскую, Симбирскую и Воронежскую
отправлены 9 эмиссаров с воззваниями под предводительством Александра
Крыловского, имеющего, по сведениям, значительные средства.

Дома Плотыцына в Моршанске составляют целый квартал – это лабиринт с забитыми и заложеными наглухо окнами. Моршанск есть, как известно, Иерусалим, а село Сосновка – Мекка скопцов, где родились знаменитые ересиархи скопческие... Моршанские скопцы Зенкин, Попов, Сергеев и знаменитый Кунавин обратили уже на себя внимание комиссии. Поднято дело о содержащемся в камышенском тюремном замке (Сарат. губ.) купеческом сыне Григории Максимовиче Плотыцыне. В доме Максима Плотыцына найдено, как мы уже сказали, 9 женщин с вырезанными органами, и девятая из них даже сестра его, почетная гражданка Татьяна Егорова; на изрезанных грудях оказались рубцы, прикаленные железом... Под новый год 1869 в 11 1/2, час. ночи, в квартиру штабс-капитана Шкота, где был и моршанский полицеймейстер Тришатный, явился крестьянин Григорий Максимов Зеляпухин, находившийся в услужении у Плотыцына, и принес при записке Тришатному 10 000 руб., в огромном пучке ассигнаций, с просьбой освободить только до утра для них (вероятно, для скопческого богослужения) из-под ареста трех женщин: Екатерину Степанову, Екатерину Яковлеву и Марфу Филиппову. Записка была писана рукою Максима Кузьмина Плотыцына. Тришатный, спрятав гостей за драпировку, в их присутствии получил деньги от посланного, составил обо всем акт и деньги 10 000 р. тут же передал городскому голове Ивану Иванову Ефремову под расписку для внесения в отделение государственного банка на хранение, впредь до распоряжения начальства. Если за несколько часов освобождения трех женщин скопцы могут платить 10 000 руб., стало быть, для них деньги просто вода. Селиванов на портрете, найденном у Плотыцына, нарисован стариком в темнозеленом халате, с черной собольею опушкой, с белым галстуком на шее, повязанным большим бантом, облокотившись правою рукою на красный стол. Анна Сафонова, скопческая богородица, изображена в богатом русском кокошнике с дорогими камнями, в каком-то омофоре, – вроде нашего архиерейского, – на плечах тоже с камнями и в богатом сарафане. Лицо мужичье и довольно глупо. Эта Анна Сафонова есть дочь первоскопленного Сафона Попова, жившая еще в 1847 году в звании моршанской мещанки в городе Моршанске, в доме тамошнего мещанина Артемия Евсеева Познякава, известного скопца. Максим Плотыцын находился с Позняковым в близких сношениях, так что самая усадьба Познякава, после смерти его, перешла к Плотыцыну. Шилов Алек<сандр> Ив<анович>, пророк и предтеча скопческий, изображен седым стариком в купеческом сюртуке. Петербургский скопец, 2-й гильдии купец Ермолай Егоров Третьяков извещал (как оказалось из найденных бумаг) Максима Плотыцына обо всех делах, касающихся скопцов в России (?), и, между прочим, в письме предуведомлял уже из Петербурга о предположенном в его домах обыске... Найдены, как говорят за достоверное, письма из Петербурга для одного господина, занимающего видное место на службе. Этот господин принимал, как оказалось из писем, на себя ревностные хлопоты в Петербурге по многим скопческим делам Плотыцына. Изрезанными оказались следующие женщины: 1) моршанская почетная гражданка Татьяна Егорова Плотыцына, 2) крестьянка Екатерина Яковлева Глинчикова, 3) мещанка Екатерина Степанова Глинчикова, 4) мещанка Акулина Егорова Попова, 5) мещанка Ирина Федорова Неверова, 6) мещанка Акулина Михайлова Зеляпукина, 7) крестьянка Марья Алексеевна Шепелева, 8) крестьянка Аксинья Максимова Зеляпукина и 9) крестьянка Марья Филиппова Попова. Вся Тамбовская губерния встревожена открытиями, и все желают одного, чтобы дело это, как соляное дело в Нижнем Новгороде, судилось новым судом. Об этом, как слышно, уступая общественному мнению, хлопочет и сам тамбовский губернатор. Моршанское скопчество тесно связано с московским. Желательно бы знать, что делают изуверы эти в Москве, митрополии скопческой, где целые улицы ими населены».

Мы не имеем оснований ни защищать, ни отвергать полную достоверность подробностей, заключающихся в приведенной нами из «Современных известий» корреспонденции. Но если они справедливы, то арест Плотыцына, о котором мы извещали во вчерашнем номере, имеет громадное значение. Оказывается, что глава скопческой секты в России, которым был арестованный Плотыцын, имел в своем ведении и, может быть, в довольно бесконтрольном распоряжении десятки миллионов рублей в банковых билетах и в золоте и серебре, при которых убыток в 700 000 рублей мог быть для него нечувствителен; оказывается, что капитал этот образуется с давнего времени, потому что много здесь золота екатерининского чекана и потому что мешки успели уже полуистлеть; оказывается, что секта скопцов имела у нас в России свой особый тайный банк с основным капиталом, большим всех других банков, исключая государственного, – имела свое тайное казначейство, и, без сомнения, с тайными же приходами и расходами; оказывается, что

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
противонравственная, противообщественная секта скопцов далеко не была такою невинною и такою безучастною в политическом отношении, как это думали в последнее время: у ней питались надежды на основание в России нового скопческого царства; для этого она в течение столетия, по меньшей мере, приготавливала денежные средства, которые возросли к настоящему времени до тех размеров, в каких они найдены в моршанских кладовых Плотыцина; с целью ниспровержения нынешнего порядка дел в России и установления новой скопческой эры моршанские скопцы вступили в сношения с революционною польскою партией и надеялись во имя Петра III произвести в России восстание. Многие и другое объясняется «моршанским открытием». Объясняется, например, прекращение многих скопческих процессов в наших административных и бывших судебных сферах, причем страдали лица, доносившие на них, потому что моршанские миллионы были близки к всемогуществу; объясняется, почему естественная секта не только не обнаруживает признаков упадка, а, напротив, существует и распространяется, почему на нее даже в эпоху гонений в раскольнические собственно секты наше законодательство смотрело вообще мягко и снисходительно, а администрация не преследовала особенно строго совершаемых скопческими вожаками новых случаев оскпления, почему в настоящее время даже общественное мнение, даже его органы как-то холодно относились и относятся к самой безобразной и отвратительной секте, почему скопцы-торговцы богатели не по дням, а по часам, и «желтые» лица, только что начавшие коммерцию, производили огромные обороты.

Но при всем том известия моршанского корреспондента так поразительны, так грандиозны, что мы все еще не решаемся верить им вполне и будем ждать подтверждений, чтобы сделать новые выводы и заключения. Во всяком случае, кажется, то несомненно, что дела темной секты будут снова подвергнуты тщательному расследованию, и расследование это, производимое новым судебным порядком, вызовет наружу много тайн, касающихся деятельности богатейших московских, петербургских и сибирских скопцов, и что скопческий мир при этом известии вздрогнет сильнее, чем от самого страшного подземного удара.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 8-го ФЕВРАЛЯ

История нашего образования по части раскола слишком еще не богата своим содержанием. До 1854 года в течение 187 лет, – считая начало раскола с большого Московского собора, – не было и мысли о научном изучении этого явления и о научной подготовке для противодействия ему лиц, так или иначе соприкасающихся с раскольниками. Гражданская власть, с первых же дней заявив себя защитницею и помощницею церкви против раскола и приняв на себя обязанность преследовать и искоренять оный, занялась составлением разного рода законодательств, касающихся отступивших от церкви старообрядцев. История законодательства поучительна в том отношении, что правительство чрез каждую почти четверть столетия убеждалось в непригодности существовавшей для него системы и придумывало новую. Впрочем, еще с начала XVIII столетия оно осознало недостаточность одних внешних мер и обязало духовенство действовать на заблуждающихся путем слова. Начиная с Петра I и кончая настоящим временем, появлялись довольно часто постановления, рассылались указы, предписывавшие местному духовенству озаботиться вразумлением заблуждающихся. Казалось бы, подобные напоминания духовенству о его прямых обязанностях должны были заставить его позаботиться о надлежащем образовании по части раскола, так как для успешного действия на раскольников путем слова необходимо знание дела, а знание это не может быть достигнуто без серьезного изучения. К сожалению, хотя приходскому духовенству и делались внушения раскрывать перед заблуждающимися неправоту их учения и незаконность отделения от церкви, но о подготовке его для выполнения этой немалотрудной задачи не было и помина. Отчего происходило такое видимое невнимание к делу специального образования по расколу, сказать трудно. Быть может, думали, что говорить с раскольниками, раскрывать пред ними неправоту их учения так легко, что не требуется никакой специальной подготовки. Может быть, с другой стороны, и не придавали этому делу особенной важности, полагая всю сущность в деле обращения от раскола в гражданских законодательных и полицейских мерах, а дело убеждения ставя на второй план. Ведь писал же один миссионер XVIII столетия, что под тесноту штрафов и наказаний убеждать гораздо удобнее и что под этим только условием и можно ожидать надлежащих плодов от словесных вразумлений. Еще яснее высказывался насчет увещаний в 1737 году один епархиальный начальник. 2 ноября, по поводу присланных в его епархию раскольников для увещания, он писал, между прочим, что ему, преосвященному, при старости своей «зело трудно иметь много

разглагольств с ними», а потому не лучше ли смирять их постом и стегать плетью, ибо он полагает, что в сердцах их кроется дух хульный на православные церкви и православных архиереев. Святейший Синод предписал ему «чинить по пастырскому». Были, впрочем, лица, которые своими трудами учеными старались внести светоч в господствовавший повсюду мрак относительно раскольнических заблуждений. Патриарх Иоаким, Игнатий, митрополит тобольский, Иов, митрополит новгородский, святой Димитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Питирим нижегородский, Феофилакт Лопатинский, Арсений Мациевич, Никифор Феотский, Платон, митрополит московский, преосвященный Игнатий, преосвященный Филарет, митрополит московский, оставили книжные памятники своих занятий против раскола. Здесь мы не будем останавливаться на научном достоинстве этих сочинений, из которых многие не утратили своего значения и до сих пор, не будем раскрывать их направления, отвечающего духу известного времени. Но нельзя не заметить прежде всего, что число этих сочинений крайне незначительно для того промежутка времени, в какое они вышли в свет (1667–1849), для промежутка в 180 лет. А если при этом возьмем в расчет литературное движение в течение этого времени в среде раскольников, обратим внимание на их научную деятельность, то малочисленность вышедших в свет противораскольнических сочинений будет еще ощутительнее. В каталоге писателей «староверческой церкви» Павла Любопытного, обнимающем собою время от начала прошлого столетия до 1829 года, указано 934 сочинения. Положим, что в числе поименованных любопытных сочинений есть много ничтожных, едва ли заслуживающих и упоминания, но зато можно указать между ними и такие, которые богатством содержания могли бы сделать честь любому ученому. XVIII век и первая четверть XIX были временем самой оживленной борьбы раскола с православием и разных раскольнических сект между собою. В это время представители его подыскивали основания для своих воззрений, исторические, канонические и диалектические, – созидали науку из своих верований. Это была золотая для раскола эпоха литературной деятельности Денисовых, Петрова, Холина, Ив. Алексеева, Скачкова, Заяцевского, Павла Любопытного; в это время вышли в свет «Поморские» и «Диаконьвы ответы», «Меч духовный», «Щит веры», ответы Монины, ответы Пешехонова и многие другие сочинения, служащие и до сих пор опорами раскола и более или менее известные старообрядцам. Ясно, что для опровержения означенных сочинений требовалась несравненно большая православная–полемиическая литература, чем какую подарило нас означенное время. Не забудем, что все означенные писатели противораскольнических сочинений – архиереи; значит, занятие по расколу составляло достояние высших духовных особ и то очень немногих. Что же сказать о пастырях наших, для которых столь необходима была противораскольническая проповедь?.. Где получали и какое образование имели они по части раскола? Почти до половины XVIII столетия приходское духовенство было поставлено вне всякой возможности узнать хоть кое–что по части раскола. Немногие противораскольнические сочинения того времени составляли большую редкость и едва ли читались кем–либо из приходского духовенства. От этого священники и возможности не имели, да, кажется, и мало думали о словесной борьбе с расколом. Напротив, «от пресвитерского небрежения», по словам одного писателя первой половины XVIII столетия, уже много российского народа в погибельные ереси уклонилось... «А вся сия гибель, – продолжает он, – чинится от пресвитеров; ибо не только от лютеран и латинян ереси, но и от самого дурацкого раскола не знают, чем оправити себя, и их бы обличить и научить, как им жить, и от пропасти адския как им избыть, но и запретить крепко не разумеют, или не смеют, или на пенязи склоняются, небрегут о сем». Предписания начальства об увещаниях оставались только на бумаге.

С 1743 года, в связи с распоряжениями правительства об увещании раскольников, выступает особая мера, клонящаяся к тому, чтобы познакомить самое приходское духовенство с опровержениями против раскола. В этом году в первый раз разосланы были по всем епархиям, где находились раскольники, книги, потребные к избличению раскольников: «Жезл правления», «Увет духовный», «Пращица» и «Об антихристе» Стефана Яворского. Эта мера повторялась и впоследствии. Таким образом, недостаток школьного систематического образования думали заменить присылкою книг.

Лучше что–нибудь, чем ничего; и, без сомнения, это шаг вперед против прежнего, но шаг весьма незначительный, не могущий вести ни к каким видным результатам. При настоящем распространении школ, при всеобщем сознании нужды в этих школах, нет надобности доказывать и разъяснять много ту истину, что книга никогда не заменит школьного систематического образования. Книга хороша тогда, когда я смогу не только механически воспринимать заключенные в ней сведения, но и относиться к ним самостоятельно, критически, когда почерпнутые из нее сведения

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru могу комбинировать по своим идеям, располагать по своему плану, применительно к поставленному мне вопросу; словом, когда я хорошо развит и научно подготовлен уже по известному предмету. Иначе книга остается для меня каким-то мертвым, безжизненным материалом, и усвоить-то который для меня слишком трудно. Не забудем, что мы имеем в виду книги по расколу: не отличающиеся особым интересом для человека, не посвятившего себя специальному изучению предмета. От одного этого, не говоря о других причинах, заключающихся в характере большинства самых сочинений, рассылаемые по расколу книги не достигали и не могли достигать своей цели; кажется, они весьма мало и читались.

Да, наконец, и рассылая книги, правительство все-таки не вполне сознавало необходимость образования по расколу приходского духовенства. В своих распоряжениях о назначении в раскольнические приходы особенно надежных священников, оно, как на главный и в некоторых распоряжениях единственный признак благонадежности указывало на добрую нравственность священника, вовсе не упоминая или упоминая вскользь, слегка о его умственной подготовке. Так шли дела до 50-х годов настоящего столетия.

Еще в 40-х годах нынешнего столетия началось движение в пользу изучения раскола. Движение это шло с гражданской стороны и имело целию внешние административные меры. С 1842 года, со времени министерства гр. Перовского, начинаются командировки чиновников министерства внутренних дел для расследования на месте числа раскольников, их сект, моленных, для разузнания учения и характера каждой секты. С этой же целию начинают разбираться более или менее замечательные архивы; словом, начинается историческое изучение раскола, являются поручения к составлению подробной его истории. Это движение не могло не сообщиться и миру духовному, тем более, что одним из видных административных духовных деятелей в конце 40-х и в начале 50-х годов стоял человек, который очень хорошо понимал, что без изучения раскола невозможна успешная миссионерская деятельность духовенства, который поэтому сам усидчиво занимался изучением раскола и обязывал к тому же подчиненных ему священников. В числе его резолюций нередко попадаются такие: «Видно, что увещатель незнаком с расколом: обязываю его изучить этот предмет». Мы говорим о преосвященном Григории, бывшем митрополите с. – петербургском. По его-то главным образом инициативе и состоялось в 1854 году постановление Святейшего Синода о введении в курс академической и семинарской программы учения о русском расколе, и, кроме того, в том же году к усилению духовно-нравственного действия на раскольников Святейший Синод признал «за полезное и нужное поручить Казанской духовной академии издавать духовный журнал с преимущественным направлением его против раскола в разных его видах». Вместе с тем сам преосвященный Григорий написал и учебник по обличению раскола; руководство по истории раскола было написано ректором С.-Петербургской духовной академии, преосвященным Макарием в 1855 году, а в 1861 году появилось руководство и по библиографии. Новый порядок дел, в совокупности с духом времени, направившим ученые силы на разработку явлений народной жизни, обогатил нашу литературу многочисленными книгами и статьями по расколу, рассеянными почти по всем духовным и светским журналам. Последние 15 лет в деле разработки учения о расколе не пропали даром.

Нужно, впрочем, заметить, что дело преподавания раскола в духовных семинариях, как дело новое, не могло избежать некоторых даже довольно важных недостатков, исправить которые составляет задачу нашего времени. Внесши изучение раскола в программу семинарского образования, власть духовная не образовала особой кафедры, а разделила преподавание его между двумя наличными наставниками: один должен был читать историю и библиографию, другой – обличение раскола. Понятно, что при разрозненности занятий новые наставники, сами не слушавшие раскола, не могли, особенно на первых порах, поставить хорошо предмета, тоже нового и нисколько еще не разработанного. Оставалось ухватиться за присланные руководства и учебники и следовать им механически. От этого преподавание обличения раскола до самого последнего времени наводило несносную скуку на слушателей, обязанных заучивать лишь десятки невыносимых для памяти свидетельств. Что же касается истории раскола, то преподавание ее, разве за самыми редкими, счастливыми исключениями, ограничивалось означенным выше руководством. А между тем, ведь жизнь раскола движется вперед, являются новые секты, открываются новые стороны. Так, слишком подчиняясь руководству, преподаватели не обращали внимания на новые явления в расколе и не знакомили будущих пастырей с тем, с чем чаще всего приходилось им сталкиваться, например, с соглашением австрийского священства, с позднейшею историею единоверия, а также с внутренним характером сект. Это вопросы самые живые, интересные и важные. Задача нашего времени восполнить

Будучи несовершенно, всякое новое дело, как бы оно ни было очевидно полезным и необходимым, встречает, с другой стороны, на первых порах возражения и должно выдержать борьбу за свое существование. Лишь только учение о расколе стало приобретать в наших школах права гражданства, как явились уже люди, которые стали проповедовать, что заниматься изучением раскола – значит заниматься пустяками, недостойными серьезного и развитого человека, что раскольники – невежды и не стоят этого, что несовместно даже с достоинством церкви входить в рассуждение с невеждами, доказывать правильность, ею соблюдаемую, оспаривать их возражения против святости и законности господствующей церкви. Действовать же на них необходимо путем строгих административных мер. Эти тенденции знакомы нам; мы питались ими целых 180 лет и знаем, до чего они довели нас. Мы убаюкивали себя, что раскольники невежды, а их литература оказалась между тем богаче нашей; мы укрывались за правительством, надеялись на его силу, а эта сила привела нас к тому, что раскольники скрывались и бегали, притворялись православными и втайне пропагандировали раскол, когда им приходилось тяжело, и гордо поднимали голову, требовали себе небывалых прав, позволяли явно нарушать закон, когда делалось привольнее. Мы действовали авторитетом, раскольники нашего авторитета не признавали и упорно держались своих мнений. От всего этого, когда нам и вправду хотелось поговорить с ними по душе, они затыкали уши. Вот к чему привели нас эти тенденции! Все высказанные возражения были хорошо и подробно опровергнуты в одной статье, появившейся в 1862 году, где и доказана важность занятия расколом. В настоящее время приведенные сентенции потеряли силу; необходимость изучения раскола сознается все больше и больше. Изредка только, – и то не в печати или на бумаге, а устно, в интимной беседе прежних деятелей, озлобленных неудачами, – слышатся возгласы о бесполезности словесного убеждения раскольников, которые не внимают будто бы никаким убеждениям, на том основании, что держатся раскола не искренне, а по чисто житейским расчетам. Без сомнения, в среде раскола есть, может быть, и немало людей, для которых не вера, а житейский расчет стоит на первом плане; купец надеется, что его единоверцы не дадут ему в случае несчастья обанкротиться, работник знает, что старообрядцы-капиталисты дадут ему работу, хорошее жалование и наградят даже доверием, и вот они без дальнейших околичностей и без особых размышлений держатся раскола... Людей с подобным практическим направлением можно найти и в среде православных. Но разве не оскорбились бы мы, если бы кто-нибудь от этих, сравнительно немногих лиц сделал заключение о всех нас? Разве это не была бы клевета, которую мы приписали бы только одним недоброжелателям? Не такими ли точно недоброжелателями являемся мы, когда так трактуем раскольников? В самом деле, история раскола дает нам много оснований для того, чтобы признать за расколом общину с искренними, хотя и ложными, убеждениями. А что большинство раскольников и в настоящее время проникнуто теми же началами искренности и вовсе не прочь расследовать истину и слушать вразумления, – это видно особенно из того, что они сами иногда, без всякого призыва, идут послушать православного миссионера; десятками и даже сотнями собираются на существующие ныне в некоторых местах публичные собеседования; некоторые едут за тысячу верст, чтобы посмотреть древние замечательные библиотеки, с удовольствием смотрят книги, когда им показывают, ходят на поклон к православным архиереям. Ужели все это ложь и лицемерие? Некоторые едва не готовы сказать: «да»; потому что, – замечают они, – отчего слишком мало при этом обращений? Мы почему-то слишком легко смотрим на обращение; между тем, перемена религиозных убеждений дело настолько важное, что необходимо сопровождается сильною борьбою. Если внимательно присмотреться к внутреннему состоянию обращающегося, то есть если смотреть на обращение с психологической точки зрения, то нельзя не видеть, что это длинный процесс сомнений, колебаний, ломки прошедших убеждений, сопровождавшийся внутренними болями и терзаниями, совершавшийся, может быть, в течение очень долгого времени. Не вдруг совершается переворот убеждений; нужно немало силы воли, чтобы и при этом перевороте отказаться от своего прошлого. Обыкновенных сил человеческих мало для выполнения такого важного дела; потому-то христианство усваивает обращение заблудшего единому Богу, и дело миссионера ставит только в том, чтобы посадить семена истины и напоить их, выражаясь языком образным.

Справедливо ли после этого заподозривать религиозную искренность заблудших старообрядцев потому только, что они, хотя и слушают вразумления, но мало обращаются? Наконец, не мешает спросить: давно ли вступили на путь чисто теперешних, свободных убеждений, давно ли трудимся над этим и много ли трудимся? Теперь почти что только начинается пора духовного сближения нашего с старообрядцами. Предоставляя, по слову Писания, возвращение истины в сердцах

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
заблудших действию божественной силы, мы, на основании человеческих соображений, имеем основание утверждать, что при этом сближении, при взаимном, открытом обмене мыслей, при прямых отношениях выигрывает та сторона, которая сильнее по своим познаниям и по своему развитию. В развитии-то мы никогда не уступали раскольникам, которые и страдают собственно отсутствием развития. Но по части эрудиции были слабее их; этого-то нам и не доставало. Итак, нужда времени неотложная – узнавать раскол, специально заниматься расследованием и опровержением его учения. Много во все этом скучного, трудного, мелочного, на наш взгляд; приходится знакомиться с книгами, устаревшими и вышедшими из всеобщего употребления, рыться в рукописях, не всякому и не всегда доступных; припоминать свидетельства, проверять сотни частных казуистических фактов, входить в рассмотрение многих местных законов и обычаев и все обследовать, всему давать надлежащую важность. Но как бы тяжел ни был труд, в нем наша надежда на более успешную борьбу с расколом. Мы перепробовали все в этой борьбе, кроме знания; теперь за ним очередь.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 10-го ФЕВРАЛЯ

Были лица, глубоко вникавшие в течение дел человеческих умом и обладавшие сердцем, полным участия ко всему человеческому, которые называли историю повторением человеческих заблуждений и человеческих страданий. Но, может быть, больше, чем о всякой другой области человеческой жизни, это можно утверждать об истории религиозных верований человечества. Во всем другом человечество идет, или по крайней мере может идти вперед, в одной религиозной области оно способно только повторять старые заблуждения, иногда самые нелепые и отвратительные: книгопечатание, порох, газ, пар и тысячи других изобретений и открытий, неизвестных древним и средним векам и составляющих славу нового времени, нисколько не обезопасивают современные поколения от господства религиозного заблуждения, которое было сильно в давнопрошедшие времена. «Достаточно, – говорит знаменитый английский историк Маколей, – самого ограниченного знания истории, самого поверхностного наблюдения над жизнью, чтобы видеть, что ни ученость, ни остроумие не доставляют охраны против величайших заблуждений в области религиозной. Потому мы не удивляемся никаким самым странным причудам суеверия. На своем веку, – продолжает Маколей, – нам случалось видеть, как лица, не то чтобы слабоумные и необразованные, напротив, лица, отличавшиеся талантами и ученостью, приобретшие славу себе в занятиях практических и в науке, отличные профессора, искусные диалектики, глубокие наблюдатели жизни и нравов, доктора, производившие знаменитые излечения, приходили в нижнюю палату с откровениями свыше касательно парламентских вопросов. Мы знали одну старуху, которая не отличалась никакими особенными достоинствами, кроме искусства ворожить, которая получила воспитание судомойки, но которая между тем возведена была в пророчицы, пред которою преклонялись десятки тысяч благоговевших пред нею последователей, из которых многие были выше ее и по положению, и по воспитанию, и все это совершалось в Лондоне, все это было в XIX веке».

«Что отсюда следует? – спрашивает Маколей. – А то, – отвечает он, – что касательно дел Божиих не больше открыто в XIX веке, чем в I-м, не больше Лондону, чем дикому приходу на Гебридских островах. И то, значит, несомненно, что в вещах, которые касаются этой жизни и этого мира, люди могут становиться мудрее и умнее, но не менее несомненно и то, что во всем, что касается Высшего Существа и будущей судьбы, в вопросах веры, человек представляется самым странным и несчастным созданием». Нам живо припомнились эти суждения английского историка, когда моршанские открытия в плотичинских кладовых обратили наше внимание и внимание всей России на скопческую секту. Что может быть нелепее и безобразнее скопческих религиозных убеждений, и, однако же, они существуют, они исповедуются в образованном XIX веке, они в наше время имели и имеют необходимых, по самой сущности своей, исповедников и мучеников! Действительно, человек странное и несчастное существо! и его самые крайние, самые даже вредные религиозные заблуждения прежде всего должны возбуждать в мыслящем и небессердечном наблюдателе чувства сожаления к недостаткам его природы, которая создана так, что человек, отступающий от положительного учения, решительно не застрахован против самых вопиющих суеверий и изуверств. Вот то наше душевное настроение, с каким мы приступаем в настоящей статье к историческому очерку скопчества.

Но наперед сделаем небольшое отступление. У нас, на русском языке, о скопцах существует одно только ценное сочинение, напечатанное в 1845 году по приказанию министра внутренних дел и составленное чиновником этого министерства Надеждиным. Оно до нового напечатания его в Лондоне г. Кельсиевым в 1862 г. составляло

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru библиографическую редкость, но и по напечатанию в Лондоне осталось такой же редкостью вследствие странного и дикого предисловия, написанного издателем. Как первый и единственный доселе опыт исследования о скопческой ереси, книга Надеждина будет служить руководством и источником для всех, желающих писать и судить о скопцах, и мы находимся в необходимости брать сведения из нее, хотя не можем усвоить себе того жестокого и сурового отношения к странной ереси, в какое поставил себя покойный автор, так что сочинение его похоже на обвинительную речь прокурора, не можем также принять и его умозрения (теории) касательно происхождения скопчества в мире.

История не знает ни времени, ни страны, когда и где появилось скопчество: оно предупредило всякую историю и всякое законодательство; книга Бытия уже находит скопцов существующими, книга Второзакония отнимает уже от них некоторые права. Мотив, поведший первого в мире скопца к изуродованию своей природы, был, без сомнения, религиозный, – это та самая религиозная восторженность, которая заставляла жрецов бичевать себя, матерей закалать своих детей в честь божества, которая заставляет индийца бросаться под колеса священной колесницы, которая создала целомудренных весталок и весьма нецеломудренных поклонниц Астарты. Оскопление было одним из многих проявлений напряженности религиозного чувства, – напряженности, какою вообще отличался житель жарких стран Азии. Впоследствии этим искажением природы пользовались и пользуются доселе ревнивые и сладострастные обладатели гаремов восточных для охранения заключенных в них живых сокровищ; стражами жен, или евнухами, были в самой глубокой древности скопцы. Греки о скопцах говорили с отвращением, хотя их тираны иногда пользовались услугами скопцов, а их купцы торговали ими, сбывая выгодно в гаремы азиатцев. Римляне в своих законах строгими наказаниями преследовали оскопление. Но существование законов показывает уже, что и в Европе, стране более холодного размышления, оскопление и скопцы существовали. В Византийской империи скопчество утвердилось; по примеру восточных владык в придворный штат византийских императоров допускались и скопцы в качестве евнухов, и некоторые из них, например Нарзес при Юстиниане I, приобрели себе при жизни большую силу, а в истории известность; к оскоплению прибегали здесь иногда похитители престола, подвергая оному всех сыновей низверженного императора. Мохамеданский восток пользовался и пользуется услугами евнухов, но совершение самооскопления законами воспрещено для правоверных мусульман. На западе Европы в одной Италии существовал обычай оскопления – с целями, впрочем, артистическими, чтобы в мальчиках сохранить для пения на всю жизнь чистый дискантовый голос; итальянские скопцы назывались кастратами, и некоторые из них приобретали артистическую славу и даже политическое влияние, как и евнухи на востоке. Наполеон I направил всю строгость гражданских законов против итальянского кастратства, которое было, впрочем, некоторого рода ремеслом.

Теперь в нашем кратком очерке истории скопчества мы остановимся пред интересным вопросом: как отнеслось христианство, религия господства духа над плотью, к восточному скопчеству, которое тоже вытекло из утрированных понятий Востока о борьбе добра со злом и о необходимости для совершенства умерщвления плоти? Христианство при самом своем утверждении встретило скопчество как существующий факт (Мф. гл. XIX, 12) и не только не одобрило физического самооскопления, но не одобрило вообще отвращения от естественных влечений природы, удовлетворяемых супружеством, как от какой-нибудь скверны. Но язычество, в борьбе своей с христианством, как к орудию особенно духовному, прибегло к самым необузданным религиозным фантазмагориям Востока, к самым таинственным учениям и к самым страшным обрядам восточного богослужения; учения и обряды Востока, смешавшись с греческою философиею и с самим христианством, породили так называемый гносис. В первые же века христианства между самыми христианами образовалась полуязыческая секта, которая, выходя из начала борьбы добра со злом, стала приходить к мысли о необходимости, для достижения верховной святости и чистоты, умерщвлять в буквальном смысле свою плоть чрез разные самоизуродования, в том числе и чрез оскопление. Даже такой великий ум, каким обладал Ориген, не спас этого знаменитого ученого и мыслителя христианского от языческой скопческой заразы, и Ориген в молодых годах оскопил себя: пример его был пример не единственный между христианами II и III века.

Как отнеслась к этой языческой заразе христианская церковь, это показывают правила св. апостолов. Вот четыре правила, касающиеся скопчества: «Скопец, аще от человеческого насилия, или в гонении таковым сделан, или так рожден, и аще достоин, да будет епископ (21 правило); сам себя скопивший да не будет принят в клир, самоубийца бо есть и враг Божия создания (22 пр.); аще кто из клира скопит

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru себя самого, да будет извергаем, ибо убийца есть самого себя (23 пр.); мирянин, себя скопивший, на три года отлучен да будет от таинств, ибо наветник есть своея жизни (24 пр.)». Несчастные опыты самоискажения, однако, продолжались между христианами и в IV веке; в этом обличены были и некоторые из духовных лиц, которые не только оставались в клире, но и восходили на высшие степени его. Первый вселенский собор повелел всех их исключать из клира и впредь никак не допускать подобных самопроизвольных скопцов в клире (прав. 1). Но примеры не только самооскопления, но даже скопческой пропаганды продолжались в христианской церкви даже уже в IX веке; один из бывших в этом веке соборов определил: «Божественное и священное правило святых апостолов признает скопящих самих себя за самоубийц...; отсюда явным становится, что если скопящий сам себя есть самоубийца, то скопящий другого, без сомнения, есть убийца. Поэтому святой собор определил: если кто обличен будет, что оскотил кого-либо своеручно или чрез повеление, таковой да подвергнется извержению из своего чина; если же мирянин, да отлучится от общения церковного (прав. 8)». Итак христианская церковь в первые девять веков считала скопчество тяжким грехом; снисхождение допускалось только в пользу тех несчастливцев, которые подвергались оскотлению насильственно или как лечебному средству от какой-либо болезни: но самые церковные законы и их решительные угрозы показывают, что языческая старина и восточное мистическое изуверство находили себе последователей даже между духовными лицами, которые оскотляли других своеручно. Но утешительно прибавить к этому, что могущества сильной ереси это языческое заблуждение никогда не имело в христианской церкви. Обращаемся к древней русской церкви. Здесь было до конца XVIII века весьма немного скопцов, и то не из природных русских: первый, упоминаемый в летописях, был монах Адриан (1004 г.); второй – святой Моисей многострадальный, венгерец, попавшийся в плен в Польшу, оскотленный там одною знатною польскою из мести за целомудренное презрение ее страсти к нему и потом скончавшийся в Киеве (1041 г.). «Вскоре потом, – читаем у г. Надеждина, – на самой высшей степени церковной русской иерархии, на кафедре митрополии Киевской и всей России являются сряду два скопца, оба родом греки: Иоанн II (1089–1090) и Ефрем (1090–1096). Первый из них, вывезенный из Греции княжною Анною Всеволодовною, по свидетельству современной летописи, был принят киевлянами за мертвеца; стало быть, возбудил к себе отвращение и ужас, что не иначе может быть объяснено, как небывалостию и необыкновенностию у нас скопцов в то время. Кроме того, между древними епископами на Руси встречаются еще трое скопцов: в Смоленске – Мануил (1138–1147), во Владимире-Волынском – Федор (1136–1147) и еще один в Луцке (1326); о первом из них достоверно известно, что он пришел в Киев из Греции в качестве регента певчих. С тех пор всякий слух о скопцах исчезает в наших исторических памятниках». Так как они не переводились на востоке, то, вероятно, некоторые из них продолжали приходить на Русь; но чтобы они занимали значительные места или играли важную роль в церкви или в государстве, тому нет ни малейших признаков ни в летописях, ни в прочих сказаниях. Это, конечно, служит свидетельством, что в предках наших не было сочувствия и поползновения к столь отвратительному и противоестественному преступлению; возвышение немногих скопцов в сан святительский было, без всякого сомнения, основано на снисхождении древней церкви к евнухам, невольно подвергшимся оскотлению.

И однако же, то несомненно, что около столетия назад открыты были в России признаки скопчества не как единичного явления, а как ереси или секты, замкнутой в себе самой, тайной и тем не менее чрезвычайно горячей и с пропагандистскими наклонностями, секты – в таком виде и с таким учением, с какими скопчество никогда и нигде не являлось. Об этом мы поговорим в следующей статье, а теперь выскажем несколько замечаний вообще о скопчестве.

Рассуждая о скопчестве, никак не следует упускать из виду весьма важного различия – скопчества как личного принципа того или другого лица и скопчества как секты, члены которой не только сами лично проводят свой принцип в свою личную жизнь во всей его крайности, но стараются обманом, обещаниями и прямым насилием осуществить свой принцип на других. В первом случае скопчество принадлежит, без сомнения, к числу самых диких религиозных заблуждений; но чувствуя к нему отвращение, к лицам, держащимся такого заблуждения, можно питать искреннее чувство сожаления, потому что источник этого заблуждения крайняя наклонность человека, при отступлении от положительной религии, вообще к заблуждениям в области веры. В последнем случае, когда лица, при всей дикости и противоестественности их убеждений, деятельно и упорно стараются осуществить эти убеждения еще и на других, когда они для этого пользуются неопытностью молодости или стесненным положением бедности, заблуждение перестает уже быть только заблуждением, вредным лично для заблуждающихся, оно становится преступлением

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru против общества. Бедняк, бросающийся от крайнего помрачения рассудка с моста в воду, возбуждает сожаление и участие; но тот же бедняк, избравший средством для жизни воровство, грабеж или убийство, подвергается строгости законов; несколько же таких бедняков, вступивших для грабежа и убийств в союз и составивших шайку, становятся гораздо опаснее для общества, чем если бы эти же самые лица занимались этими преступлениями каждый отдельно.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 15-го ФЕВРАЛЯ

В прошедший раз мы заметили, что наши раскольники-старообрядцы страдают недостатком развития. Этим, без сомнения, обстоятельством можно объяснить множество нареканий с их стороны на церковь и общество. Человек образованный и развитой не стал бы обвинять церковь в ереси за произнесение третьей аллилуйи, видеть непризнание Иисуса Христа сыном Божиим в известном произнесении молитвы Иисусовой, находить савеллианство, манихейство и другие ереси в выпуске или прибавке одной или двух букв, говорить о церкви, что она даже духу лукавому молится в известной молитве в чине крещения, – обвинять во всем этом, не обращая внимания на то, что и в символе веры, и в богословских сочинениях она исповедует православно все догматы. То же нужно сказать и о нареканиях на общество: видеть догмат в бороде, в сапогах, в зипуне и т. п. и обвинять за изменение древних мод на новые в еретичестве может только человек самый недалекий. Положим, что прежние моды – наши, родные, русские, а новые моды – французские, неправославными людьми придуманные и во многих случаях должны бы усвоиться с большею осторожностью и с разбором; но придавать всему этому значение церковное, видеть в этом наш союз (церковный) с папою и кальвинизмом, думать, что у еретиков и сапоги еретические, и платье противное православию, может только человек весьма недалекий, мало понимающий, что такое вера Христова и в чем состоит жизнь собственно церковная в отличие от жизни общественной, государственной. Мы не удивляемся этому потому, что знаем, что человек, живущий преданиями, привыкший к патриархальности, любящий руководствоваться более непосредственными движениями чувства, чем рассудочным анализом, что такой человек, при известного рода обстоятельствах, способен развить в себе подобное направление. Мы со всею справедливостию считаем долгом воздать свою дань уважения старообрядцам за их строго национальное направление; но не можем одобрять старообрядческой нетерпимости и придирчивости к малозначащим мелочам, имеющим в их глазах значение только потому, что они неясно понимают основные законы православия. Отсюда понятно само собою, что первое лекарство против застарелого, векового недуга должно быть народное образование, умственное развитие. Мысль эта далеко не новая; она создалась еще во второй половине 18-го столетия и постоянно повторяется в наше время людьми, рассуждающими об ослаблении раскола. Но при этом она и до сих пор не выяснена еще в своих частностях и в своем практическом применении; а от этого, считая образование радикальным средством против раскола, у нас не сходятся в том, в каком виде прилагать это средство – признать ли его безусловно или с некоторыми ограничениями. Допуская безусловную нужду в образовании, следует поощрять и развивать всякие школы, даже раскольнические. Мысль эта была высказана и высказывается в нашей литературе некоторыми писателями о раскольниках, которые сделали неодобрительное замечание по поводу закрытия раскольнических школ в Москве, Киеве, Риге в прошедшее царствование, на том основании, что сила раскола заключается не в образованных раскольниках, вышедших из школ, а в фанатизме невежественных поборников якобы «древнего благочестия». К сожалению, мы и в эту пору еще не имеем возможности утвердительно сказать, где сильнее ненависть к церкви и преданность к расколу – в совершенно ли неученых массах или в вышедших из школ ревнителях раскола. Не будем, однако, спорить, что в раскольнической школе возможно воспитаться упорному фанатизму и самому узкому пониманию, и крайнему невниманию к словам и убеждениям человека чужой среды, то есть тем именно качествам, которые и составляют оплот раскола. Кроме воспитания и развития чувства ненависти к церкви православной, иная раскольническая школа, конечно, может утвердиться в учащих и узкий взгляд на церковные догматы, который составляет принадлежность раскола и его, так сказать, теоретическое основание. Известно, что самую сильную побудительную причину образованию раскола был догматический взгляд на обряды, произведший ложную уверенность, что в исправлении Никоном богослужебных книг и обрядов заключается великая ересь, последование латинству. Русский народ страшно боялся и боится ереси и питает сильнейшее отвращение к латинству. Расколу учителя старались внушать ему, что одно слово, одна буква, выброшенная или измененная, составляет савеллианство,

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
арианство и тому подобные ереси. Народ слушал эту проповедь, верил ей и шел за мнимое противодействие ереси на мучения или бежал за границу. Нет оснований утверждать, что и теперь в раскольнической школе не пожелали бы поддерживать то же самое воззрение на букву и обряд. Стремление к укоренению таких понятий в старообрядческо-раскольнической школе может быть очень вероятным, и, допуская эти соображения, мы вправе сделать один вывод, который, собственно, и нужен в настоящем случае, именно: когда мы утверждаем, что образование составляет самое существенное, коренное средство к ослаблению раскола, то в состав этого понятия мы не можем включить собственно то образование, какое давалось в прежних раскольнических школах. Другими словами: на раскольнические школы, каковы они были у раскольников, нельзя смотреть, как на средство, ведущее заблудшихся к сближению с церковью.

В последнее время обращает на себя внимание дозволение правительства принимать детей раскольников в учебные заведения министерства народного просвещения без обязательства посещать уроки закона Божия. Мера эта служит свидетельством того, что правительство сознает нужду и пользу общего образования для раскольнических детей. Неизвестно только, из каких мотивов вытекла эта мера, из сознания ли той истины, что несправедливо раскольнического сына лишать образования потому, что он не желает учиться православному богословию, то есть для науки пожертвовать своими религиозными убеждениями, тогда как учиться он не прочь; или в той надежде, что образование, даже помимо изучения закона Божия, способно сгладить многие шероховатости в жизни раскольника и приблизить его к церкви и обществу православному. Может быть и очень вероятно, что в основе нового законоположения лежат обе мысли. Не касаясь первой, непогрешимо верной и справедливой, обратимся к последней. Будем смотреть на предоставление права детям раскольников обучаться в учебных заведениях без обязательного слушания закона Божия как на меру сближения раскольников с церковью. При обсуждении этого вопроса в печати были высказаны противоречивые суждения; одни восхваляли эту меру, другие смотрят на нее скептически. Нам кажется, что те и другие несколько преувеличивают силу своих суждений, что меру эту нельзя признать совсем бесполезною, как нельзя на нее слишком и полагаться. Новгородский корреспондент «Русского инвалида» сообщил уже, что несколько человек молодых людей, обучавшихся, на основании данного позволения, в учебных заведениях министерства народного просвещения, благодаря своему образованию, отрешились от суеверных понятий и неразумных привязанностей раскола. Охотно верим сообщаемому факту тем более, что он представляется нам совершенно естественным. При умственном развитии очень легко понять, что, напр-имер, борода и сюртук не могут иметь такого значения, какое дается им в расколе, что гражданские преобразования и улучшения стоят за чертою религиозных запрещений, что открытия современного мира, производящие суеверные предположения среди раскольников о действии в них злой силы, не заключают в себе ничего сверхъестественного и свидетельствуют лишь о высоте ума человеческого; словом, образование и умственное развитие примиряют старообрядца-раскольника с обществом и общественными требованиями, и мы не будем нелогичны и поспешны, если заключим, что по отношению к крайним беспоповщинским сектам одно общее образование составляет превосходнейшее средство. Кто не знает, что одно разочарование нередко ведет к другому, что разубеждение в крайностях способно иногда подорвать убеждение в дальнейших, менее резких пунктах раскольнической системы и путем сомнения, колебания и отрицания постепенно вести к полному примирению с церковью. Вот, по нашему мнению, значение и заслуга общего образования как средства к ослаблению раскола! Но мы не можем не посмотреть здесь и в другую сторону. Первый вопрос, касающийся миссионерского значения нового законоположения, заключается в том, в каких размерах это средство может быть осуществимо, то есть воспользуются ли раскольники дарованным им правом? Ответить на предложенный вопрос со всею точностию мы не имеем возможности; но знаем очень многих раскольников из торгового сословия, которые и теперь не помышляют об отдаче своих детей в учебные заведения министерства народного просвещения. В стариках, придерживающихся беспоповщинских сект, и теперь крепко нерасположение к этим заведениям, несмотря на всевозможные льготы, допускаемые правительством. Но положим, что раскольники в возможно большем количестве воспользовались бы дарованным им правом, — что тогда? Вправе ли мы ожидать положительных и видных результатов в деле примирения раскольников с церковью? Общее образование способно разрушить крайние суеверные понятия человека, но способно ли оно создать в нем положительные религиозные убеждения, какие необходимы для того, чтобы человек, державшийся раскола, почувствовал привязанность к православному церковному учению? Разрушая старое, суеверное, одряхлевшее, но не созидая нового, твердого и святого, не в состоянии ли оно из обрядоверца-раскольника произвести равнодушного к религиозным убеждениям индифферентиста? Положим, что

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru при таком направлении он и оставит раскол и видимо соединится с церковью, но много ли утешительного в таком соединении? Мы и то немало страдаем недостатком людей с религиозным чувством и живыми религиозными убеждениями, а тут еще из раскола будут наплывать к нам люди так называемого отрицательного направления или похожие на петербургского купца, который, как было заявлено в газетах, пугал своих, что перейдет в церковь из раскола за то, что в общине осуждали его прогулки с француженкою. Что и старообрядцы могут увлекаться духом религиозного индифферентизма и допускать в своей жизни такие по-видимому невозможные скачки, каков переход от слишком большого уважения обрядности и внешности к холодности и безразличию в вере, – это можно видеть отчасти и каждому, всматривающемуся в молодое поколение богатых старообрядцев. В июльской книжке «Русского вестника» за 1868 год, в статье «О заграничной старообрядческой литературе» читаем, что среди старообрядцев существуют даже свои «дарвинисты».

Мысль о возможности увлечения индифферентизмом высказана была московскою газетою «Современные известия» по поводу рассматриваемого нами правительственного дозволения. В этой газете замечали, что старообрядцы, «не слушающие закона Божия, дойдут (мы не говорим так утвердительно, а только допускаем, что могут прийти) до полного безверия или, по крайней мере, до индифферентизма». Одна петербургская газета заметила на это, что заботливость «Современных известий» о религиозном образовании раскольников весьма почтенна, но едва ли не излишня. Религиозный характер раскола ручается за то, что раскольники не останутся без знакомства с началами, которые уединяют их от остальной части русского общества. Таким образом, эта газета все надежды свои основывает на религиозном характере раскольников и по этому поводу распространяется в доказательствах непогрешимости своей мысли и приводит в подкрепление ее мнения г. Шапова, с легкой руки которого у нас стали утверждать, что вопрос о расколе поставлен неправильно и проч. Все это очень оригинально и смело, но, к сожалению, мало относится к вопросу. Дело в том, что молодой человек, обучающийся, положим, в современной гимназии, – станет ли слушать уроки религии дома у какого-нибудь начетчика, или возможно ли, что он будет хоть сам заниматься дома чтением душевспасительных раскольничьих «цветников»? Мы этого не думаем. Тогда в каком же состоянии останутся все его религиозные взгляды и чувства? Он будет невежда по отношению к догматике и по всем предметам веры, а невежде всегда легко быть врагом церкви. Мы думаем, что игнорировать этот вопрос, как игнорировала его газета, опровергавшая опасения «Современных известий», невозможно. По нашему мнению, дорожа многими важнейшими интересами цивилизации и силою государства, следует, обсуждая вопрос о старообрядческих школах, не упускать из вида, что скачок раскола из обрядничества в безверие и религиозный индифферентизм ровно столько же не невозможен, сколько нежелателен. А потому надо обратить внимание на все, что может предотвратить этот скачок. На первый раз в этом случае достойны всего правительственного внимания школы единоверческих церквей, которые стоят между православием и расколом. Эти школы худы и неудовлетворительны, а раскол к ним близок, и они могут оказывать на него свое воздействие. На днях мы возвратимся к этому и скажем, в чем настоятельно нуждаются единоверческие школы для того, чтобы они могли служить религиозному образованию и объединению религиозно разномыслящих людей России.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 18-го ФЕВРАЛЯ

До сих пор любознательность русского общества и возбуждается, и питается самым странным образом; все мы наклонны узнавать и сообщать то, что делается от нас далеко, в образованной Европе, как бы совершающееся там маловажно и ничтожно ни было, и равнодушно смотрим на то, что вблизи нас, что существует у нас издавна. В этом случае самые интересные и важные исторические явления у нас проходятся нашею любознательностию незамечаемыми и необсуждаемыми. Квакеры, мормоны, сведенборгияне и разные другие мелкие секты западной Европы более знакомы русскому образованному человеку, чем отечественные раскольничьи толки; мы знаем число и взаимные отношения современных партий в Испании; нам подробно сообщаются прения в английских палатах и французском законодательном собрании, обязательно объясняются причины войны между Парагваем и Перу, и обстоятельства, вызвавшие дуэль между неизвестным французским графом и неизвестным же французским маркизом; но наши собственные, отечественные события считаются слишком ничтожными, чтобы ими занимать внимание нашей публики, и только какие-нибудь особенно грандиозные явления у нас, вроде растраты нижегородской соли, вроде гусевского убийства, вроде открытия миллионов в кладовой моршанского скопца,

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru останавливают на себе на время внимание русской печати и образованного общества. Но при этом обыкновенно печать и общество чувствуют себя в самом странном положении: они поражены новостью и необычайностью события и, по неимению предварительных данных, лишены бывают возможности судить о размерах и характере события. В Моршанске открыты в кладовых скопца Плотицына миллионы; в доме его нашли девять изрезанных женщин. Но что такое скопцы? Давно ли они у нас явились? Что они, принадлежат ли к расколу или составляют отдельную, самостоятельную секту? Религиозная ли это только секта или она имеет и политический характер? Безвредна ли она или вредна и даже опасна? На все эти вопросы и печать наша, и публика вовсе не приготовлены дать удовлетворительных ответов. А между тем кто не видал лично желтых, безбородых, морщинистых лиц наших менял? Явление это сделалось обыденным, и отечественная изыскательность не считает его достойным своих трудов, хотя это обыденное у нас явление составляет во всей Европе исключительную нашу собственность и весьма печальную особенность.

В предыдущей нашей статье о скопчестве («Бирж<евые> вед<омости>», № 41) мы рассматривали скопчество как религиозное воззрение и указали его проявления в языческом и христианском мире, не исключая и древней России, в которой хотя являлись скопцы, но их было весьма немного, и народ не оказывал скопчеству никакого сочувствия; скопцы были у нас единичными явлениями и большею частью не наши соотечественники. Спрашивается, где, когда и откуда взялась у нас язва скопчества, свирепствующая ныне почти во всех краях империи? Какие исторические влияния и обстоятельства породили страсть к оскотлению и довели ее до фанатизма, в свою очередь создавшего замкнутую секту? Понять факт исторический, если не всегда значит простить его, то всегда почти значит предугадать меры к его устранению и неповторяемости. Смотря с этой точки зрения на историю скопчества в России, мы не можем не высказать глубокого и искреннего сожаления о том, что этой истории, особенно истории зарождения скопчества в нашем отечестве, нет доселе. То, что мы будем говорить о происхождении секты в России, будет основываться не на прямых исторических данных, которые не указаны до сих пор русскою наукою, а на общих, хотя в то же время отчасти и исторических соображениях.

Что христианство, стоя за чистоту и богоугодность брака, в то же время отдавало преимущество девству, как нравственному торжеству духа над плотью, это видно и из Нового Завета, и из всей истории христианства. Но христианство, как везде, так и у нас, принималось людьми уже имевшими определенный, установившийся при других воззрениях – языческих, кодекс обычаев и убеждений, которые не сряду вымирали, а вели нередко упорную, хотя иногда и незаметную работу с началами христианскими. Чем упорнее оказывались остатки язычества, тем сильнее и иногда крайнее действовали горячие защитники христианских начал: в этом случае люди с огромными природными способностями, особенно с даром красноречия и силою воли, увлекали массы до самых крайних пределов исступления. Когда, например, Бернард Клервосский проходил с своею славой девственников и с своим горячим поучением по городам и селам, и молодые мужья оставляли молодых жен, обрученные уже невесты отказывались от замужества, которого сами желали, отцы оставляли малолетних детей без поддержки и шли в монастыри. Западная церковь довела принцип девства до такого крайнего уважения в ущерб святости и законности брака, что лиц женатых сочла недостойными вступать в звание служителей христианской церкви. Православная церковь с самых первых веков и до настоящего времени никогда не проповедывала такой крайности, а наша русская даже приняла за правило не ставить в приходские священники лиц неженатых. Но тем не менее уважение к девству вообще в восточной церкви и в частности в нашей, русской, было всеобщее и глубокое: доказательством этого могут служить множество монастырей в древней России и большинство чтимых нашею церковью угодников. Если мы к этому прибавим, что наши церковные уставы – все происхождения монастырского, то поймем, почему большая часть постановлений строго стояла за чистоту и святость полного девства и за ограничения в самой супружеской жизни. Брак у нас не презирался, но он ставился гораздо ниже девства, и законность, и, так сказать, терпимость получал в глазах народа от таинственного освящения его церковью.

Таким образом, светлая сторона в скопчестве, – стремление к полной девственной чистоте как к высшему возможному для христианина совершенству, – всегда была в христианской церкви вообще и в частности в русской, как данное и готовое условие. Народ глубоко и высоко чтит девство и браком не гнушался только в силу его освящения церковью. Но и при этом условии все-таки до скопчества было еще далеко, и оно в спокойном, нормальном состоянии нашей церкви не являлось. Но когда русская церковь взволновалась расколом, когда раскол произнес свое

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
убеждение, что священство прекратилось, что таинства и, между прочим, таинства брака совершать законно некому: раскольникам оставалось одно из двух – или вести брачную жизнь «не благословенную» и считать ее в то же самое время в своей совести «скверною», или же отказаться от нее, опять-таки под двумя формами: во-первых, в виде свального греха, во-вторых, в виде физического оскпления себя – тем более, что в раскольничьих монастырях и общинах скоро стали обнаруживаться явления крайнего разврата. На последний путь легко могли попасть натуры, от природы наиболее наклонные к созерцательности, наиболее восторженные и, так сказать, честные и чистые, не способные помирить своей совести с совершенным преступлением посредством ста или двухсот поклонов. Для таких натур единственным средством примирения и с собою, и с отсутствием церкви могло представиться следовать в этом случае буквально заповеди: «Если око твое соблазняет тебя, выколи его». Давно начавшиеся и в последнее время усилившиеся споры раскольников касательно брачной жизни показывают всю безысходность старообрядческого раскола в этом случае. Хлысты, или Божии люди, и скопцы решили этот вопрос гораздо раньше раскольников, но в двух различных направлениях: одни блуд одели светлым именем Христовой любви, – решение, к которому приходили иногда и раскольники, – другие решили избежать этой скверны чрез соделание себя физически неспособными к браку. Но русские люди были людьми предания: решая вопрос о браке таким крайним способом, они не могли иметь за себя предания, и вот хлысты и впоследствии скопцы совершенно отказываются от предания, от всех дошедших к ним обрядов, от священных и богослужебных книг, чем они существенно отличаются от раскольников-старообрядцев, отказываются, впрочем, в том только смысле, что не придают ни книгам, ни обрядам никакой цены и готовы по внешности уважать те и другие. Они желают входить в соединение с божеством без посредства «преданных» обрядов, непосредственно и для этого приводят себя посредством кружений в исступленное состояние; они в среде себя находят новых искупителей, богородиц, апостолов, пророчиц и т. д. Однажды вступив на этот путь, молокане, Божьи люди и скопцы могли создать уже целую полухристианскую, полуязыческую мифологию, которую мы и находим у них. Людям ученым, мыслящим, привыкшим к отвлеченным истинам науки, трудно представить, как совершается в непосредственных натурах такой странный физический процесс, как, например, такой процесс совершался в душе Игнатия Лойолы, когда в нем происходил внутренний переход от светской жизни к миру духовному; людям ученым кажется непонятным этот мир откровений, видений, пророчеств, таинственных единений с божеством; они чувствуют себя неловко, когда им приходится в действительности столкнуться с подобного рода строем верований, а между тем все баснословия хлыстов и скопцов основаны именно на подобного рода убеждении в непосредственном общении с божеством, помимо всякого предания.

Если наши соображения имеют некоторую вероятность, – а они основываются на общем ходе и развитии в мире разного рода фантастических верований и обрядов, – то происхождение хлыстов и потом скопцов надобно искать в том же самом церковном движении у нас, которое породило и раскол, или вернее и те и другие выродились из желания быть последовательными в выводе окончательных следствий из того убеждения, общего и расколу, что церкви уже нет в мире. Следы старообрядства в скопчестве и примеры перехода беспоповцев в скопческую секту доказывают это. Надеждин пишет: «В собраниях скопческих употребляется преимущественно осьмиконечный крест; молятся они двуперстно, ходят посолонь; имя Христово пишут большею частью по-раскольничьи – Иисус, а не Иисус. В скопцы нередко поступают раскольники разных толков, в особенности из беспоповщины. Так, о предтече их, Шилове, говорится, что он был перекрещенец или даже троеженец. При производстве в 1800 г. дела об орловских скопцах, жертвы, соблазненные лжеучителем Шишкиным, показали, что соблазнитель сначала оболстил их к раскольничьему кресту, то есть научил креститься двуперстно, а один из них, Грачев, объявил еще определеннее, что он первоначально был уговорен вступить в старообрядческую веру и уже затем дозволил оскопить себя для вящего от страстей воздержания, паче же от блуда. Открытая в 1841 году в Лифляндии куткинская секта, в коей подозревалось потаенное скопчество, возникла из раскола феофановского беспоповщинского толка, в который после опять возвратилась. Наконец, в показании таврического скопца Захария Иванова содержится весьма обстоятельное описание, как он, обуреваемый изверством, сначала попал в секту поморскую, или запощеванскую, которой главные правила, преподанные ему, состояли в том, чтобы не есть мяса, не поклоняться иконам нового писания и не признавать священства, а потом уже перекинулся в скопчество». Все эти примеры, приведенные Надеждиным показывают, что между раскольниками-старообрядцами, особенно беспоповцами, и между хлыстами и скопцами была и есть историческая связь. Но вместе с тем между теми и другими существует самая решительная разница в основном характере их воззрений и стремлений. Старообрядцы упорно стоят за предание, за обряды, за

Сборник статей. Николай Семенович Лесков Leskovniko1ai.ru
внешность; хлысты и скопцы нисколько не дорожат этим. Следующие замечания Надеждина весьма хорошо характеризуют различие между ними: «Наши старообрядческие расколы, чем менее содержат в себе внутреннего противоречия с православною церковью, тем более уклоняются от нее наружно: их сущность состоит в упорном, фанатичном пристрастии к обрядовой внешности; оттого раскольник в самых малейших движениях своих носит яркую печать своего отщепенства. У скопцов решительно противное; все наружное, все обрядное составляет для него предмет полнейшего равнодушия; не только в открытых отношениях с церковью они поставляют себе законом притворное и безусловное двоедушие, в самой глубине их вертепов – личина, которую прикрито их зловерие, отличается удивительною благовидностью; что заимствуется ими у православной церкви, заимствуется без всякого искажения и изменения; нет у них пристрастия ни к старым книгам, ни к старым иконам. Это показывает, что происхождение их ереси не есть чисто раскольническое, но имеет другой источник, который, впрочем, должно разыскивать не у них, а у хлыстов, их родоначальников».

Но самая внутренняя, самая жизненная связь существовала некогда между скопцами и хлыстами. Хлысты являются существующими уже в царствование Алексея Михайловича, – значит, происхождение их почти современно происхождению старообрядцев. Из хлыстовщины развилось скопчество как высшая степень заблуждения, как последний вывод. В вероучении хлыстов и скопцов много общего, технические термины повторяются даже буквально; между духовными песнями тех и других не только существует сходство в духе и выражениях, но в некоторых даже полное тождество. Скопец Будылин рассказывает, что Петр III, Христос скопцов, убежав из Петропавловской крепости, скрывался между хлыстами. Селиванов, которого скопцы считали и икупителем своим, и Петром III, не чуждался хлыстов, а имел с ними сношения и называл их своими «детушками» наравне с самими скопцами.

Но, производя скопчество как секту из секты хлыстов, мы, собственно говоря, не много еще объясняем в истории первого, потому что хлыстовщина еще менее дознана и разъяснена, чем даже скопчество. Но сущность секты «людей Божиих», однако же, известна. «Она состоит, – говорит Надеждин, – в высшей степени фанатической восторженности; изуверы, возбуждая ее в себе разными насильственными средствами, уверяются, что таким образом они входят в непосредственное соединение с божеством, и тогда нисходит на них вещественно Дух Святой, исполняя их чудесными сверхъестественными дарованиями благодати. Такое самообольщение составляет род психической болезни, к сожалению, весьма свойственной природе человеческой. Оно встречается во все времена, у всех народов, на всех степенях народного и общественного образования, при всех формах исповеданий; ему одолжены своим происхождением: на одном краю человечества шаманы и шаманки, морочащие своими кривляниями грубых сибиряков; на другом какая-нибудь Анна Лиз, основательница секты трясушек, не дальше как в конце прошлого столетия в Англии выдавшая себя за боговдохновенную апокалипсическую жену, или какой-нибудь отец Анфантен, на наших глазах посреди Парижа величавший сам себя и величаемый от сен-симонистов „верховным отцом“. Следствиями такого помешательства, когда оно организуется в секту, всегда и везде бывают: во-первых, стремление к уравниванию и смешению всех различий между людьми; во-вторых, отрешение от всех обыкновенных правил и приличий общественного и гражданского, тем более церковного порядка, и вследствие того, с одной стороны, необыкновенная строгость и воздержность в наружном поведении, с другой – внутреннее необузданное своеволие и совершенная нравственная анархия; в-третьих, наконец, высочайшая духовная гордость и отсюда, смотря по образованности фанатиков, более или менее грубое самообоготворение, в буквальном материальном смысле. Таковы и наши хлысты». И они, как и скопцы, называют себя: пророками, спасителями, икупителями, христами, богородицами, а друг друга богами, вследствие чего даже молятся друг на друга.

Свежий читатель может, прочитав все это, назвать написанное дичью или даже клеветой: но область религиозных заблуждений безгранична, а степени и формы их бесконечно разнообразны! Считать подобные вещи особенно нелепыми и невероятными, по меньшей мере, неосновательно именно в наш век, – в век появления столоверчения и распространения спиритизма...

В следующей статье мы, оставив область гадательных соображений, обратимся к подлинным фактам из истории скопческой секты у нас.

1869 год.

Говоря о происхождении у нас скопческой секты, надобно различать у нас два периода: во-первых, период совместного существования ее с хлыстами, когда вероучение скопцов и хлыстов не отделилось еще одно от другого и когда самое оскопление, по всей вероятности, не было еще считаемо необходимым для высшего совершенства, когда в баснословие скопческое не входила еще личность Петра III, и, во-вторых, период отдельного существования обеих сект, когда «христова любовь» хлыстов сочтена была скопцами, подобно браку, скверною и когда они, оставив у себя многие верования хлыстов, пошли в развитии баснословия дальше. В первый период оскопления естественно могли быть только единичными явлениями, и так как хлысты и скопцы не различались еще такою наружною и резкою приметой, то их не отличали друг от друга. В этом смысле, вероятно, и надобно принимать известие, что скопцы были известны еще при Петре Великом и что будто при Анне Иоанновне казнено было на Конной целое семейство скопцов, – известие, для которого официальных документов не смог отыскать г. Надеждин.

Первый официальный документ о скопцах относится к 1772 г., когда 2 июля последовал именной высочайший указ на имя полковника Волкова, чтобы он отправился в Орловский уезд для исследования слухов о возникновении там «нового рода некоторой ереси». Ересь эта была, очевидно, скопческая, потому что указом предписывалось разделить виновных на три класса: на начинщиков, которые других изуродовали, на тех, которые подводили и подговаривали простаков, и на простаков, слепо повиновавшихся безумству наставников. Первых повелевалось в указе высечь кнутом на местах их проповеди и отправить в Нерчинск навечно, вторых высечь батожем и отправить в Ригу на работу в крепости, последних разослать на прежние их жилища под строгий надзор помещиков и начальников. О последствиях командировки Волкова в Орловский уезд современных известий не сохранилось; но из нового дела об орловских же скопцах, начавшегося в 1800 году, видно, что первым наставником и оскопителем в Орловском уезде был некто Андрей Иванов, который в селе Богдановке был наказан кнутом и сослан в ссылку, а остальные скопцы возвращены на места жительства. Кроме того, из указа военной коллегии от 25 февраля 1774 года видно, что тринадцать человек скопцов из села Богдановки сданы в зачет в рекруты. Между тем неизвестно когда, но только еще в прошлом столетии, открыта была скопческая ересь в Тамбовском уезде в селе Сосновке (ныне Моршанского уезда), потому что в 1800 году пятеро из них, в том числе и диакон Алексеев, уже содержались в Динамюндской крепости, и отсюда в этом же году привезены были в Петербург для допроса. Из показания их оказалось, что увлечены они были приезжавшим из Тулы покупщиком кож Ретивым, что оскопление над ними совершено было в Туле, а не в Сосновке, что операцию производил какой-то «киевский затворник», который приезжал и в Сосновку в сопровождении некоего Александра Иванова и оскопил здесь пять человек, что по произведении следствия они сосланы были в Ригу и отсюда за распространение и здесь ереси между солдатами и женщинами, по наказании батожем, препровождены в Динамюнд – в вечную неисходную тюрьму. Показания их подтвердились вполне в 1844 году, когда крестьянин села Сосновки Семен Попов 85 лет показал, что скопчество обнаружилось в Сосновке лет семьдесят назад, и поименовал некоторых лиц из числа тех, которые действительно находились некогда в Риге и Динамюнде. В числе этих лиц встречается уже фамилия Плотичина, с именем Пимена. Попов показал при этом, что тогда же привезен был в Сосновку и наказан кнутом на площади неизвестный человек, сам скопец и оскоплявший других. Таким образом, спустя три года после того, как Андрей Иванов был наказан кнутом в Орловской губернии, киевский затворник, имевший пребывание в Туле, был бит кнутом в Тамбовской. Тула, Богдановка и Сосновка – первые официально известные места распространения скопчества: а «киевский затворник», как увидим впоследствии, был главным распространителем и, можно сказать, ересиархом секты.

Мы не станем рассказывать последующих подробностей распространения ереси. Правительство при Екатерине II оставляло жертвы оскопления на местах их жительства и вообще поступало с скопцами милостиво, но эти жертвы отродили от себя новые побеги. Они в 1780-х годах проникли уже в Калужскую и Курскую губернии. Места ссылки главных деятелей становились центрами, – сперва Рига, потом Динамюнд. В 1797 году уже в самом Петербурге забрано было пять скопцов, в числе их один московский купец Колесников, с которыми находился в сношениях известный уже Александр Иванов. Павел I был довольно строг к скопцам, но с воцарением императора Александра I система правительственных отношений к ереси изменилась. В 18 день марта 1801 года последовал указ: «Калужских скопцов оставить от суда свободными, поелику они подобным невежественным и вредным поступком сами себя довольно уже наказали». И сосновские скопцы, содержащиеся

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
тогда в Шлиссельбургской крепости, были разосланы по монастырям новгородской и петербургской епархии, а вновь открытые в Петербурге скопцы получили полную свободу. Комиссия для пересмотра прежних уголовных дел вошла в исследование о скопцах, находившихся в разных местах в заключении. Она составила список освобождаемых скопцов, и в этом списке оказался наказанный в Сосновке кнутом, сосланный потом в Сибирь, оттуда каким-то чудом вернувшийся и содержащийся в петербургском смиренном доме «киевский затворник» под именем Семена Селиванова. Личность знаменитейшая в истории скопчества у нас! По освобождению из смиренного дома, «киевский затворник» определен был в богадельню для помещения «в первый сорт», хотя он посажен был прежде за оскотление себя и других. Видно, что и тогда умели не жалеть денег скопцы, чтобы выручать своих!

Недолго, впрочем, правительство милостиво относилось к сектантам в своих узаконениях. В 1806 году, по поводу открытия скопчества уже и в Херсонской губернии, последовал указ, в котором скопцов велено было признавать «врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов божеских и гражданских»; в следующем году скопцов, открытых в Малоархангельском уезде, велено было именным указом «сдать всех без изъятия в рекруты». Официальные документы, говорит Надеждин, не объясняют причин такой резкой перемены. Но, по-видимому, правительство стало уже несколько проникать страшную и чудовищную тайну скопческой секты и ее религиозно-политическое самозванство. К 1819 году дело несколько разъяснилось для правительства, и в правительственных сферах Петербурга началось движение по поводу сделанных открытий.

Между министром духовных дел князем Голицыным и петербургским генерал-губернатором графом Милорадовичем началась деятельная и чрезвычайно секретная переписка.

«В этой переписке, – пишет Надеждин, – переходил из рук в руки список главных лиц, окружающих Старца, которого общество скопцов, образовавшееся в Петербурге, называет искомпителем. То были: придворный лакей Семен Кобелев и мещане Кирилл Григорьев и Исай Ильин... Оказалось, что Ильин отправлял в столице должность искомпителя, что Григорьев заманивал в секту людей уверениями, что „оний старец есть истинный искомпитель“, что он нередко посылает повеления своим скопцам в отдаленнейшие края России, и что от всех скопцов, в особенности от новопринятых, получает богатые дары, что придворный лакей Кобелев „уверяет целое общество скопцов, будто сей старец есть Петр III, приносит ему ложно поклоны от лица Государя Императора, и тем приводит всех в страх и ложную доверенность, от которой умножается скопчество“». Князь Голицын в ответе Милорадовичу писал, между прочим, что он и бывший генерал-губернатор граф Толстой, по повелению Государя Императора, сами «посещали вместе моленную скопцов и объявили им высочайшую волю, дабы они прекратили оскотление друг над другом, а с старика, называемого искомпителем, взяли тогда обещание отнюдь не позволять и самому ни над кем не делать сей операции под опасением ссылки в Сибирь, а как ныне видно, что это обещание не сдержано, то он считает вполне благоразумною меру, предлагаемую графом, то есть удаление в уединенные монастыри распространителей скопчества, именно лакея Кобелева, мещан Ильина и Григорьева, а старика, по дряхлости и слабости здоровья, оставить в покое, пускай он молится и пусть собираются у него для молитвы, только бы искомпителем его не называли, и отнюдь не принимали бы солдат в свое общество». Государь Император утвердил мнение князя Голицына, и Кобелев, Григорьев и Ильин отправлены были в Соловецкий монастырь. Между тем таинственный старец, которого в документах нигде не называют по имени, и «искупитель» скопцов остался в покое, хотя из дела, производившегося еще в 1805 году о скопцах в Херсонской губ<ернии>, видно было, что между ними распространена была уверенность, будто государь Петр Федорович находится теперь в Петербурге, и таким же скопцом, как и они, хотя, вероятно, это убеждение скопцов и было причиною, почему указ 1806 года называл скопцов врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов божиих и гражданских, «Каким образом, – спрашивает Надеждин, – случилось, что сам тот, к кому именно относилось это двойное самозванство, это преступное похищение божественного имени искомпителя и священного имени царя, отделался только обещанием не распространять более оскотления? Весьма замечательно, – отвечает сам же Надеждин, – что в документе, представленном на высочайшее усмотрение, имени Петра III не было вовсе упомянуто, хотя в официальных приложениях к делу оно повторяется неоднократно, как приписываемое лже-искупителю. О секте скопцов, имеющих свои собрания, своих старшин, свою общественную казну, одним словом – все качества тайного союза, распространяющего свое влияние из столицы в отдаленнейшие края империи, трактуется в документе с полным спокойствием. Такое

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
спокойствие было бы непостижимо, если бы тут было замешано имя столь важное политически: очевидно, этому последнему не верили, а всю сущность секты полагали только в излишестве религиозной мечтательности, по духу тогдашнего времени извинительной».

Время царствования Александра I, время господства в нашем образованном обществе разных видов мистицизма, по отношению к скопческой секте, можно назвать временем ее утверждения на прочных началах. Скопческая секта, секта мистическая и экзальтированная, не могла возбуждать тогда особенной антипатии в высших правительственных лицах: князь Голицын, например, с некоторою даже любовью говорит о старике лже-искупителе. Неудивительно, что скопцы, которых заблуждение указ 1806 г. признал непрощаемым ни под каким видом, тем не менее беспрепятственно плодились в столице; никто как будто не знал о том, или, лучше, не хотел знать. На полицейских чиновников, которые тогда, по всей вероятности, были неповинны в мистицизме высших классов, могла иметь влияние «общественная казна» секты. Но когда ретивый чиновник полиции случайно открывал преступные дела сектантов и доносил о них начальству, ему давали знать, что ревность его – ревность не по разуму. Надеждин рассказывает следующие два случая: «За год перед обращением высочайшего внимания на скопчество в Петербурге, в апреле 1818 года один квартальный поручик, по фамилии Барадулин, случайно производя исследование о фальшивых ассигнациях, открыл в доме купца Васильева в потаенной каморке оскопленного не больше как за два пред тем дня человека и, вследствие того, осмотрев немедленно всех находившихся тут мужчин, нашел между ними еще трех оскопленных, в том числе отставного солдата. Арестовав их, Барадулин отрапортовал обер-полицеймейстеру, от которого получил изустную благодарность и приказание разведать подробнее о сем важном деле; но через несколько дней, когда усердный чиновник, исполнив удачно поручение, явился с донесением, обер-полицеймейстер объявил, что „дело сие уже оставлено, и ему по оному ничего более предпринимать не должно“, в то же время и находившиеся под арестом скопцы освобождены были на поруки». Другой случай: «Через год, при начале дела, обратившего на скопцов высочайшее внимание, граф Милорадович дал движение этому открытию, приказав собственному своему чиновнику вместе с Барадулиным снять снова допрос с солдата Петрова, и тогда Барадулин, в особой записке изъяснив разные подробности вообще о скопцах, существующих в столице, указал, что ими наполнены здесь многие дома, в особенности купцов Солодовниковых и Васильева, смежные между собою, из которых в последнем, по собранным им известиям, имеет скрытное жительство наставница оскопленниц женского пола, девица редкой красоты, называемая богородицею, которой скопцы воздают божеские почести, а в первом бывают еженедельные скопческие сборища, и, как впоследствии оказалось, жил обоготворяемый ими искупитель. Впрочем, и это осталось только при деле. Все кончилось, – замечает Надеждин, – удалением из столицы трех ничтожных человек, у которых по ссылке в Соловки всего имущества оказалось только на сто рублей ассигнациями (куда же девались богатые дары, которые получал Григорьев?!); а Солодовников и Васильев, люди богатые и сильные, остались неприкосновенными в своих домах, служивших притонами лжеискупителю и лжебогородице».

Скоро, впрочем, петербургским скопцам пришлось расстаться и с своим лжеискупителем. Неизвестно, какие новые открытия заставили вновь обратить внимание на секту; только спустя меньше года после ссылки вышепоименованных лиц образован был секретный комитет из митрополита петербургского Михаила, архиепископа тверского (покойного московского митрополита) Филарета, князя Голицына, графа Милорадовича и графа Кочубея. О чем совещался комитет, неизвестно, но вследствие его совещаний, по высочайшему повелению, 7 июля 1820 года, в час пополудни, из дома Солодовникова взят был старик и отправлен в заточение в суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Граф Кочубей передал при этом Милорадовичу высочайшее желание, «дабы человек сей во время пути имел все выгоды, какие нужны быть могут ему, по престарелым летам и из уважения к человечеству, сколь, впрочем, ни суть преступны правила ереси, кои он столь долго рассеивал».

Кротость и милосердие отличали, впрочем, и все меры Александра I против скопцов, хотя указ 1806 года и называл их «врагами человечества». Милорадович в собрании петербургских скопцов, созданных вскоре по удалении «старца», прочитал бумагу, высочайше рассмотренную и одобренную. Бумага представляет с одной стороны род объяснения, почему «старик» взят, а с другой род увещания – самого, впрочем, мягкого, к которому прибавлено в конце требование, чтобы «отныне никто не отваживался скопчить кого бы то ни было», под опасением «подвергнуться строгому взысканию от гражданского правительства». Но скопцы униматься и не думали:

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
долготерпение правительства, пишет Надеждин, развило, особенно в петербургских скопцах, дух непомерной самонадеянности и необычайного бесстрашия. Когда чиновники объявляли скопцам бумагу о причинах заточения «старца», скопец Петров, придворный метрдотель, «пал на колени и громко вопил о его возвращении». А скопец Кононов четыре раза подавал (два раза лично) просьбу государю о возвращении «отца-искупителя» (так называл он в прошении «старца!»), и уже после четвертого раза фанатик был удален в Соловецкий монастырь. Такую же просьбу осмелился подать на высочайшее имя миллионер Солодовников, который и после этого продолжал жить в Петербурге и имел влияние на распространение скопчества даже в отдаленных пределах Сибири. Начинались против него и процессы судебные, но почему-то никогда не кончались. Но до 1823 или 24 года правительство едва ли знало подробности скопческого учения. В первый раз они поведаны были архимандриту Соловецкого монастыря Досифею штабс-капитаном Созоновичем, который в Бендерах был оскоплен в 1820 году и в 1823 сослан в Соловецкий монастырь. Сосланный сюда же петербургский скопец Кононов раскрыл Созоновичу учение и верования скопцов, как они проповедовались в столице, и возбудил в Созоновиче такой фанатизм, что тот совершил вторичную операцию оскопления над 12-ю содержащимися в монастыре скопцами, а тринадцатого монастырского мастерового оскопил вновь. Но впоследствии Созонович раскаялся и по чистой совести сообщил архимандриту Досифею все верования скопцов; его показания подтвердили и другие раскаявшиеся скопцы из содержащихся в Соловках. На основании показаний Созоновича и некоторых других источников, архимандрит Досифей составил краткий обзор скопческой ереси в ее догматах, правилах и обрядах и приложил к нему разные весьма любопытные документы – песни и легенды скопцов. Труд его находится в рукописи. «Таким образом, – говорит Надеждин, – во всем чудовищном безобразии обнаружилось сокровенное учение скопческой секты, изобличавшее в ней такого рода ересь, какой ничего подобного не представляет длинная летопись человеческих глупостей и сумасбродств во все времена и у всех народов; разоблачилась, наконец, тайна глубочайшего нечестия, возведенная развращенною изуверством фантазиею до такой степени нелепости и невероятности, что, несмотря на ручательства, представленные о. Досифеем, трудно и почти невозможно было бы дать им веру, если бы впоследствии не подтвердили их равносильные и равнозначные факты, собранные со всех концов империи, от Белого моря и до моря Черного, от Сибири до Бендер и Риги».

Излагая здесь историю утверждения скопческой секты, мы все данные брали из книги Надеждина – из единственного источника, существующего доселе для истории скопческой секты.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 8-го МАРТА

Крайним нашим западникам, которые отвергали и теперь отвергают все самобытные особенности в истории русского народа, которые отрицают самую возможность своеобразного народного нашего развития, не излишне было бы посмотреть повнимательнее на лица, часто попадающиеся на наших отечественных биржах – петербургской, московской, рижской – на те странные лица, которые не обращают на себя особенного внимания потому только, что они примелькались нам и на улицах, и в меняльных лавках. Иностраный негодянт, знакомый с лондонскою и парижскою биржами, когда он в первый раз пойдет по залам одной из наших главных бирж, найдет в них одну, не встречавшуюся ему нигде особенность, мимо которой он не пройдет, не удостоив ее своим вниманием: ни в Лондоне, ни в Париже, ни в Франкфурте, ни в Берлине ему не приходилось еще встречать этих с скромною поступью, безбородых, с тоненькими голосками, с желтыми и морщинистыми физиономиями, с бесстрастно самоуглубленными глазами личностей, которые у нас называются скопцами. Он невольно несколько раз оглядывается, чтобы посмотреть на русскую диковинку. Вот одна характеристичная, хотя и печальная особенность нашего национального развития! Если бы нас попросили указать еще на какую-нибудь характерную черту нашего исторического развития, мы, пожалуй, указали бы на наших самозванцев: где они встречаются в таком множестве, как в нашей истории за два с половиною последних столетия, где потом начало самозванства сделалось исходным догматом целой отдельной религиозной секты, как оно сделалось у наших скопцов? И однако же самые характерные выпуклости нашей русской жизни, поражающие свежих иностранцев, нами проходятся без внимания и остаются непонятыми нами и необъяснимыми для иностранцев.

Останавливаясь на малоизвестности секты скопцов, одна московская газета

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru справедливо замечает, что «благодаря именно этим потемкам, явилось самое учение скопчества, развилось до соприкосновения с политикой, до чудовищного членовредительства, до лицемерия, не знающего пределов, до фанатизма, которому нет имени. Будь полная свобода обсуждения религиозных вопросов, возможно ли было бы, – продолжает московская газета, – такое чудовищное направление потребности в вере? Пусть теперь выскажутся хотя бы даже скопцы: пусть передадут они, и передадут откровенно, весь логический ход своего учения, все радости, почерпаемые ими при своем богослужебном радении. Можно быть уверенным, что со времени книги Надеждина не стояла же секта на одном пункте: конечно, пошла она и дальше в своем катехизисе. Предположение тем вероятнее, что верование секты основано не на мертвой книге, а на живых вдохновениях. А эти вдохновения так необузданны! Каким еще новым догматом не могли в последнее время излиться они, оказавшиеся некогда способными смешать Христа с Петром III и Петра III с Селивановым!»

Московская газета предлагает самим скопцам присылать ей статьи о себе, под которыми даже дает право им не подписывать своего имени, надеясь чрез это узнать дальнейшее развитие скопческого катехизиса после Надеждина. «Поделитесь с нами, люди Божии, – взывает она к скопцам, – и своими радостями, и своим горем». Мы сами готовы были бы предложить скопцам страницы своей газеты для печатания их статей в защиту своего учения и в опровержение неверных известий о их секте и их обрядах, если бы не были уверены, что наше воззвание, как и воззвание московской газеты, останется без отклика. Так мы думаем не только на основании той таинственности, какою намеренно и упорно окружает себя эта секта, но еще более на основании внутреннего характера ее. Скопчество не есть секта рассудочная, мыслительная, учение которой могло бы иметь свой логический ход, которой катехизис допускал бы развитие, подобно арианству, пелагианству, протестантству, социализму, подобно нашей даже беспоповщине; это секта чувства, фантазии, секта восторженная, основанная на вдохновениях, где возможны не катехизис, а мистическое баснословие, не логическая система учения, а уразноображение и усложнение таинственных песней и обрядов. Учение сведенборгиян, явившихся почти одновременно с нашими скопцами, не имеет развития, оно то же у учителя, как и у учеников: квакеры со времен Фокса, с половины XVII столетия, остались неизменны в своем учении. Вот почему книга Надеждина, – по крайней мере та ее часть, где он излагает скопческое учение, – составляет и будет составлять всегдашний катехизис скопческой секты и источник для ознакомления с ее учением, или, вернее, с ее мистическим баснословием. Но и этот катехизис составляет для нашей публики библиографическую редкость, и наше общество представляет скопческую секту только под одним ее физическим признаком, так что секта считается только уродством, достойным одной жалости или заслуживающим самых жестоких наказаний, между тем как сами скопцы смотрят на всех не принадлежащих к их секте как на людей потерянных, которые, в свою очередь, ими считаются достойными презрения и жалости, для спасения которых, по их убеждению, богоугодны даже обман и насилие. Каким образом образовалось такое религиозное воззрение у скопцов, мы уже объяснили в одной из предыдущих статей («Бирж<евые> вед<омости>», № 49; см. также №№ 32, 41, 52), теперь познакомим читателей с некоторыми подробностями их мифологии, которая, подобно мифологии греческой, будет оставаться в существе своем неизменно до тех пор, пока она, под влиянием образования или приращении к другой системе верований, не падет зараз в целом своем составе.

Если взять какую-нибудь мифологию, например, хоть греческую, и попытаться привести ее в систему, составить из нее связанное целое, – работа выйдет крайне затруднительная. Один писатель известный миф рассказывает так, другой иначе; в одной местности живут такие предания, в другой другие. Время и поэты дают, однако, впоследствии некоторое единство мифологии, но опять единство только в существенных чертах. Кроме того, в мифах исторические события и лица и вымыслы фантазии сплетаются и располагаются в самые причудливые формы. Скопческая мифология собственно весьма недавнего происхождения (не больше 100 лет) и не успела развиться до размеров какой-нибудь народной мифологии, греческой или нашей славянской. Действующих лиц в ней немного: лжеискупитель, лжепредтеча и несколько лжебородов, кроме первой лжебороды Акулины Ивановны. Над этими лицами главным образом поработала скопческая фантазия, наделив их своеобразными атрибутами.

В центре их богословия стоит странное существо, которое они величают искомителем, сыном Божиим, Христом, которое есть не кто другой, как «печерский затворник», или тот таинственный «старик», который под именем Селиванова проживал в Петербурге и потом был сослан в Суздаль («Бирж<евые> вед<омости>», №

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
52). Этот старик, по убеждению скопцов, таил в себе и таит доселе (потому что они веруют, что он жив и доселе), в своем видимом унижении, под собою то самое лицо, которое царствовало в России под именем императора Петра III. Исторические сказания о Петре III и евангельское учение о Спасителе в скопческом мифе перепутаны самым чудовищным образом: может быть, и греческие мифы о Зевсе и Кроносе, о Радаманте и Фезее, когда до них еще не коснулось творчество Гомера и других поэтов и когда они жили в памяти народа, имели не более благообразия.

«Скопцы веруют, – пишет Надеждин, – что искупитель их воплотился от императрицы Елисаветы Петровны (Петр III, заметим, был племянник, а не сын Елисаветы Петровны), которая, по их баснословию, как истинная богоматерь, была чистою девою, в рождестве, пред рождеством и по рождестве, зачав и родив искупителя не от похоти плотския, но от духа святого. Наиболее распространено между ними мнение, что императрица Елисавета разрешилась от бремени в Голштинии и, по возвращении затем в Россию, будучи предызбрана к житию святому и подвижническому, действительно царствовала только два года, иные же говорят, и вовсе не царствовала, но, оставив вместо себя на престоле одну из наперсниц, имевшую с ней совершенное сходство как в чертах лица, так и в свойствах душевных, сама удалилась в Орловскую губернию, где, поселясь в доме одного крестьянина под именем простой женщины Акулины Ивановны, провела остаток жизни своей в постничестве, молитве и благотворениях, а по кончине похоронена там же, в саду, где мощи ее почивают донныне. У других скопцов рассказывается, что разрешение императрицы Елисаветы Петровны от бремени последовало в России, и сын ее, Петр III, искупитель, немедленно по рождении был отправлен в Голштинию, где, достигнув отрочества, принял оскопление. Когда, по достижении совершенных лет, Петр Федорович, возвратясь в Россию, вступил в брак, то супруга его Екатерина II, узнав о неспособности его к брачной жизни, возненавидела его, начала гнать и, наконец, положила твердое намерение лишить жизни, как скоро представится к тому случай. Такой случай и представился во вступлении императора Петра III на престол. Склонив на свою сторону вельмож, Екатерина решилась привести в исполнение свое намерение в Ропшинском дворце, где на ту пору император имел пребывание. Но Петр, сведав о том, подкупил одного из часовых, стоявших на карауле у дворца, поменялся с ним платьем и таким образом в простом солдатском одеянии скрылся, а часовой, оставшийся в его одежде, был, вместо его, убит. Другие баснословствуют, что погибший за императора часовой, принадлежа сам к секте скопцов, добровольно принял мученический венец за царя-искупителя, дав ему тем способ укрыться и спастись для спасения всего человеческого рода. Ошибка тогда же сделалась известна императрице, но убитый солдат, тем не менее, был объявлен и погребен под именем императора Петра III. Между тем истинный Петр III, избежав смерти, но преследуемый поисками Екатерины, должен был всячески скрываться: провел три дня без пищи, сидел в каком-то каменном столбе, проживал потом у колонистов в окрестностях Петербурга и, наконец, добрался до Москвы, где утвердил в вере, то есть в скопчестве, первых учеников своих. Оттуда удалялся он, по сказанию скопцов, за пределы России, в западные государства, и там всюду проповедывал, что он есть истинный Христос, пришедший в мир для спасения людей посредством огненного крещения, то есть оскопления, подтверждая свою проповедь бесчисленными чудесами. Возвратясь потом обратно в Россию, он установил свое пребывание в Тульской губернии, где главным помощником ему и сотрудником в проповедании и совершении оскопления явился Александр Иванович, которого один из скопцов называет графом, другие князем, все же вообще величают предтечею искупителя. Тут он схвачен был, наконец, и с предтечею, и, по претерпении многих истязаний „от иудеев и фарисеев“ (так злословят скопцы существующие власти гражданскую и духовную), подвергся публично торговой казни в Тамбовской губ<ернии> в селе Сосновке, а потом сам сослан в Иркутск, предтеча же его отправлен в Ригу. Это называется у скопцов страданием и распятием искупителя. Прошло после того 30–40 лет, продолжают скопцы, на престол вступил император Павел I, который, узнав от скопца Масока, что отец его Петр III жив и томится в ссылке, послал немедленно в Сибирь гонца с повелением привезти царя-искупителя в Петербург. В то же время было послано также повеление в Ригу относительно предтечи, с которым государь виделся будто бы и говорил еще прежде, когда, бывши великим князем, вместе со своею супругою проезжал чрез Ригу за границу. При виде искупителя, привезенного из Иркутска, император, намеревавшийся уступить ему престол, спросил будто бы: точно ли он ему отец? На это возвращенный отвечивал, что он примет его за сына только тогда, когда тот примет его дело, то есть оскопится. Это разгневало государя, и свидание кончилось тем, что искупителя повелено было содержать в одной из петербургских богаделен, а предтеча отправлен был в Шлиссельбург, где вскоре потом умер в заточении, но по смерти погребен был по высочайшему повелению с необычайным великолепием и

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
пышностию на подгородной Преображенской горе, на которой впоследствии явились его мощи. Между тем „искупитель“ дожил в богадельне до воцарения императора Александра I, при котором впоследствии его полное освобождение и соединение с учениками».

«Следовавшее за тем время (мы продолжаем выписку из книги Надеждина), когда „искупитель“, для соблюдения формы приписанный к петербургскому городскому обществу под именем мещанина Селиванова, жил в столице свободно и беспрепятственно, с ведома, как уверяют скопцы, не только высших властей, но и самого монарха, распространяя учение свое и словом и делом, собирая вокруг себя многолюдные торжественные собрания и в них приемля от поклонников своих честь, подобающую богу и царю, – это время скопцы называют воскресением искупителя, своим красным и теплым летом, своим златым временем. Они баснословствуют, что тогда сам государь Александр I приобщился к лику избранных, то есть к их скопческому братству. Но впоследствии слуги искупительские, то есть приближенные к искупителю скопцы, возгордясь своим земным величием, начали сами жить слабо, а над прочими собратьями вести строго, удаляя их от искупителя. Тогда будто бы государь, разгневавшись, услаб прежде недостойных слуг, а потом для устрашения и вразумления слабых отнял у них самого искупителя, отправив его в Суздаль. Там он остается и теперь; но останется ненадолго. Скопцы веруют, что близок час, когда искупитель-царь явится снова, и явится со славою и силою, приведет от восточной страны, то есть из Сибири, полки полками, придет в Москву и там, зазвонив в успенский колокол, соберет к себе всех скопцов миллионами, биллионами, воссядет на всероссийском престоле, а потом в Петербурге откроет всеобщий суд миру, будет судить живых и мертвых, то есть скопцов и нескопцов.

В этом полагают они второе пришествие искупителя и страшный суд, предвозвещенные в евангелии. Тогда, говорят они, все цари и владыки земные падши поклонятся искупителю, повергая к стопам его короны и скипетры и изъявляя глубокое сокрушение, что не познали такого сокровища, обретавшегося между сынами человеческими, и не удостоились принять благодати оскопления. В своем неизреченном милосердии искупитель снизойдет к этому смиренному раскаянию и во все концы вселенной пошлет своих апостолов и пророков, имеющих одинаковые дары, то есть подвергшихся однообразному оскоплению, состоящему в отнятии всех половых органов; а ими, по фигурному выражению скопцов, в каждой земле посеется по зернышку пшеницы, и каждое зернышко произрастит пшеницы на пятьдесят кораблей, то есть произойдет всеобщее оскопление человеческого рода. Совершив таким образом дело свое на земле, царь-искупитель скончается естественною кончиною, и телесные остатки его будут положены в Невской лавре, в раке св. Александра Невского, где, по уверению скопцов, ныне мощей никаких не находится, а рака эта, по предопределению Божию, устроена слепотою неверующих, то есть православных христиан, для принятия земного тела непознанного ими богочеловека, искупителя и царя. После того мир сей и в нем род человеческий, очищенный окончательно от всякой нечистоты, то есть состоящий из одних скопцов, будет существовать во веки веков. Так как перед вторым пришествием на землю Христа Спасителя вера истинных христиан ожидает явления антихриста, то скопцы, терпеливо чающие своего торжества, уверили себя, что антихрист уже явился в лице французского императора Наполеона, про которого в свою очередь говорят, что он был побочный сын императрицы Екатерины II, которая, воспитав его первоначально в Императорской Российской академии, отправила потом во Францию, где он своим высоким разумом достиг императорского престола; причем прибавляют еще, что Наполеон жив и до сих пор, скрываясь в Турции, откуда при общем суде миру явится, обращенный в истинную веру, то есть в скопчество, и будет великим сосудом благодати Божией. Так же точно считают они живым государя императора Александра I и супругу его Елисавету Алексеевну, которые, по их уверению, приняв оскопление, скрываются теперь тоже тайно, при последнем же торжестве скопцов явятся разделить их нескончаемое блаженство. Этим блаженством те из людей, которых страшный суд застигнет в живых, будут наслаждаться вечно на сей земле; а те, которые до того умерли, станут блаженствовать своими душами в седьмом небе, куда, по совершении великого дела очищения и спасения всего рода человеческого, возвратится и сын божий, Христос-искупитель, воплотившийся, пострадавший и пребывающий ныне на земле в лице императора Петра III».

Остановимся, читатель, и подумаем над этими строками, выписанными нами из книги Надеждина о скопцах. Всю эту скопческую теологию можно, без сомнения, назвать вздором, бессмыслицею, безобразнейшею из мифологий; но не надобно забывать, что этому вздору, этой бессмыслице, этому безобразию от всей души верили, и верят доселе, люди, такие же, как мы, верят наши собратия и соотечественники: называя

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru такими именами какие бы то ни было верования, мы способны только этим оттолкнуть от себя и оскорбить принимающих оные. Но, быть может, все это сочинено г. Надеждиным на скопцов, все это налгано на них? Конечно, из сострадания к человеческому рассудку может быть приятнее было бы признать преувеличением и даже выдумкою автора все это скопческое богословие: но история не позволяет остановиться на таком предположении. Надеждин главным образом пользовался очерком архимандрита Досифея, составленным из показаний скопцов, сосланных в Соловецкий монастырь, потом показаниями других скопцов, подпадавших суду и обнаруживавших чистосердечное раскаяние, затем бумагами и рукописями, захваченными в разные времена и в разных местах у скопцов. Между рукописями скопцов главное место принадлежит «Страдам», или скопческому Евангелию, где излагаются похождения, труды, подвиги и муки их мнимого искупителя в виде его автобиографии, где он называет себя, или другие называют его, и сыном Божиим, и Богом, и Богом над богами, и царем над царями; за «Страдами» по важности следуют «Послания» лжеискупителя и потом скопческие «гимны» или «песни». Все источники учения скопцов, все их рукописи представляют, при некоторых особенностях, удивительное единство в существенном, хотя они взяты в разных пределах нашей обширной империи. Скопцы в Кронштадте, в Киренске, в Уфе, в Моршанске, не сговариваясь друг с другом, говорили одно и то же, именно, что «в начале был Господь Саваоф, потом Иисус Христос, а ныне государь батюшка Петр Федорович, бог над богами и царь над царями». Места предположению, что мифология скопческая – выдумка Надеждина, история не оставляет никакого.

Но, с другой стороны, что, однако, особенно странного в этих сказках сравнительно с другими мифологиями? Разве египтяне не поклонялись кошкам, быкам? Разве греки не верили в преемственные царствования Сатурна, Кроноса и Зевса? Разве мифы у Гомера, у Эсхила или Овидия не излагаются до такой степени реально-художественно, что в них хочется верить даже образованному читателю XIX века? У скопцов эта художественность, как в древних элевзинских мистериях, заменяется таинственностью передачи вымысла: в тайных сборищах, не исключая и либерально-политических, вроде сборищ хоть коммунистов, наших и заграничных, самые дикие заключения рассудка и самые нелепые грезы воображения получают вид верности именно в силу незаконной таинственности. Современному европейцу, чтобы понять возможность душевного состояния, в каком древний египтянин поклонялся кошке как богу, нужно превратиться в обитателя Мемфиса времен Сезостриса.

Но как Селиванова могли сделать скопцы Петром III, Петра III Христом; как сам Селиванов сделался и Петром III и Христом? Все это дико, невозможно? А как Чичикова в одном губернском городе нашли возможным признать за переодетого Наполеона? А как Отрепьев сделался Димитрием, Пугачев тем же Петром III? Раскольники сделали из Петра I антихриста, скопцы из Петра III сделали Христа: душевный процесс в том и другом случае один и тот же. Как, наконец, римские императоры, лица большою частью образованные, провозглашали себя богами и принимали божеские почести? Как, наконец, горластый русский умный, ни во что не верующий публицист вроде Герцена способен был говорить России тоном оракула и пророка, предписывать ей заповеди, точно Моисей по сходе с Синая, и, что особенно важно, находить не только в других веру в себя, а и в себе веру в себя? Соображая все эти исторические и психические проявления человеческой природы, мы нимало не удивляемся скопческому баснословию: *homo est magnum mysterium*, человек великая тайна, он есть чудо (*miraculum*), но он вместе с тем и чудовище (*monstrum*), и в образе последнего он особенно часто являлся в своих религиозных верованиях.

Социалистические таинства у нас растеряли большую часть «посвященных», когда Чернышевский привел в понятную для всех систему тайны социализма в своем романе «Что делать?». Скопческое баснословие много утратит своей таинственной прелести, когда оно сделается предметом общеизвестным. Поэтому мы решительно не понимаем, чего боится бывший председатель скопческой комиссии г. И. Липранди, когда сожалеет, что наша печать примешала к скопческой ереси имя Петра III. Мы не понимаем, каким образом басня скопцов о Петре III, сделавшись достоянием народа чрез журналы, «может повлечь за собой то, что гораздо трудней будет прекратить, чем распространение скопчества» («Голос», № 61). «Современные известия» гораздо справедливее смотрят на это дело, когда говорят, что потемки, в каких держалась скопческая секта доселе, всего более способствовали ее успеху. Заблуждение боится света, и чудовища выползают больше ночью.

1869 год.

Никто не может оспаривать того общеизвестного факта, что наше общество переживает время, в которое гораздо больше, чем когда-либо прежде, сказывается во всех почти сословиях стремление к образованию и в которое, в соответствие такому стремлению, все больше и больше увеличиваются средства для удовлетворения этой насущной общественной потребности. К сожалению, мы не имеем под руками статистических данных, чтобы цифрами фактически подтвердить первое; но не сомневаемся, что процент более или менее образованных людей по отношению к населению той или иной местности и вообще всей империи ежегодно увеличивается. Что касается постепенного увеличения средств к образованию, то это известно, и о правительственных мерах столько же, сколько о мерах, принимаемых самим обществом, например, земством, и даже, – особенно в последнее время, – многими частными лицами. Правительство нашло возможным, при громадных затратах на другие насущные потребности государства, например, на постройку необходимых железных дорог, на постановку войск в параллель войскам европейских держав и т. п., хотя сколько-нибудь увеличить расходы по министерству народного просвещения. Еще больше средств дается государством для просвещения народных масс в многие из тех реформ, которые так высоко ставят наше время сравнительно со всеми предшествовавшими эпохами. Пробудилось и общество и решилось содействовать благим начинаниям правительства в этом отношении: во многих земских собраниях вопрос о народном образовании занимал по праву принадлежащее ему место и вызывал во всех искреннее сочувствие; учебные заведения для детей и мужского, и женского пола многие уже открыты на счет земства; еще больше их проектируется и, без сомнения, будет открыто в непродолжительном времени. Под таким настроением общества много приносят пользы для образования и частные лица: одни своими усиленными трудами, другие своими денежными средствами. Слухи о стипендиях, учреждаемых в каком-либо учебном заведении частным лицом, стали очень обыкновенными. Нередки известия даже об открытии школ тоже частными лицами или о пожертвовании на этот предмет очень немаловажных сумм. Словом, нужно согласиться, что общество сознало необходимость образования всех сословий в государстве, и что желающий образования найдет теперь нужные средства к тому.

Но известно, что нет правил без исключения. То же и здесь, в вопросе о народном образовании. Если вообще усилия администрации, самого общества и многих частных лиц клонятся к тому, чтобы по возможности больше распространить образование, особенно в тех классах общества, которые до последнего времени всего меньше пользовались светом просвещения и цивилизации, то рядом с этим направлением, заслуживающим полного сочувствия и самых горячих симпатий, есть другое, противоположное, и потому представляющееся в высшей степени ненормальным и несправедливым отношение к делу народного образования и к лицам, ищущим образования. Если в древней Индии был целый класс общества – парии, которым запрещена была малейшая попытка на образование – не только чтение, но и слушание чтения законов и священных книг, то и у нас, в текущем XIX столетии, при блестящих правительственных реформах в пользу народа, при общем стремлении к знанию и просвещению, при всех средствах, какие изыскиваются для распространения образования, при всем этом – есть нечто подобное индийскому учреждению. И в нашем обществе есть лица, и при том лица эти считаются не десятками и даже не тысячами, а целыми миллионами, – которые находясь на очень невысокой степени образования и сознавая свое в известных обстоятельствах и отношениях безвыходное положение, сами решились искать образования, и сами же выискали и выискивают для этого средства, и которым, при всем этом, отказывают удовлетворить их желание, которым просто не позволяют учиться... Понятно, что мы говорим о старообрядцах и об их продолжительном и энергическом, но тем не менее совершенно напрасном «искании школ» для своих детей.

факт – поразительный и тем более странный, что он находится в решительном противоречии цивилизаторскому стремлению общества и государства. Здесь не требуют средств для образования, как во всех других случаях; здесь не нужно убеждать в необходимости образования, как это нередко приходится делать во многих сельских общинах. Здесь идет вопрос лишь о том, чтобы разрешено было открыть детские школы и учиться, – желание, кажется, очень несложное, здоровое и не противное даже духу времени... Что же? Перевяжите какой-либо член организма, например, руку, и подольше не впускайте в него новых притоков свежей, чистой крови, – что из него будет? Не пускайте свежих потоков цивилизации и просвещения к этим миллионам старообрядцев, и они, конечно, сделаются подобными омертвелому члену организма, для которого остается одно неизбежное и необходимое – совершенная ампутация. Положим, что они тогда будут безвредны для чего бы то ни было, если только они вредны в каком-либо отношении; но ведь они числятся

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru миллионами, ведь они – русское племя природное – коренное, без малейшей примеси чужой крови! – Таким образом, если смотреть на дело старообрядцев с общей точки зрения на просвещение, тотчас представляется вся несообразность и странность нынешнего запрещения им искать просвещение, все противоречие и несправедливость такого отношения, все гибельные результаты его не только в отношении к самим раскольникам, но и для всей России.

В самом деле, чтобы согласиться с последним выводом, стоит лишь припомнить скопчество, этот печальный факт, столь недавно и так глубоко потрясший все наше общество, стоит припомнить хлыстовщину – еще с большею быстротою, чем скопчество, распространяющуюся по России, стоит припомнить некоторые другие, однородные с ними и по происхождению, и по достоинству явления. Кто мало-мальски знаком с расколом, с его теоретическими и практическими воззрениями, и кто читал и припомнит хоть частицу из всего того, что в последнее время передавалось нашу публицистикою относительно догматического и нравственного кодекса скопческого учения, тот не может не убедиться, что между обоими этими явлениями есть самая тесная, органическая связь, самое близкое, кровное родство, что первое явление относится к последнему со всею логическою строгостию, как причина к следствию, как посылка к заключению. То же должно сказать и о хлыстовщине, и о молоканстве, и о многих других уродливых и жалких явлениях в сфере религиозно-практической жизни нашего простонародия; у всех у них родословный корень один – раскол. И это весьма понятно. Сам раскол был результатом, с одной стороны, невежества, а с другой неверно направленного религиозного чувства и сознания. Отшатнувшись от общества и церкви, раскольники естественно не исправили дела, а еще больше испортили его. Уединение, особенно вековое, всегда, по свидетельству здоровой психологии, бывает корнем и верной гарантией умственной грубости и невежества. Удаление от церкви, от ее таинств и священнодействий еще в большей степени болезненно раздражило и возбудило религиозное чувство старообрядцев, оно искало выхода; оно требовало пищи; ему нужно было удовлетворение, которое, по смыслу и учению христианства, возможно при содействии посредников – представителей церкви, а их у раскола не стало. Вот тот исходный пункт, из которого старообрядцы должны были ступить и действительно ступили на скользкий путь направления, известного в истории под именем мистицизма и породившего в разных странах и в разные времена множество явлений в сфере религиозной жизни, то болезненных и грустных, как пиетизм или квакерство, то разрушительных для всех принципов и условий общественной жизни, как анабаптизм или мормонизм. И та, и другая сторона рельефно выразились в хлыстовщине, скопчестве и других произведениях раскола, поражающих нас своим внутренним содержанием и потрясающих своею практическою постановкою все здоровые начала общественной жизни. Само собою разумеется, что раскол мог породить, например, скопчество лишь при глубоком своем невежестве, при отсутствии здоровой пищи для ума, при недостатке порядочного образования, вследствие неудовлетворенности умственных потребностей. Мы теперь содрогаемся при мысли о скопцах, нам гадки и отвратительны грубые и безобразные оргии хлыстов; но мы не даем здоровой основы расколу, мы запрещаем старообрядцам иметь нормальные школы и получать мало-мальски человеческое образование. Что же? Может ли кто поручиться, что раскол, оставленный в том первобытном состоянии, в каком он был в дни блаженной памяти царя Алексея Михайловича, со временем не подарит России еще каким-либо сюрпризом вроде скопчества или хлыстовщины? Невозделанная почва не может обогатить бросаемых в нее семян и будет приносить по-прежнему невкусные и вредные плоды. Да и вообще чего можно ожидать от поколений, систематически лишаемых здорового образования, кроме более и более глубокой деморализации, кроме более и более грубого невежества? Чего можно ожидать от миллионов людей, отданных на жертву деморализации и невежества, кроме вырождения их, кроме обеднения их, кроме вреда от них для государства? Спросим себя теперь, человечественно ли, гуманно ли, справедливо ли такое отношение к старообрядцам? Не ответим ли мы за это перед судом истории? Не возложим ли мы на будущие поколения необходимой ответственности и исторического возмездия за наши ошибки, за нашу несправедливость по отношению к естественному, желательному и законному требованию старообрядцев? В следующем номере представим еще другие основания для дарования школ старообрядцам.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 11-го АПРЕЛЯ

Раскольники наши давно ищут школ, и их им не давали и не дают. Вопрос теперь в том: какие соображения руководили и руководят отказом раскольникам в школах?

Ответ на этот вопрос, без сомнения, известен нашим читателям. Кто читал печатающиеся в нашей газете статьи «Искание школ старообрядцами», тот знает, где заключаются причины столь ненормального отношения к делу образования раскольников, для того понятны мотивы, под влиянием которых доселе еще не было удовлетворено законное стремление старообрядцев. Мы не ошибемся, если скажем, что сущность этих причин заключается во взгляде на раскол как явление, стоящее в оппозиции против господствующей церкви в государстве, против православия. Отказ старообрядцам относительно школ нужно, следовательно, мотивировать опасением усиления внутреннего содержания раскола и, значит, большею опасностью его для православного необразованного простонародья, большею оппозицией его против государственной религии. Нельзя не сознаться, что в обоих этих опасениях есть доля правды, хотя имеющей очевидно лишь относительное значение. В самом деле в факте раскола сказалось в большей или меньшей степени недовольство некоторыми церковными учреждениями. Но мы уже высказали свой взгляд на происхождение его, и кто знаком хотя несколько с сущностью старообрядчества, с его теоретической и практической доктриной, тот понимает, что раскольническая оппозиция выродилась во имя безусловного и неосмысленного благоговения пред стариною, во имя самого тупого и мелочного консерватизма, во имя умственного и практического застоя и неподвижности. Неужели же в таких безжизненных элементах раскола можно видеть опасность для чистого учения православия? История еще не представляла примеров, чтобы невежественное умственно и приниженное практически меньшинство когда-нибудь влияло и могло давить морально на большинство, поставленное к нему совершенно в противоположном отношении. Таким образом нашей православной церкви, как церкви, содержащей абсолютную и всесовершенную истину христианства, нечего бояться явления религиозного, по сущности бессодержательного, по тенденции мелочного, по происхождению фальшивого и ошибочного. Если она в течение целых десяти веков сохранила истину во всей чистоте в борьбе с такими могущественнейшими и опасными борцами, как католичество и потом протестанство, то ей ли бояться опасности со стороны какого-либо старообрядчества – явления, которое составляет наибольший анахронизм в нашу эпоху и которое пережило свое значение и самое себя? Если в современном протестантстве дух свободного исследования и научное образование привели многих людей и в Германии, и в Англии, и в Северной Америке к убеждению в истине православия и заставили этих людей с надеждою обратить свои взоры на восточную церковь, – то мыслимое ли дело, чтобы образование старообрядцев, которые бесспорно стоят ближе к православию каких-либо протестантов и католиков, могло привести их к противоположным результатам? Думать так значит вовсе не доверять истине, не признавать ее внутренней силы, отрицать ее необходимое влияние на тех, которые знакомятся с нею.

После этого понятно, что если и можно признать в расколе некоторые элементы оппозиции против православной церкви, то нельзя в то же время не видеть, как ничтожны такие элементы. Было время, когда видели в старообрядчестве могущественную силу, когда находили в нем не только религиозные, но и политические тенденции, и притом самого либерального характера, и тому подобное. Но известно, что такие тенденции, по крайней мере большею своей частью, существовали не в самом расколе, а скорее в воображении исследователей его. Известен также и тот факт, что коль скоро правительство признало раскол безвредным по его политическим воззрениям и согласовало с этим свое отношение к нему, тотчас же исчезла в расколе и та меньшая часть заключающейся в нем оппозиции правительству, какая была вызвана в нем фактическим его преследованием и насилием. Мы убеждены, что то же самое произошло бы в расколе и в том случае, если бы так же взглянули на него по отношению его к церкви, по крайней мере, в настоящее время. Понятно, что раскольники могут с ожесточением и ненавистию относиться к господствующей церкви, коль скоро, по их воззрению, в ней заключаются все препятствия для удовлетворения столь законного и присущего человеку стремления, как стремление к просвещению. Разрешение школ, которых они несколько десятков лет добиваются с такою энергиею, без сомнения, вырвало бы последний корень их недоверия к православной церкви, лишило бы смысла и содержания их оппозицию, уничтожило бы их ожесточение, и следовательно уже по одному моральному влиянию на раскольников весьма значительно подготовило бы их к соединению с церковью. Нынешний взгляд раскольников на правительство служит блестящим подтверждением такого предположения.

Нам остается еще исследовать другую сторону того возражения, на основании которого старообрядцам доселе не позволяли открывать школ для своих детей. Если раскол заключает в себе элементы, направленные против православной церкви (что,

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
как мы сейчас сказали, нужно принимать лишь относительно, под известными условиями и ограничениями), то, говорят, дать ему школы – значит усилить и возбудить эти элементы, значит дать ему такое орудие, которое сделает его еще более опасным и вредным. Так ли это? Говорят, что раскол в народных массах еще и в настоящее время во многих местах России распространяется с большим успехом. Насколько это справедливо, узнать положительно нельзя, потому что многие раскольники, точно так же, как, например, хлысты, официально числятся членами православной церкви и православных совращают в раскол тайно. Однако, согласимся, что это справедливо. Что же? Можно ли отсюда заключить, что раскол, обладая рационально устроенными школами, будет иметь в этом обстоятельстве больше средств и большую силу для своей религиозной пропаганды? Справедливо ли отсюда делать вывод, что старообрядцы, получивши в своих школах нормальное образование, мало-мальски соответствующее условиям цивилизации, будут употреблять почерпнутые ими в школе познания лишь для борьбы с православною церковью, или будут почерпать в них особенную силу для совращения в раскол православных простолудинов?

Позволим себе усомниться в этом. Дело в том, что, как мы уже замечали, раскол был порожден главным образом невежеством; лишь самая грубая и необразованная среда могла возмущаться и волноваться, как от какой-либо ереси или какого-либо жизненного вопроса, от таких вещей, как, например, стрижение бороды, известное перстосложение для крестного знамения и тому подобного. Понятно, что и в настоящее время раскол может существовать лишь на той почве, на которой вырос. Перемените почву, – и он сам собою увянет, уничтожится. С этой точки зрения понятен факт и нынешнего распространения раскола. Это значит лишь то, что в России есть еще много людей, стоящих на весьма низкой степени образования, – столь низкой, что одни из этих людей способны по убеждению пропагандировать доктрину раскола, а другие по убеждению же принимать ее. Это же, с другой стороны, указывает на необходимость возвысить уровень образования и тех и других, то есть именно дать им школы, позволить им получать образование, которое только и может изменить почву, породившую раскол. Таким образом, результат от дозволения школ старообрядцам будет совершенно противоположный тому, какого боятся.

Впрочем, нынешнее запрещение школ раскольникам, как это всем известно, вовсе не достигает той цели, какую оно мотивируется. Во многих полосах России раскольники едва ли не поголовно умеют читать, чего о православных, живущих с ними по соседству, и помыслить нельзя. Да и теперь разве те дети старообрядцев, которым с такой боязнью отказывают в порядочном образовании, – разве они вовсе не получают образования? Кто же не знает о «начетчиках» и «начетчицах», которые в расколе нередки? Кто не слышал, что «старцы» и «старицы», деды и бабки, умеющие читать, всегда готовы передать и действительно передают свое искусство и, по возможности, свою мудрость молодым раскольническим поколениям? Дети раскольников получают образование если не в школах, так дома. Таким образом, цель, с какою раскольникам запрещают открывать школы, не достигается. Этого мало. Вот в этом-то образовании, какое теперь получают (конечно, не везде) дети раскольников, действительно дается им орудие, направленное против православной церкви. Весь фанатизм, каким пропитаны их учителя-«старцы», вся узкая мелочность и закоснелый формализм их педагогов-воспитателей целиком передаются в мягкую, восприимчивую, чистую детскую душу и навсегда обуславливают ее мирозерцание и, в частности, отношение к православию.. Мы уже не говорим о системах и методах такого образования, не говорим о том, насколько они сами по себе развращают и портят целые поколения, не говорим о том, что избавить последние от первых было бы делом человеколюбия, долгом совести, требованием государственной экономии.. Мы хотим сказать лишь то, что избавить раскольнических детей от такого японско-китайского образования и дать им школы, в которых они могли бы получить полезные знания, расширить свой умственный кругозор и воспитать в себе более человеческое мировоззрение, – значит именно лишить их того орудия против православия, которое они получают в нынешнем своем тенденциозном воспитании. Таким образом, дозволить раскольникам получать порядочное образование – в интересах самой православной церкви: истина образования приведет лишь к истине религии.

В самом деле, стоит в этом случае припомнить на наших глазах совершающийся и теперь нередко бывающий факт обращения из раскола в православие, или, по крайней мере, в единоверие, – факт многозначительный и многоговорящий. Дело в том, что оставляют раскол люди, лучшие в расколе, – люди, которым, при твердой и здоровой духовной натуре, удалось получить в России или за границею порядочное

Сборник статей. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
образование. Таковы все лица, обращенные из раскола покойным преосвещенным Филаретом московским. Здесь важно именно то, что образование привело этих людей к истине. Не имеем ли мы права от этих людей, от единиц, заключить и к массе раскольников? Образование на здравых началах современной науки, по внутренней образовательной силе, заключающейся в нем, и по неотразимому впечатлению и влиянию этой силы, не должно ли и в массе раскольнических учеников произвести столь же радикальный переворот? Раскол очевидно изжился. Денисовы в нем теперь невозможны; в их эпоху раскол был явлением еще новым, заманчивым, обещающим; теперь его постановка существенно изменилась. Прежде школа, устроенная в каком-либо выговском скиту, была действительной рассадницей раскола. Теперь ее открытие в каком-либо раскольничьем селении безусловно гарантирует обращение жителей этой местности к православию в недалеком будущем...

Понятно после этого, насколько перепутались положения раскольников, ищущих школ для своих детей, и тех православных, которые запрещают им это и желают таким образом положить предел распространению раскола... Первые, отчасти даже для защиты раскола, для обеспечения его существования, хлопочут о том, что именно должно уничтожить раскол, ищут образования – этого смертельного врага старообрядчества, которое и возможно лишь под условием глубокого невежества. Положение вторых еще страннее: они понимают, что только просвещение может уничтожить раскол, что только при ясном свете старообрядцы могут найти надежный путь к истине православия, – и лишают их этого просвещения, боятся осветить раскольникам их нынешний путь... Надолго ли возможно такое фальшивое положение обеих сторон, такая путаница в действиях противников?

Тем, которые опасаются дать раскольникам школы и образование, напомним еще нынешнее отношение раскольников к отечественной цивилизации, – явление в высшей степени интересное и доказывающее, как могущественно влияет культура известной эпохи даже на тех, которые всячески сторонятся от нее. Явление, о котором мы говорим, состоит в том, что в очень многих местах России молодые поколения раскольников, без всякого внешнего влияния на них со стороны каких-либо проповедников православия, инстинктивно не симпатизируют вере своих отцов и дедов, потихоньку подсмеиваются над ними за их вычурные мнения – и еще больше – переходят к православию. Известно, например, как противоположны взгляды тех и других на табак, на силу пара в паровозах и локомотивах и тому подобное. Теперь и сами раскольники не могли бы удержаться от смеха, если бы кто-нибудь назвал перед ними изобретениями антихриста бумажные деньги, каменные мостовые и тому подобное. Внутренний переворот в сознании раскольников очевидно совершился тихо и незаметно даже для них самих. Где же причина этого, если не в цивилизации, если не в проведении в практическую жизнь всех средств культуры? Земские и судебные учреждения своим громадным умственным и моральным влиянием на народные массы вызывают их к новой жизни, которая скоро прольет свои животворные соки и в массу старообрядцев. Эти великие реформы нашего времени служат лучшим залогом того, что русскому расколу уже недолго жить, что дни его уже сочтены. Раскол, кажется, понял это, и вот откуда у него такое сильное желание школ, вот откуда у него такая сильная энергия при искании их. Утопающий хватается за соломинку. Так и старообрядцы, боясь, чтобы не пришлось им искать образования в школах иноверцев, например, православных, протестантов и других, откуда, понятно, нельзя выйти раскольником, хотят строить свои, как будто эти последние не приведут их к тому же результату!..

Открытие школ для детей старообрядцев, при всех этих обстоятельствах, есть дело не только ни в каком отношении не опасное для православной церкви, но и желательное для нее, желательное для самого уничтожения раскола. Конечно, такие школы должны быть под ведением министерства народного просвещения, как согласны на это и сами старообрядцы. Запрещать их открытие в настоящее время более, чем когда-либо прежде, несправедливо, странно и вредно для всей России...

1869 год.

«КАЖЕТСЯ, НЕСОМНЕННО, ЧТО ПРЕДСКАЗАНИЯ...»»

Кажется, несомненно, что предсказания, сделанные некогда издателю «Колокола» нашими славянофилами, исполнятся над ним со всею неотразимостью пророчеств. Москвичи, издавна знавшие Искандера на основании известных им свойств его характера, горячего, порывистого и искреннего, предрекали ему, что рано или поздно для него непременно ударит час, когда он откроет в своей прошедшей заграничной деятельности длинный ряд непростительных заблуждений и с

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
свойственной ему прямою не устыдится всенародно сознать их, а затем попросит отпущения своих грехов и позволения снова явиться на родную землю. Час этот предреченный, должно быть, уже ударил или, по крайней мере, ударяет. Бесплезность продолжения своей литературной деятельности г. Герцен уже сознал, что мы с достаточною ясностию и видели из напечатанного в «Nord» письма его к его другу, г. Огареву. Затем наш варшавский корреспондент недавно сообщил нам, со слов газеты «Славянин», что г. Герцен близок к самоосуждению и находится на повороте в другую сторону от той, куда шел с первого дня своей эмиграции. Г. Герцен явился в Вену и имел свидание с известным священником нашего посольства в Австрии, отцом Раевским. В каких соображениях и целях Искандер искал свидания с отцом Раевским? корреспондент наш утвердительно сказать не мог, и новых сведений этим путем о г. Герцене мы не получали. Но первое известие, перепечатанное из «Биржевых ведомостей» всеми нашими газетами, возбудило во многих петербургских кружках большой интерес и довольно сильные толки. Молва утверждает, что г. Герцен виделся с отцом Раевским именно для того, чтобы поверить ему свое желание просить у Государя дозволение возвратиться в Россию. Утверждают даже определенно, что о. Раевский избран г. Герценом в ходатаи за него перед правительством и что о. Раевский принял на себя такое ходатайство и уже будто писал об этом в Петербург одному из уважаемых духовных лиц, пользующихся доверием всего августейшего русского дома. Как ни шатки все эти толки, но они не умолкают, и некоторые из них получают все новые подкрепления, хотя опять не вполне неопровержимые, но тем не менее довольно замечательные. Одно частное лицо, заинтересованное всеми приведенными нами слухами и толками, обратилось к проживающему в Вене своему приятелю с просьбою: разъяснить по возможности, что именно во всех последних слухах о Герцене можно считать достоверным? В ответе, полученном на это письмо, уведомляют, что, по венским соображениям, есть основания считать достоверным очень многое из того, что говорят об Искандере в Петербурге. Хотя при разговорах г. Герцена с от. Раевским никто не присутствовал и ничего утвердительного о предмете беседований их сказать невозможно, но тем не менее некоторые данные оставляют очень мало сомнений, что г. Герцен решился принести повинную и будет просить позволения возвратиться в отечество. Говорят, что давно уже томившая Герцена тоска по отчизне в последнее время принимает для него роковое значение; он не может сносить массы нелепых, злобных клевет, расточаемых о России заграничною печатью, с ужасом глядит на партии, которым часто служил в прежнее время, и ревниво завидует тем, кто, неся тяготу друг друга, может дома служить великим национальным вопросам настоящего времени. Русское сердце заговорило в груди старика! В письме из Вены прибавляют, что г. Герцен, кажется, будет искать милостивого дозволения возвратиться на родину одновременно себе с семьею и г. Огареву; а если ему и г. Огареву не будет оказано этой милости, то он будет ходатайствовать о даровании ее хотя одним его детям, неповинным в отцовских увлечениях и между тем осужденным на тягостнейшую жизнь без отечества. При этих сообщениях, за достоверность которых мы, разумеется, нисколько не можем ручаться, передается еще одна весьма вероятная догадка. Автор письма думает, что нынешним решительным поворотам в образе своих мыслей г. Герцен весьма много обязан своим столкновениям с некоторыми приятными личностями русской колонии в Женеве. Нравы, обычаи, стремления и взгляды этих колонистов и их забубенная литература, беспардонным гарцуном и джигитом которой явился там какой-то г. Элпидин, – все это, в своей прелестной совокупности, говорят, наглядно убедило г. Герцена, что ему не лгали отсюда, когда говорили, что он, идучи по пути своих заблуждений, давно служит очень дурной партии, которой постыдился бы служить, если бы дал себе труд беспристрастно в нее взглядеться и понять ее преступные цели и низкие страсти, прикрываемые флагом вовсе не свойственных ей теорий. Повторяем, все это весьма возможно и весьма понятно; но как жаль, что это так поздно... Мы говорим не о раскаянии, – искреннее раскаяние никогда не поздно, но говорим о просветлении взгляда г. Герцена. Сколь, значит, велики, сильны и фанатичны были его заблуждения насчет людей этой партии, от которой к нему еще так недавно являлись послы, выдававшие себя за апостолов теории, до одного понимания которой ни один из них никогда не умел возвыситься! Удивительно! Будем ждать: как все это разъяснится и подтвердится. Увидим, если Герцену суждено вернуться на родину, кто-то, какие люди подадут ему здесь руку и скажут: «Дню минувшему забвенье; дню грядущему покой». Мы сомневаемся, что это будут те, которые некогда клялись его именем. Обращаясь затем с собственным судом к намерениям г. Герцена (если достоверность их несомненна), мы видим в них достойную черту его искренности и, может быть, даже очень почтенное желание хотя сколько-нибудь загладить свою вину перед поколением, которое, взволновавшись раз его призывными кликами «с того берега», до сих пор еще мается, не находя себе места и призвания. Положим, что теперь все эти теории, во имя которых погибло столько честных и юных жертв, ныне

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
не в моде и подупали, задавленные восстающею над всем национальной идеею; но все-таки неумение успокоиться и делать дело еще велико, и возвращение Герцена на родину с сознанием, что родина всего святей и необходимей человеку, обмахнуло бы последний налет, которого никак не могут стряхнуть некоторые мнящие себя прогрессистами и не замечающие, что они давно увязли и опочили на журнальной фразе 1862 года, а жизнь позабыла их и идет и идет, изрекая в своем неудержимом течении проклятие всякой неподвижности.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 13-го МАРТА

В нынешнем нумере мы печатаем текст письма, полученного нами из Ниццы от г. Герцена. Поговорка: «Глас народа – глас Божий» вполне оправдалась на слухах, которые в последнее время носились о Герцене. Наш варшавский корреспондент писал о свидании г. Герцена с венским протоиереем нашим М. Раевским; несколько позже мы напечатали извлечение из одного частного письма, где тоже передавались новости, касающиеся Герцена. Затем в январской книжке «Русского вестника» появилась статья г. Ренненкампа: «Невольное объяснение с издателем „Колокола“», из которой мы могли видеть, что хотя г. Герцен и прекратил издание своего журнала, но по-прежнему верит в свои социалистические принципы и в их будущее торжество в России. Столь же неизменным взглядом г. Герцен похвально и по отношению к вопросу польскому, в котором он, как известно, держал сторону поляков и считал Россию по их делу неправую.

Цитаты, приведенные г. Ренненкампом в «Невольном объяснении» с издателем «Колокола», дают знать, что если у Герцена и есть мысль о возвращении в Россию, то осуществление этой мысли будет ему крайне неудобно, так как, помимо многих иных затруднений к его возврату на родину, он до сих пор еще открыто держится такого образа мыслей, который у нас не встретит теперь ни сочувствия, ни почета.

Между выдержками, которые напечатали мы из одного частного письма, и теми, которые читаем в «Невольном объяснении» г. Ренненкампа с издателем «Колокола», есть некоторая гармония. Частное письмо, которое мы имели в руках, говорило, что Герцена сильно понажали собравшиеся в Швейцарии русские социалисты. В последних статьях своих, цитируемых в «Невольном объяснении» г. Ренненкампа, Герцен тоже не без желчи говорит о тех своих испытаниях и уже не в первый раз упоминает о некоем «известном русском литераторе, который украл (sic) у Николая Огарева сто тысяч франков». Новое обращение Герцена к этому факту свидетельствует, что издатель «Колокола» действительно не свободен и в настоящее время от раздражений, причиняемых ему партией людей, которых он считал некогда своими преданнейшими учениками; но дальнейших намерений Герцена все это несколько не выясняло.

Напротив, судя по тому, что Герцен в приведенном г. Ренненкампом письме своем к Огареву старался выдержать себя тем же «неисправимым социалистом» и другом Польши, мы должны были бы считать все слухи о намерении Герцена проситься на родину крайне шаткими и неосновательными. И «С.-Петербургские ведомости», на основании сведений, которые эта газета рекомендовала считать достоверными, объявили, что вести о желании Герцена возвратиться на родину не имеют основания, что достоверным можно считать только то, что сын Герцена просит дозволения побывать в России для устройства хозяйственных дел своего отца, за которым до сих пор числится в Костромской губернии довольно большое имение. Это, конечно, было далеко не то, что повинная самого Герцена и его личное возвращение. После этого всякие дальнейшие толки о Герцене замолкли.

Но вот на сих днях нами получено письмо от самого Герцена. Письмо это, которое также позволительно считать «достоверным сведением», отчасти подкрепляет сказания «С.-Петербургских ведомостей», отчасти же противоречит им. Г. Герцен пишет нам (14 марта нового стиля из Ниццы), что он «в Вене никогда не бывал и с отцом Раевским никаких сношений ни личных, ни письменных, ни чрез чье-нибудь посредство не имел и вообще никаких шагов, чтобы возвратиться в Россию, не предпринимал, несмотря на то, что возвращение на родину для него, как для всякого человека, находящегося в его положении, было бы одним из счастливейших событий в жизни».

Стало быть, сведения «С.-Петербургских ведомостей», вполне достоверные в том, что Герцен «никаких шагов, чтобы возвратиться в Россию, не предпринимал», не

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru имеют той же силы достоверности касательно отсутствия в нем желаний возвратиться. Кроме того, желание Г. Герцена возвратиться на родину для некоторых кружков уже давно не новость: Г. Герцен, около двух лет тому назад, положительно высказывался в этом духе двум почетнейшим русским писателям, свидетельства которых нельзя было считать легковесными, без преднамеренного желания игнорировать их или не верить им. Такое недоверие нужно было для того, чтобы не упала слава Герцена как непримиримого врага правительства, с чем в свою очередь связывалось желание удержать на известной высоте поколебленный авторитет Искандера и его утопий. Но дело не в том.

Г. Герцен заключает письмо свое к нам выражением надежды, «что условия, в которых поставлена русская печать, не помешают нам напечатать его письмо в ближайшем листе нашей газеты». Эта просьба – которую мы не видим никаких оснований не исполнить и которую ныне же и исполняем, – по нашему мнению, стоит того, чтобы сказать по поводу ее несколько слов.

Г. Герцену, который с такою точностью определяет нынешнюю меру независимости нашей печати, всеконечно, должна быть известна и степень значения печатных заявлений в России. Если печать наша, благодаря последним реформам, пользуется известною долею свободы суждений, то ее все-таки нельзя рассматривать как силу, имеющую влияние на правительственные мероприятия. Хотя и нельзя отрицать, что некоторые заявления нашей печати были удостоиваемы большего или меньшего внимания со стороны известных лиц нынешнего правительства России, но тем не менее ни один из органов нашей печати не имеет вовсе претензии руководить соображениями государственных людей. Уверения в противном, имеющие будто бы свою целью вознести значение русской публицистики, на самом деле идут ко вреду ее и рассеиваются у нас, и дома, и за границу, тайными и явными врагами тех органов, национальные стремления которых совпадают с некоторыми наиболее популярными мероприятиями правительства в национальном духе. Эти пустые и злостные рассказы имеют вредную цель – путем видимой похвалы отечественной печати нанести косвенную укоризну правительственным лицам в недостатке самостоятельности. Это очень хорошо понимают и наши государственные люди, которые видят тайные пружины этого ехидного подхода, и не дарят никаким вниманием наветов, стремящихся разрушить доверие правительства к общественным органам, наиболее принимающим к сердцу всякую благую меру и особенно горячо отстаивающим ее от подкопов и мин, неустанно подводимых темными партиями. Признательные правительству за долю льгот, предоставленных им русской печати, мы относимся с полнейшим уважением к его самостоятельности. Следовательно, обращаться к правительству через печать с просьбой такого рода, какова должна быть просьба, диктуемая Герцену его желанием возвратиться на родину, нет ни малейшего смысла. Такая опрометчивая мысль рекомендовала бы сообразительные способности Герцена гораздо ниже, чем они стоят в нашем мнении. По его просьбе, мы печатаем его письмо, из которого в России узнают, что для издателя «Колокола» «возвращение на родину было бы счастливейшим событием в его жизни», но смеем уверить автора этого письма, что оно не может иметь никакого влияния на представление, которое имеют о Герцене наши государственные люди. Мы должны думать, что Герцен, прося нас заявить о его желании возвратиться на родину, отнюдь не мог иметь неуместной надежды, что это заявление поднимет какой-нибудь всполох и предуготовит правительство к изменению взгляда, какой оно имело о бежавшем Герцене и какой может иметь о Герцене, возжелавшем возвращения. Это было бы слишком легкомысленно, даже после того, как Герцен некоторыми своими выходками, вроде заподозренного им покушения похитить его из Англии, отнял у нас всякую возможность не считать его, при всех его дарованиях, способным на очень большую заносчивость и на самые крайние и смешные увлечения. Одним словом, мы не хотим думать, чтобы Герцен, посылая свое письмо, думал, что опубликование его может иметь какое-нибудь воздействие на правительство и послужить нашему эмигранту средством определить состояние горизонта тех сфер, где должно разрешиться: быть или не быть «счастливейшему событию в жизни» Герцена.

Кое-как, побочными средствами и окольными путями, могут устраиваться экспатриации и побеги за границу, но для возвращения на родину, после стольких выходов против правительства, сделанных притом с такою заносчивою дерзостью, Герцену существует только два пути: один – путь прямого обращения к великодушному Императору, от которого одного будет в таком случае зависеть вся дальнейшая судьба смирившегося строптивца; другой – возвращение на родину, без всяких предварительных просьб, и предание себя власти и суду, который решит судьбу Герцена не по милости, а по закону. Оба эти пути перед Герценом, и от него самого зависит, какой из них он найдет более удобным и предпочтительным; но ни

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
на том, ни на другом из этих путей присланное нам письмо его не облегчит и не укоротит его шествия.

После всего сказанного, спрашиваем себя снова: зачем же Герцен желает, чтобы в России знали, что «возвращение на родину будет счастливейшим событием в его жизни»? Что это: холодный фарс прежнего фанфарона, в своих писаниях обращавшегося за *pan-brat-a* с государями, или искренний крик нестерпимой боли, вырвавшийся из груди настрадавшегося старика, который на пятьдесят седьмом году сознал недостойность своего прошедшего, или, наконец, зрело обдуманное желание серьезного человека, преклоняющегося перед судом общественного мнения родной страны и желающего выслушать ее приговор?

По чувству человечества, мы не хотим давать места первому из этих предположений. Пусть лучше будем рисковать впасть в ошибку, но откинем от себя всякую мысль – видеть в настоящем поступке Герцена фарс. Много виновный перед Россией неоплатными и для многих из нас уголовными, в самом строгом значении слова, винами, Герцен все-таки человек, и вдобавок в эти минуты несчастный человек. Несчастье и скорбь имеют свои неприкосновенные права: человек, уважающий свое человеческое достоинство, должен сдерживать свой даже справедливый гнев и отнестись к ним с известною деликатностью и участливостью. Мы хотим верить, что письмо Герцена прислано к нам потому, что автора этого письма непреклонно нудит его совесть войти в сношения с родиной, и он хочет знать ее мнение, ее суд о нем. Мы не знаем, какие меры, помимо этого письма, предпринимает Герцен для того, дабы «счастливейшее событие его жизни» сделалось возможным, да для нас это и нимало не важно; но что до желания его видеть напечатанным присланное к нам письмо, то мы готовы видеть в этом поступок не только не легкомысленный и не бесцельный, но даже и очень серьезный. Мы не можем думать иначе; мы склонны думать, что Герцен, сам знающий пути, какими он должен идти в своих исканиях права вернуться на родину, желает знать, как, помимо правительства, отнесется к его желанию и к самому факту его возврата само русское общество, которое он оскорбил гораздо более, чем правительство, имевшее все условия для того, чтобы не обращать внимания на всю его заграничную деятельность, как игнорирует оно ныне деятельность герценовских последователей: Серно-Соловьевича, Элпидина, «Публициста Николки» (есть и такой заграничный писатель) и всех им подобных.

Такую цель г. Герцена мы понимаем и в интересах достижения ее оправдываем его просьбы напечатать письмо, присланное на имя редактора и издателя «Биржевых ведомостей». В самом деле, помимо первой важности, какую должны иметь для Герцена милосердие Государя и взгляд правительства, для него весьма важно предузнать, как отнесется к нему все русское общество, имеющее свои представления о пользе или вреде необыкновенного способа Герцена любить Россию и служить ей, растлевая понятия ее молодых людей. Прекращая издание «Колокола», в прощальном слове к читателям, Герцен весьма верно определил свое настоящее отношение к русскому обществу, когда искренно и не без туги сердечной сознался за себя и за Огарева: «Мы слишком удалились от мнения, господствующего в России, чтобы перебросить мост; нет (телеграфного) каната, столь длинного, чтобы нас услышали... Молодое поколение совершает свой ход и не имеет нужды в нашем слове. Пусть говорят другие, мы не имеем ничего сказать нынешнему поколению». Итак, публицист Герцен, поучавший русское общество тоном лжепророка, умер; остался Герцен – русский экспатриот, то есть потерявший родину русский гражданин, и в этом смиренном звании эмигрант естественно должен был вспомнить об общественном мнении нового русского поколения, уже не нуждающегося в его слове. Мы уверены, что, в ответ ему на этот скромный запрос, наше русское мнение не преминет высказаться со всею прямою, которая, может быть, будет и тяжела, и горька «неисправимому социалисту», но которая все-таки повеет на него своим целеющим духом отрезвления.

В этом смысле мы понимаем печатаемое в нынешнем номере нашей газеты письмо Герцена и, как общественный орган считаем себя призванными и обязанными выразить о письме его наше независимое мнение, которое в известной мере имеем право считать солидарным с мнением людей, подписывающихся на наше издание и не приходящих в противоречие с характером высказываемых в нем суждений.

1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 15-го МАРТА

Г. Герцена бесполезно было бы упрекать в недостатке любви к родине, в

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
недоброжелательстве ей: все подобные упреки он положительно отвергает. Он уверен, и не скрывает своей уверенности, что если кто-нибудь из русских умеет любить Россию и желает ей добра, то это он, г. Герцен, и те, кого «воспитал» он. Стало быть, мы никак не можем обращаться с г. Герценом как с сознательным врагом страны, в которой мы рождены, живем и желаем здесь умереть, смененные нашими детьми. Г. Герцен бывал строг и суров с нами, он часто бранил нас с того берега; но наша родная пословица именно и завещает нам: «Не люби друга-попоровщика, а люби друга-стречника». Весь вопрос заключается в том, чтобы свести с Герценом счеты, относительно его работы на пользу России, и в итоге узнать, во что нам обошлась своеобразная служба его любимой им родине. Постараемся это сделать, чтобы дать знать Герцену, как новая Россия смотрит на его прошлую деятельность. Заслуги, оказанные Герценом России, по неоднократно напечатанным им счетам, заключаются главным образом в том, что он «звонил в свой „Колокол“ в то время, когда печать в России безмолствовала», и что он «воспитал в России поколение бесповоротного социалистического». Вещь неоспоримая, что Герцен действительно поднял трезвон в то время, когда благовест в России был невозможен, и воспитал хотя не поколение, но очень много людей, бредивших социализмом и бесповоротно погибших для своих семейств, отечества и всякой полезной деятельности.

Герцен полагает, что он имеет для русской цивилизации, по крайней мере, такое же значение, какое имел Мартин Лютер для западной Европы. Он считает себя реформатором, и даже великим реформатором. Отрицаться от этого г. Герцен, вероятно, не захочет, да это ему было бы и неудобно, потому что каждому из нас известно, какую большую цену и значение придавал Герцен и себе, и своим словам, которые он распространял посредством «свободного типографского станка». Мы даже вовсе не хотим много и упрекать г. Герцена за его заносчивость и гордыню, – в них гораздо более повинны обстоятельства, чем сам г. Герцен. Г. Герцен, человек с способностями довольно быстрыми и блестящими, но до крайности односторонними и неглубокими, не мог не впасть в ту петушиную спесь, которую он, по-видимому, сохраняет до старости лет. Рожденный в эпоху нашествия французов на Россию, г. Герцен созрел для действований в ту пору, когда слово в России было сковано, и за какие-нибудь задираательные стишки, или за шаловливую песенку людей посылали в ссылку, как за государственное или криминальное преступление.

Раз г. Герцен, подкутив с товарищами на какой-то пирушке, спел весьма глупую песенку, впоследствии напечатанную им в одной из книжек его «Полярной звезды». За это пение г. Герцена в числе прочих взяли на съезжую, а потом послали в Вятку, где он служил у местного губернатора, был членом губернского общества, мечтал в огромном саду своей квартиры о своем будущем величии и не без успеха ухаживал за дамами, а потом назвал всю эту эпоху своей жизни эпохой «Тюрьмы и ссылки» и, поставив в Лондоне печатный русский станок, сочинил обо всем этом иеремиаду, которая пробралась контрабандным путем в Россию, и имела здесь свой успех. Г. Герцен, сочиняя и выпуская в свет «Тюрьму и ссылку», имел, конечно, в виду увековечить историю страданий, претерпенных им в отечестве, и пристыдить то правительство, которое так серьезно посчиталось с ним за его школьническую шалость. По счастью для г. Герцена, ему и в том, и в другом случае была полная удача: общество к нему разжалобилось и обличило полную готовность говорить о правительстве со стороны весьма неместной. Обстоятельства благоприятствовали г. Герцену неизмеримо: цензурный гнет не только давил, но просто уничтожал всякую, сколько-нибудь независимую, мысль в России; читать было решительно нечего. Это было время, когда у нас, по меткому выражению одного талантливой современника, «обдумывался и частью уже осуществлялся проект введения единомыслия в России». Разномыслие преследовалось с неумытной строгостью, в которой деятели различных ведомств соперничали друг перед другом с азартом, и некоторые из них действительно отличились большими подвигами. Газеты печатали новости, не смея полагать своего заключения ни по одному сообщаемому известию; благороднейшие профессора университетов получали беспрестанные замечания и читали лекции под страхом, окончив одну из них, не попасть на другую, а оттуда еще далее. Белинскому, по словам известного русского инвалида Скобелева, «давно была готова казенная квартира в крепости»; москвичи дрожали за судьбу Грановского и Кудрявцева. Услужливые послухи размножились, как нечисть, и проникали всюду. Покойный «русский Златоуст», высокопреосвященный Иннокентий таврический, однажды, говорят, после своей проповеди должен был давать объяснения по обвинению в коммунизме. Всякая тень мысли преследовалась уже до того усердно, что подвергались предварительной цензуре транспаранты для письма, на том только основании, что на них печаталось слово «транспарант». Дух стражайшего и придиричнейшего надзора царил над страной, и она бесполезно цепенела от ужаса,

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru навеваемого на нее его темными крыльями. Но как все это ни было тяжело, а Белинский продолжал писать свои критики, а Кудрявцев с Грановским читали свои лекции, Московский университет находился, говоря словами Герцена, в апогее своей славы, и Иннокентий, многие сочинения которого были найдены крайне непозволительными и оставались запрещенными до самого недавнего времени, продолжал проповедывать, и никто из этих достойных всегдашней доброй памяти русских людей не искал спасения бегством и не уходил из России. Все они продолжали идти своими дорогами, не изменяя своим благородным убеждениям: они несли «тяготу друг друга и так исполняли закон», которого Герцен исполнять не захотел.

Отсюда начало возникавшего величия «дилетанта в науке и неисправимого социалиста».

Г. Герцену обыкновенный способ служения России был не по характеру; ему нужен был необыкновенный способ. Мы не говорим не по средствам, а именно не по характеру. Если мы обратим внимание на произведения г. Герцена, писанные им при наистрожайшей цензуре в России, то увидим, что цензура тогдашняя оказывалась бессильной против него. Преимущество отрицательного приема в литературе живо сказывалось и тогда уже; обманывая строгость цензуры, Герцен почти свободно проводил свои идеи в то время, когда цензор подписывал транспаранты. Может быть, ему казалось мало этой свободы, но тем не менее стеснение для г. Герцена было как будто полезно; писавши под цензурою, он был сдержаннее и говорил дела больше, чем на свободе. Лучшие, талантливейшие его вещи: «Кто виноват?», «Сорока-воровка», «Записки доктора Крупова» и «Письма об изучении природы» написаны им здесь, под тяжестью цензурного давления; на свободе он не написал ни одной строки, которую ждало бы какое-нибудь долговечие, кроме тех впрочем строк, которыми г. Герцен оскандализировался на долгие века. Его «Былое и Думы» есть наилучшее, что им написано на свободе, – но и оно относительно ниже всех работ, сделанных в отечестве, – в остальном же, где над всем преобладает мы, да я, да фигура моя, Герцен просто жалок и скучен.

Г. Герцен о себе, кажется, не устанет говорить вечно, что заимствовали у него и некоторые из его учеников, например, г. Кельсиев.

Недостаток чувства меры так велик в г. Герцене, что делает этого человека неспособным ни к какой серьезной деятельности. Его всегда, каждую решительную минуту, занимает его собственная позитурка, и, бросая свои чернильные перуны царям и народам, он, кажется, сам, как Нарцисс, смотрит в свою чернильницу. Чуть он увидит себя, ему сейчас хочется немножко приподнять себя повыше, и у него пойдут самые смешные и надутые преувеличения. Точно так же, как из нескольких дней, проведенных в съезде в доме одной из московских частей, и из благополучного служения у вятского губернатора сумел сделать тюрьму и ссылку, он на первых же порах, как только очутился за границей России, сделал из этого побега целую историю. Г. Герцен ушел из России так себе, по баловству, по неспособности тянуть домашнюю тягу, как тянули ее другие, не менее его честные, не менее его умные и уж, конечно, гораздо более его серьезные люди: он ушел, как говорится, «ни за что, ни про что», и даже сам, при всей своей склонности ставить себя на ходули, ни разу не мог толком объяснить причины и цели своей комической экспатриации.

Но, что комично теперь, то при ярме, стеснявшем Россию в то время, таким не казалось, – по крайней мере, оно не казалось таким весьма многим. Г. Герцен возвестил печатным образом о своем разрыве с Россиею, и стесненная в своей свободе Россия, вместо того, чтобы захохотать в глаза этому новому Курбскому, удостоила его окрик на отечество вниманием. Административные лица всполошились, словно невесть чем, этою дорогою пропажею, и устремили свои взоры на то, чтобы наипаче всего оберечь Россию от внушений этого ужасного человека. Россия, как она ни была сжата и маловоспитана, почуяла, однако, этот всполох, и в пику власти, сковывавшей здесь, дома, всякое свободное и резонное слово, распустила уши и начала слушать заграничный бред г. Искандера.

Надворный советник Александр Иванович Герцен прямо из советников новгородского губернского правления попал в «мощные» враги русского правительства, во всей его совокупности, и всем этим новым значением своим он, конечно, прежде всего обязан тем порядкам, которые существовали в России, а потом характеру и такту тех, кто, давая всякую мысль дома, залугался первой пустопорожней угрозой, когда она раздалась из-за границы. Одно время в административных сферах просто боялись

Сборник статей. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
Герцена. Быть обличенным в «Колоколе» почиталось ужасным несчастьем не только для «рядового» человека, но даже и для губернаторов, директоров департаментов и других высших чинов. Происходили вещи необъяснимые в администрации: ненавидели г. Герцена, не уважали его – и его слушались. Известны случаи, что люди через одно недружелюбное слово, сказанное о них Герценом, утрачивали свою репутацию и теряли карьеру. Власть Герцена все усиливалась и усиливалась наперекор всякой логике, и тут вдруг с ним случилось то несчастье, которое с тех пор неустанно преследует его во всей его дальнейшей деятельности. У г. Герцена закружилась от обаяния голова. Он потерял уже совершенно чувство меры и понес вздор. Он заговорил о назначении России, которой не знал тогда, как и нынче не знает; откапывал в «мужике» прирожденные свойства западного социалиста; отождествлял социализм с «общиной», одним словом, что называется, молот вздор. Ему верили или не верили, но спорить с ним не позволяли: это было вне господствующего порядка. Герцена боялись и слушались, но хотели показывать, что его игнорируют. Это было наименее несчастнейшее из многих несчастных мероприятий тогдашней системы. Герцен во все это время укреплялся, нес чушь и околесицу, точно древняя пифия, и извергал пророчества и прещения.

Но настоящую силу г. Герцена составляли не руководящие статьи его химерического журнала, а печатаемые в нем корреспонденции из России. Эти корреспонденции всегда были свойства обличительного и печатались с уснащениями и с такою подправкою, что тут и великие, и малые, читая их, чуть не захлебывались от удовольствия и повторяли из уст в уста прозвания, которыми г. Герцен наделял государственных людей из своего особого словаря. Харчевенные вокабулы, вошедшие в употребление у некоторых писателей последнего цикла, все пришли к нам «с того берега», откуда так же позаимствован и способ обращаться с именами и репутациями людей, нимало не стесняясь никакою совестью. Г. Герцен одного министра называл «трехполенным», другого «трехпрогонным», третьего «преобразившимся на фаворе»; всех не согласных с ним писателей называл, не стесняясь, «доносчиками и шпионами», «бульдогами», «ордынцами», «жалкими лакеями», «тупыми рабами», «стрельцами-попами»; всю нашу печать, дружно заговорившую против польского мятежа, обозвал «развратною литературою сбиров и помощников палачей»; над всем острил, шутил, иногда плоско, иногда едко, но никогда не церемонился, ни с какими заслугами. Напротив, чем авторитетнее было какое-нибудь лицо, тем больше разыгрывался на него зуб у г. Герцена. Он с особенным наслаждением набрасывался на личности, пользовавшиеся в отечестве доброю репутациею, и топтал в грязь эти репутации с каким-то сатанинским остервенением. Все это было необыкновенно, непривычно, и в силу этого нравилось. В невоспитанном обществе, к которому принадлежали чиновники, подведомые выводимым на позорище государственным людям, наглые выходы Герцена были встречаемы с восторгом. Число невежественных почитателей и корреспондентов Герцена росло. Всякий, кто хотел посчитаться с ближним так, чтобы этот ближний помнил этот счет, писал на него донос в «Колокол», донос иногда основательный, а гораздо чаще клевету, вздор, сплетню, но всегда живую и злую сплетню. Герцен все это собирал из всех источников и, не справляясь, чисты ли, грязны ли они, все это печатал... Эта неразборчивость, это незнание меры в нападках и погубили Герцена.

Серьезные люди, которых, разумеется, было очень мало, смотрели на это с ужасом. Они давно уже потеряли уважение к деятельности Герцена и видели, что рассеиваемая им смута не поведет ни к чему доброму, но они не могли этому противодействовать. Всякое серьезное слово не получало никакого места, ни на наших кафедрах, ни в печати. Когда г. Герцен только что ушел из России, умных русских людей удивила та ребячья торопливость, с которою «неисправимый социалист» спешил заявить, что он назад не возвратится. Этого никто у него не вымогал, но у него у самого это не держалось. Думали, что Герцен станет, может быть, печатать за границею сочинения, которые освещали бы русскому обществу истинное его положение и указывали на высшие идеалы, к которым оно должно было стремиться в своей тогдашней задухе. И это была ошибка. Ничего также не последовало: Герцен только ругался с плеча направо и налево; обвинял в бесчестности всех, про кого ему тот или другой благоприятель присылал какое-нибудь письмецо. Дальше, в области науки и исследований, он скоро и без всяких рассуждений порешил все разом: он просто объявил, что существующий порядок на земле вообще никуда не годится, что нужны «новая земля и новое небо», что идеал его – деревушка Нью-Ленарка...

Судьба была к г. Герцену непомерно добра или уж так немилосердно лукавила с ним, что ему все шло на пользу, но шло на пользу как бы нарочно для того, чтобы он забирался все дальше и дальше и, наконец, дошел до геркулесовых столбов смешного

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
задора. Герцен пошел смелее и смелее: вскоре же он известил, что чуть было не выпил вина за здоровье нашего Императора, – что, конечно, имело в его глазах огромное значение, – но что он потом раздумался и, взявшись за стакан, не стал пить. Раздумье это напало на г. Герцена потому, что Император наш неодобрительно держит себя по отношению к полякам, и уж тут пошли и клеветы на русских деятелей, и проклятия за управу с польским мятежом, и призыв «мужиков к топорам», и всякая ложь, пригодная для того, чтобы бесчестить Россию, устраивавшую быт польских крестьян. «Неисправимый социалист» и демократ окончательно рехнулся и понес вздор в защиту тех самых начал в Польше, которые считал подлежащими уничтожению зауряд во всем мире; тут он стоял и за национальность (польскую), и за права собственности (у помещиков), и за неприкосновенность религии (у ксендзов). Наконец все это заключилось новою колоссальнейшею глупостию: кто-то, вероятно, какой-нибудь полячок, – так как они большие охотники распускать ложные слухи, – сообщил г. Герцену, что в Лондоне проживают русские агенты, имеющие поручение похитить его, г. Герцена, на улице, «как Прозерпину», и увезть в Россию. Г. Герцену, издавна приучившемуся считать себя немаловажным человеком в мире вообще, и в русском в особенности, не показалось в этом ничего невероятного, и он сделался игрой самой пошлой шутки. Он все это напечатал бестрепетною рукою и в азартнейшем духе начал грозить, что Государь будет отвечать «за каждый волос» г. Герцена «перед целою Европою».

Этим было закончено политическое служение г. Герцена России: Россия над ним расхохоталась.

Несчастное для г. Герцена событие это имело у нас в России последствия, весьма благоприятные для нашего общества: чиновники, видя пошатнувшуюся репутацию «Колокола», перестали выкрадывать для него материалы секретных дел канцелярий и писали менее сплетен; «Колокол» терял интерес, и для верных слуг правительства наступила эмансипация от далекого и бесцеремонного клеветника.

Вслед за тем отблагодарила г. Герцена Польша. Польские эмигранты в своих заграничных брошюрах и парижском журнале «Waczność» предостерегали своих не доверять учению г. Герцена, так как этот «росцейский moskał не знает даже простых прав человека на собственность».

Для их г. Герцен с той поры потерял всякое значение; и он еще значил кое-что для других, которые в свою очередь имели значение для нас, как «кость от наших костей и плоть от плоти нашей».

Сочинения г. Герцена, никому ныне не нужные и никого не интересующие с тех пор, как в России печатное слово получило некоторую льготу, расходясь у нас во время гнета предварительной цензуры, внушили довольно большому числу невоспитанных людей надежду уничтожить наш государственный порядок, брак, веру и права собственности. С тех пор пустые и несбыточные надежды эти не переставали занимать ничтожное число голов, которые считают себе передовыми. Одни из них верили в это искреннее и попали за свои попытки осуществить свои верования в каторжные норы Сибири; другие, и этих больше, притаились, поворотили на службу и служат, забыв многое уже из герценовского катехизиса; третьи, наконец, самые легковвернейшие и робкие, неспособные идти по дороге, выводящей в Сибирь, и, полные страха оставаться в России, ударились за границу. План всех этих людей был подобен плану г. Кельсиева: они хотели что-то писать и как-то действовать оттуда на Россию. Сбежало таким образом за границу в разное время немало людей. Все они не умели ни работать, ни подчиняться долгу и принципу, и в самое же первое время своего бродяжничества образовали различные секты одного и того же учения, появились соловьи по Серно-Соловьевичу, позитивисты и даже какие-то матреновцы. Последняя группа в несколько человек шла за некоею русскою дамою, желавшею основать русскую республику за Пиринеями. Между всеми этими группами не было никакого согласия, и все они носили в себе все задатки самоуничтожения, но прежде чем им уничтожиться самим, они пожелали свести счеты свои с г. Герценом, которого они за границу увидели лицом к лицу, каков он есть, а не зеркалом в гадании. Заграничные русские социалисты придрались к состоянию г. Герцена и, сопоставив достаточную жизнь его с своим горегорьким житьем, потребовали, чтобы он первый показал, как должен вести себя по отношению к обществу истый социалист. Они пожелали, чтобы г. Герцен дал им свое состояние на общее дело. Требование это проповедник коммунизма нашел почему-то неуместным и не исполнил его. Социалисты за это рассердились (что и весьма понятно), и один из них, г. Серно-Соловьевич, описал все это в книжке, в которой и доказывал, что г. Герцен

Сборник статей. Николай Семенович Лесков teskovniko1ai.ru
не более, не менее, как фразер, а не социалист и что социализму от него ожидать нечего. Жалкое положение! России Герцен стал смешон, поляки выражают, вместо благодарности, недоверие, кучка его учеников обвиняет его в недобросовестности: все отступились, все бросили его, этого пророка России и учителя мира, бросили, как пустомелю, ни на какое дело неспособного.

Г. Герцен не выдержал. И вот в его последних объяснениях пред закрытием «Колокола» слышатся глухие и темные упреки собственно своим последователям. Вообще жизненный путь Г. Герцена представляется нам трагикомичным и в конце больше плачевным, чем смешным. Но, по-видимому, он еще далек от того, чтобы выразуметь всю безвыходность своего настоящего положения, которое он сам же себе приготовил, чтобы принять на себя смиренный, покаянный вид, единственный, какой только ему к лицу теперь, в России. Мы дополним историю его злоключений последними известиями. Г. Герцен пишет к нам, что он имеет желание возвратиться на родину. Но прежде чем успело появиться в печати письмо, присланное Г. Герценом редактору «Биржевых ведомостей», другие газеты уже перепечатали письмо Герцена, помещенное в «Кельнской газете». В этом письме Г. Герцен пишет как будто то же самое, что редактору «Биржевых ведомостей», то есть что он имеет желание возвратиться, но «сомневается, едва ли теперь еще удобно к тому время в России». Это уже новость, это опять забавная попытка договориться с державою. Но и это все падает прахом, когда мы скажем (а это верно), что сын Г. Герцена, прося русское правительство дозволить ему приехать в Россию для устройства дел своего отца по его костромскому имению, счел своим долгом прибавить, «что во время своего пребывания в России он не изменит убеждениям своего отца, хотя и не будет их пропагандировать».

Что за непостижимые и удивительные люди – эти господа «Герцен и сын»! Что за несчастные болтливые языки у этих людей, из коих старший считает себя вправе читать нотации государям, издавать манифесты и предписывать повеления народам, а второй гордо обещает не пропагандировать во время своей поездки в Россию убеждений своего отца! Кто просит их заявлять об их политических, экономических и каких бы то ни было иных убеждениях? Какая бесконечно большая охота у этих людей гоняться за эффектами, и какой недостаток самой нехитрой ловкости избегать забавнейших положений, по которым они так и прыгают из одного в другое! Нас удивляет, что старший Герцен, отвергавший весь строй государственного порядка в России, даже не знает основных положений этого порядка. Старший Герцен должен бы знать, что сын его, до своего никому не нужного заявления о своем образе мыслей, даже не имел никакой нужды в испрашивании особого разрешения на возвращение на родину, так как, по законам нашим, сын несколько за поведение своего отца не отвечает. С него достаточно было простого заявления о желании приехать, и, мы в том уверены, он не встретил бы к этому никаких препятствий. Иное дело, когда младший Герцен, просясь на родину, с такою ребяческою наглостию машет пред глазами правительства отцовским знаменем, на котором написано и «к топорам», и другие заветные зовы «неисправимого социалиста».

Приходится краснеть до ногтей не за этих Герцена и сына, до которых нынешней России нет никакого дела, а за тех русских людей, которые некогда верили в ум и политические способности «неисправимого социалиста», не умеющего сделать одного шага, чтобы не насмешить целого царства. Смехотворный вождь этот не мог даже не перепортить вконец такого простого дела, как получение разрешения собственности, которой не забыла его социалистическая память, и которую Россия так обязательно сохранила в целостности этому «неисправимому социалисту», оскорблявшему имя ее Государя и наделившему тысячи русских семейств горестию и срамом за детей, погибших под выстрелами его остроумного краснобайства. Краска гнева за учителя и стыда за свою близорукость должны остаться навеки на лицах тех людей, в преступных помыслах которых таилось желание осуществить эффектные фразы, которые они считали заповедями, когда они узнают, до какого смешного и нелепого положения довел себя их бывший вождь, именем которого они некогда готовы были клясться.

Мы кончили. И с тою же готовностью, с какою мы исполнили первую просьбу Герцена о напечатании его письма, исполним и вторую о присылке ему листа нашей газеты; мы пошлем ему, вместо одного, даже два нумера. Как один из органов общественного мнения новой России, «уже не нуждающейся в слове» Герцена, мы высказали свой суд о нем с прямою, которая, может быть, будет и тяжела и горька «неисправимому социалисту», но которая может поотрезвить его, и с тою (смеем уверить его в этом) независимостию, которой, конечно, бывший диктатор русской молодежи не привык признавать в других. Пусть он узнает, что время фарсов, эффектов, фраз для России миновало, что для нее смешны теперь, не больше, и прежние и последние

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
проявления его страсти драматизировать свое положение; что в ней уважаются теперь люди дела, а не пустые, хотя и высоко даровитые фразеры. Наш суд суров и строг над печальной, отчасти вредною, а больше смешною заграничною деятельностью Герцена, мы сознаемся в этом; но это потому, между прочим, что он обладал счастливыми природными дарами, что от него многого можно было бы ожидать родине, если бы он, подобно Грановскому, Белинскому и многим другим честным, хотя и неизвестным, работникам «продолжал истинный труд и работу на родине и не разменял своих даров на мелкую монету проповедника и агитатора». Предоставляем самому ему решить, в какой мере он психически приговорен к тому, чтобы перенести то – больше, чем скромное, и хуже, чем не блестящее, – положение, какое он сам приготовил себе в русском современном обществе. Вот наш отзыв на его вызов.

1869 год.

<<МЫ ПОДВЕРГЛИСЬ НЕСЧАСТИЮ...>>

Мы подверглись несчастью сильно не угодить г. Герцену. В двух статьях, недавно написанных нами по поводу его письма, мы выразили несколько мыслей, неприятных для этого деятеля, и он в отпор нам прислал г. редактору «Голоса» нижеследующее письмо:

«М. г., „Биржевые ведомости“, поместив мое письмо к 71-му №, перетолковывают смысл моих слов. Я не знаю, чем я мог заслужить такое внимание их: во мне нет ничего биржевого – я их никогда не читаю, кроме исключительных случаев, и, признаюсь, был бы доволен, если бы мог как-нибудь охладить их интерес ко мне. Я не стал бы писать об этом, но не могу же я оставить читателей в мысли, что я „Биржевые ведомости“ принимаю за государственный институт и ходатайствую через них о праве возвращения. Я вообще не ходатайствую ни о чем, нигде. Чего удивились „Биржевые ведомости“, что я считал бы за счастье возвратиться в Россию? Разве любой эмигрант, от Виктора Гюго до герцога Омальского, не скажет того же, и разве это будет значить, что они интригуют чрез отца Гиацинта или Гранье де-Касаньяка-сына?

Помещение моего письма в „Голосе“ я сочту за особенное одолжение с вашей стороны.

Примите и пр.

Алек<сандр> Герцен».

Воспроизводя на столбцах «Биржевых ведомостей» весь текст ядовитого письма г. Герцена, можем еще раз сказать, что мы, стало быть, нимало не погрешили в своих заключениях об этом злополучном вечном страннике. И ныне, как и прежде, все одна и та же комическая надменность и трескучие фразы, вместо прямого ответа, и диалектические фокусы, и натяжки, и всякая шумиха метафор, и все единственно для того, чтобы сочинить хоть самую крохотную остроту, вроде того, что «Биржевым ведомостям» не след заниматься г. Герценом потому, что в нем нет ничего «биржевого». Просим наших читателей вспомнить, что «Биржевые ведомости», говоря о г. Герцене по поводу присланного им к нам письма, не сделали ни одного, ни умышленного, ни неумышленного, намека, из которого человек, не лишенный способности мыслить логически, мог бы вывести, что мы для г. Герцена «государственный институт, через который редактор „Колокола“ ходатайствует о праве возвращения». Это один из давно всем знакомых солидных приемов г. Герцена по отношению к тем, кто навлечет на себя его неудовольствие. Другая манера объяснений, как видно, совершенно несвойственна редактору «Колокола», и мы, конечно, никогда и не ожидали, чтобы он изменил для нас своим добрым привычкам. Признавая, однако же, за г. Герценом неоспоримое право быть нами недовольным, потому что правда вообще горька, а г. Герцен, как видим, еще не воспитал в себе уменья спокойно выслушивать нелестливые речи, мы все-таки не можем не подивиться тому тону, которым г. Герцен составляет нам на вид свое желание быть для нас неприкосновенным! Какое право имеет г. Герцен простирать такие желания, и что бы ответил он, если бы кто-нибудь из легкомысленно обижаемых им в «Колоколе» людей напечатал в «Голосе» письмо, что «желает охладить к себе внимание газеты г. Герцена»? Мы думаем, что г. Герцен расхохотался бы над этою претензией и потом излил бы целый фиал своей ярости над таким «башибузучьим» пониманием прав своей неприкосновенности. Нам просто жалко г. Герцена. Как он далеко отстал от самых умеренных требований либерального века и как неосторожно высказывает наклонности нетерпимого, раздражительного, дикого и строптивного деспотизма! Что же касается

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
до того, что в г. Герцене, по его мнению, нет ничего биржевого, то, принимая это замечание в том смысле, что нашей газете, по преимуществу служащей интересам коммерческим, не по силам браться за суждение о г. Герцене, мы вправе еще более удивляться непостижимой логике этого человека. Много или немного «биржевого» в г. Герцене, мы не беремся высчитывать и, оставляя это в стороне, не можем лишь не заметить, что претензия г. Герцена не быть иногда предметом внимания экономических газет напоминает несколько басенную претензию гусеницы на огородников, которые не оставляли ее своим вниманием в интересе соблюдения растений, нужных в потребу человеку.

1869 год.

С.-ПЕТЕРБУРГ. 24 МАРТА

Странное сходство. – Спириты в России. – Лечебница доктора Майера. – Женщины, заменяющие мужчин в фармацевтических занятиях. – Женщины-продавальщицы. Все, конечно, знают пользующуюся довольно большою известностью оригинальную малороссийскую оперетку котляревского «Москаль-Чаровник». Пьеска эта, как мы сказали, всегда считалась и до сих пор считается оригинальною, и, должно отдать ей справедливость, она написана так, что ее и в самом деле легко принимают за оригинальную, хотя в оригинальности этой есть небольшое основание сомневаться. Фабула пьесы «Москаль-Чаровник» заключается в следующем: казак Михайло Чупрун уехал из дому; жена его, Чупруниха, в это время принимает у себя судейского паныча Финтика, с которым у нее идут амуры. Чупруниха и Финтик располагаются попить, как вдруг в хату Чупрунихи неожиданно является на постой проходжий солдат. В такую пору гость, конечно, хуже татарина. Чупруниха гневается на москаля и не дает ему ничего есть, говоря, что «чоловика в доме нэма» и есть у нее нечего. Солдат голодный ложится за печку, но не спит. Чупруниха с Финтиком продолжают угощаться, как вдруг новый стук в ворота: Михайло Чупрун воротился. Чупруниха прячет Финтика под печку. Чупрун просит у жены есть, но Чупруниха отказывает в этом и мужу, говоря, что она ничего не готовила. Казак решает лечь спать голодный, но солдат выходит из-за печки, объявляет, что он колдун (чаровник) и может заставить черта подать какое угодно кушанье. Слышав у Чупрунихи, что у нее все готово для Финтика, солдат ворожит для обмана Чупруна и потом велит подавать и то, и другое, а потом в конце вызывается показать подгулявшему казаку и самому черта, в каком угодно виде. Чупруниха, понимающая проделку москаля, желает, чтобы черт явился в образе Финтика, и солдат вытаскивает испуганного паныча из-под печки и выгоняет его вон. Одним словом, превеселая и преудачная пьеска.

В старом письмовнике Курганова, известном нынешнему поколению разве только по насмешкам, которые одно время часто высказывались этой старой книге, есть «Повесть о удалом молодом солдате». (Дополненное издание 1809 г. Часть 1-я, стр. 254, № 235.) фабула этой повести такая: «В Гренаде, главном испанском городе», в один дом пришел на постой солдат. Хозяйка его не хотела принимать на том основании, что она одна, без мужа; но солдат, которому некуда было уйти, все-таки остался. Он просил себе чего-нибудь поесть, но в этом уже хозяйка решительно ему отказала, объявив, что она без мужа ничего себе не готовила. Солдат лег голодный и заметил в щелку свет в соседней комнате. Он заглянул и увидел «милорду»-хозяйку, сидевшую подле огня в объятиях молодого адвоката в долгой мантии. Тут же на вертеле была жареная дичина, а на столе другие кушанья и вина. Солдат смекает, в чем дело. Но вот вдруг испуг: хозяин приехал! Милорда прячет адвоката «в кровати закоулке». Хозяин входит и просит у жены есть, но жена отвечает, что у нее ничего нет, что она себе всего спекла днем только одно яблоко, да другое служанке. Хозяин решает лечь спать голодный, но в эту минуту выходит солдат не «изготовясь», говорит, что он колдун, и обещается накормить всех ужином. Солдат взял из кухни уголь и очертил круг и, как был замысловатый, то стал произносить некие нелепые и странные речи и делать телодвижения, дабы тем прикрасить свой обман. Затем все, как в «Москале-Чаровнике»: приносят яства, заготовленные милордою для адвоката, хозяин подпивает с солдатом, солдат вызывается показать черта в каком угодно виде и вытаскивает адвоката, который и убегает в двери.

Пьеса котляревского этим и кончается; но в повести, напечатанной в письмовнике Курганова, дело идет немного дальше. Здесь все заключается тем, что сконфуженная милорда на другой день после этого происшествия, не зная, как отблагодарить великодушного солдата, поступила точь-в-точь так, как одна из дам, вдохновлявших поэта Всеволода Крестовского, – она свою благодарность солдату грешною любовью

Сборник статей. Николай Семенович Лесков Teskovniko1ai.ru
заплатила.

Это всего только и есть единственная разница между «ишпанскою повестью» из письмовника Курганова и пиесою Котляревского, но и ее, может быть, следует объяснять тем, что театральное ведомство нашло неудобным допустить представление последней сцены между солдатом и милордою, переименованными Котляревским в Москаля и Чупрунису.

Бывший помощник попечителя киевского учебного округа, г. Юзефович, объявил однажды в своей полемике с малороссийскими сепаратистами, что он «свешал» всю малороссийскую литературу и нашел, что она тянет всего – что-то около десяти фунтов. Мы полагаем, что если дать себе труд послышать да попроверить все, что взвешено г. Юзефовичем, то и в этих десяти фунтах еще немало найдется такого, что собственно гораздо менее принадлежит Лубнам или Пирятину, чем «главному ишпанскому городу Гренаде».

Спириты, число которых у нас гораздо значительнее, чем многие думают, и в рядах которых есть немало людей с очень видным общественным положением, находят неудобными свои «общения» в частных домах и помышляют об устройстве клуба. Другие говорят даже, что спириты думают со временем и о своем журнале на русском языке, вроде заграничных спиритских изданий, например, «Revue Spirite» Аллян-Кордака. Подобные попытки в наше материалистическое время свидетельствуют, что у русских спиритов в смелости нет недостатка, но мы опасаемся, не доведется ли им, прежде чем они вступят в борьбу с материализмом общества, спасовать перед иною силою, которая обопрется на авторитет духовенства, склонного относиться к спиритам с гораздо большею нетерпимостью, чем к самым «грубым материалистам». Отвергающие промысл и самое бытие Божие материалисты представляются некоторым гораздо менее вредными, чем спириты, стремящиеся «слиться с божеством и фамильярно беседующие с душами прежде отошедших отец и братии». Особенность понятий спиритов об Иисусе Христе, отрицание ими «вечных мук» и совершенно своеобразное толкование всего почти евангелия едва ли не встретят у них неодолимых противодействий.

Директор евангелического госпиталя в С.-Петербурге, доктор Майер, обратился к нам с просьбою оказать следующее содействие дирижируемому им заведению.

Евангелический госпиталь – заведение, существующее без всяких фондов, на одни добровольные жертвы. Оно и основано доктором Майером (воспитанником здешней медицинской академии), что называется в надежде на милость Божию, и вот просуществовало уже до сих пор девять лет. В течение этих девяти лет у доктора Майера лечилось 1 910 женщин, из которых 1 707 бесплатно, и в устроенном при больнице детском приюте жило 125 детей, из коих за 121 тоже никто ничего не платил. Госпиталь евангелический устроен для женщин всех вероисповеданий, и в него с совершенно одинаковою готовностью принимаются и русские, и немки, и католички, и даже в числе пользовавшихся была одна еврейка. Лечение больных здесь заведует доктор Майер, а уходом за ними сестры диакониссы, приспособленные доктором Майером к занятиям акушерским, а две и к занятиям фармацевтическим. Пока ученые люди будут разрешать, могут ли женщины заменить мужчин в фармацевтических занятиях, в евангелическом госпитале вопрос этот уже решен в пользу признания женских способностей, и там две женщины ведут всю госпитальную аптеку. Общий характер евангелического госпиталя совершенно домашний, нимало не пугающий больного тяжестию обстановки казенного заведения, и притом все удобства для состоятельных и бедных больных здесь совершенно одинаковы: в госпитале пользуются и простые работницы, и дамы довольно видного положения выгодами одинаковыми. Наемной прислуги при госпитале нет никакой, кроме одной чернорабочей женщины при кухне; остальное все исправляет христианская коммуна диаконисс, из которых шестьдесят находятся на послугах госпиталя и 24 на службах в приютах. Госпиталь в течение девяти лет приобрел себе довольно значительную известность и стоит уже на своих ногах, но не имеет собственного помещения, а помещается в наемном доме (Кирочная, № 3) и платит за квартиру весьма немалую сумму.

Ныне С.-Петербургская дума, удостоверясь в пользе, которую приносит этот госпиталь, отвела ему безвозмездно городское место, с тем чтобы на этом месте в течение пяти лет было построено госпитальное здание, а строить это здание пока еще не на что. Доктор Майер не теряет надежды, что и эту беду он одолеет и построит дом своему госпиталю, но не скрывает, что всякое общественное содействие, всякая, хотя бы самая небольшая, посильная помощь имеют огромное

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
значение для его дела. С этой целью он просит нас заявить в газете о его просьбе подействовать госпиталю, возводимому с тем, чтобы он служил для всех, кто к нему обратится, без различия званий, вер и состояний. Доктор Майер просит добавить, что если еще другие газеты наши перепечатают это его заявление, то евангелический госпиталь примет это с величайшею благодарностию, как знак расположения к началам, на которых он ставит свое дело. Сострадательные люди, которые могут пожелать быть вкладчиками на постройку дома для евангелического госпиталя, донныне служившего и впредь намеревающегося служить всем требующим пособия женщинам, без различия их происхождения и вероисповеданий, могут прислать свой посильный вклад в нынешнее помещение госпиталя, на Кирочную, дом № 3 (Миллера). Желающие ближе познакомиться с достойными внимания порядками заведения и обществом диаконов могут обращаться туда же, в госпиталь, лично к доктору Майеру, по утрам до 10 часов.

Охотно исполняя достойную всякого сочувствия просьбу доктора Майера насчет его заявления, желаем доброго успеха его христианским заботам, которыми такое почтенное дело держится девять лет столь прочно и столь тихо, что даже не получило и той скромной огласки, от какой ему, по-видимому, трудно было бы уберечься.

Коснувшись женского труда, находим уместным добавить, что наконец и в Гостином дворе (который если не весь целиком, то наполовину давно пора сдать на женские руки и из которого женщину, как сотрудницу, извергают упорнее, чем отовсюду) появились женщины продавальщицы. Еретическое нововведение это сделал первый в Гостином дворе купец Антонов, торгующий готовыми дамскими нарядами и модными вещами, по Суrowsкой линии, в собственном магазине, под фирмою «Антонов и Комп<ания>».

От души приветствуя благой почин г. Антонова, желаем, чтобы он не затруднился еще внимательнее вникнуть в женскую долю и пошел бы впереди других своих собратьев, представляя наглядное доказательство, что торговля за прилавком, да еще особенно торгующая женскими вещами, есть труд преимущественно женский и что сильному и здоровому мужчине даже должно быть неловко и стыдно исправлять своими могучими руками крахмальные воланы и гофрировочки. Дамам покупательницам сплошь и рядом неудобно и конфузно говорить с мужчиною-торговцем о рубашках, кофтах, кальсонах и других подобных вещах женского туалета, и со стороны гг. торговцев будет очень предупредительно избавить своих покупательниц от подобных стеснений, замена продавцов продавальщицами. На стороне хозяев, которые взглянут на это без предрассудков и без упрямства, наверное, скоро окажутся осязательные выгоды от замены (где удобно), мужчин женщинами. Выгоды эти обещает, и за них в известной мере ручается, женская аккуратность, более тонкий и изящный вкус женщин, их природная скромность и трезвость – одна из добродетелей, в которой мужчинам невозможно и претендовать сравниться с женщинами.

1869 год.

С.-ПЕТЕРБУРГ. 7 ЯНВАРЯ

Перемена в нашей журналистике. – Возможность спора с «Русским инвалидом». – Провинциальные ведомости в настоящем виде, и чего от них должно требовать? – «Казанский биржевой листок». – Народное образование. – Новые училища. – Белозерское земство и г. Курск как представители в деле образования. – Образовательные и благотворительные заведения в г. Либаве. – Жалобы на дирекцию петербургских театров. – Разговор в ресторане Дюссо. – Анекдот.
С нынешнего года, как известно всему читающему люду, произошла большая перемена в нашей журналистике вследствие обращения всех правительственных органов в один «Правительственный вестник». Эта реформа не может пройти без благоприятного влияния на журнальное дело уже вследствие только того, что у частных изданий отняты сильные конкуренты, борьба с которыми была решительно безнадежна. Разве можно было спорить, например, с «Русским инвалидом», когда за каждым его словом стоял авторитет всего военного министерства? Если, бывало, какая-нибудь газета поместит на столбцах своих по предмету военного дела статью, хотя бы написанную самим Александром Македонским, следовательно, человеком, вполне компетентным в деле побивания людей, то «Русский инвалид» считал это кровною для себя обидою: как смеет штатская газета рассуждать о пушках и литаврах?

– Все вы говорите чепуху, не зная дела, не понимая, не умея даже маршировать хорошенько! Молчать!

Ну, штатская газета и замолчит. Теперь этого не будет. Теперь можно будет иногда поспорить и с «Русским инвалидом» и сказать ему, что вы смотрите так, только с одной стороны, а мы глядим с других и поэтому видим то, что для вас незримо.

С нового года некоторые столичные издания наши стали видимо улучшаться, иные наружно, другие внутренно. Улучшений можно ждать и еще, так как несколькими тормозами стало меньше. Жаль только, что пока еще не предвидится никаких улучшений в наших провинциальных губернских ведомостях. Что это за газеты и для чего они существуют – один Бог ведает. «Оренбургские ведомости», напр<имер>, отличаются, между прочим, особенным обилием бумаги, не печатанной, а чистой; в «Волынских ведомостях», неизвестно для чего-то, помещаются руководящие статьи по иностранной политике; на «Витебские» и «Калужские ведомости» – страх берет взглянуть во всех отношениях. Благообразнее других «Виленские ведомости», по крайней мере, наружно. Но вообще наши провинциальные органы, как казенные, так и частные, за немногими исключениями отличаются совершенным непониманием своего положения. Если они не ограничиваются только печатанием казенных объявлений (а таких большинство), то ударяются в другую крайность, именно в иностранную политику и перепечатку известий из столичных газет. Какой смысл имеет то и другое в провинциальной газете? Подписчики ее получают столичные издания одновременно с редакцией местной газеты и потому совершенно, как и она, посвящены во все последние новости, которые на другой день должны перечитывать снова в местной газете. Если это делается только ради лиц, не выписывающих столичные газеты, то, право, игра не стоит свеч. Таких лиц наверно немного, и едва ли они окупают расходы редакции. Наполнять же местную газету собственными измышлениями по иностранной политике еще менее имеет смысла. Как бы ни расписывал автор, читатель местной газеты очень мало будет интересоваться его соображениями, зная, что они его личные, до которых никому, конечно, никакого дела нет. Иное дело политического содержания телеграммы, получаемые некоторыми губернскими ведомостями, – такое нововведение безусловно полезное и даже выгодное для редакции провинциальной газеты.

Всякая местная газета должна не только преимущественно, но исключительно разрабатывать свои местные интересы, если она не желает быть лишним наростом, ни на что не пригодным. Гоняясь за вопросами общегосударственными или всемирными, как это делают многие провинциальные издания, и совершенно упуская из виду свое прямое назначение, такая газета становится не только лишней, но даже вредною. Какому калужанину, или москвичу, или саратовцу интересно знать, что думает о восточном вопросе редактор или сотрудник каких-нибудь «Подольских» или «Ковенских ведомостей»? Между тем те же калужане, москвичи и саратовцы с большим бы интересом прочли, что делается в Подольской или Ковенской губернии. В настоящее время есть множество вопросов, общих для всех местностей России, но решающихся чрезвычайно разнообразно в разных ее губерниях. Неужели никому не любопытно узнать, как такое-то дело поставлено и ведется там-то; так ли другие поступают, как мы, и если не так, то отчего? Сообщая о своей местности, и только о своей, каждая провинциальная газета, казенная или частная, приносила бы несомненную и огромную пользу всему государству. Сведения, сообщаемые ею, перепечатываемые в столичных газетах, разносились бы по всему государству, и таким образом восстанавлилась бы тесная и обширная связь между самыми отдаленными и разнородными местностями империи. Да и без посредства столичных газет они получили бы значение в самых удаленных от себя уголках России чрез прямую подписку, так как, сделавшись живым органом своей местности, тем самым стали бы интересны для живых людей всякой другой местности.

Что мы говорим это не наобум, доказывается обилием корреспонденции изнутри России в столичных газетах. Нужно сказать, что печатаемые корреспонденции не составляют и четвертой части всех доставляемых, так как многие не помещаются или потому, что редакция, не имея возможности проверить сообщаемое, не берет на себя ответственности огласить его, или по каким-либо другим причинам, которые почти не существуют для местных органов. Корреспонденции столичных газет доказывают, что недостатка материала не существует. Делается же что-нибудь в губернии, населенной сотнями тысяч народа! Не спит же в самом деле вся эта масса голов! Не все же в карты играют! Думают же где-нибудь о земских делах, об образовании народа, о железных дорогах, о судах, о сельском хозяйстве, о промышленности... Есть же случаи частной деятельности и жизни, которые обращают на себя внимание. А между тем, проглядывая местные ведомости, доставляемые почтою, кажется, что за заставою столицы начинается Ледяное море, в котором, кроме моржей да белых медведей – никого и нет, так пусты и мертвы эти органы провинциальной жизни, из

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
которых лучшие пробавляются перепечатыванием иностранных известий, а затем –
хоть шаром покати.

Единственное отрадное исключение представляет в этом отношении «Казанский биржевой листок», начавший появляться в конце прошлого года, под редакцию г. А. Чугунова. Этот листок издается чрезвычайно опрятно, даже изящно, и в первых выпусках своих выказал полное понимание своей почтенной задачи. В нем помещаются торговые и биржевые депеши из Петербурга, цены местных продуктов, цены товаров разных местностей России, сведения о местных событиях, статьи по разным отраслям промышленности и другие известия. Все это просто, без аффектации, без излишних прибавлений.

Дело народного образования подвигается в столицах тоже чрезвычайно слабо, гораздо медленнее, чем можно было ожидать после совершенных реформ. Иногда в губернских ведомостях появляются известия об учреждении того или другого училища; но все это так редко, так мало по величине, что исчезает в массе народа, как в бездонной бочке. Притом неизвестно еще, какого качества эти училища, а в качестве-то их главная суть. В одной провинциальной газете, по крайней мере, высказывают не очень высокое мнение об этих вновь учреждаемых училищах. Именно говорят, что в большей части их ничему другому не учат, кроме грамотности, что, конечно, не очень-то много может содействовать развитию народа. Обучение одной грамоте не может убедить народ, на что она нужна. Не видя никакого практического приложения грамоты для своей жизни, крестьяне, предоставленные одному грубому физическому труду, неохотно посылают своих детей в училища, рассчитывая, что, в случае потребности в ней, гораздо легче обойтись с помощью какого-нибудь волостного писаря или отставного солдата, чем отрывать для обучения ребенка от необходимых по дому работ. Притом, как выражается одна газета, в этих училищах всякий молодец учит на свой образец. Если где и выбирают учителей тщательнее, то выбрать не из кого. В других местах боятся хороших учителей...

В Воронеже 1 ноября открыты при уездном училище в виде опыта на 4 года педагогические курсы для приготовления начальных народных учителей, для чего земство постановило содержать 24 стипендиата, отпускаая на каждого по 75 р. в год. На первый раз в эти курсы поступило 15 человек.

В Саратове «Братство святого Креста» учредило училище для приготовления сельских наставниц, на первый раз однокурсное, на 6 кандидаток. Поступило пока только 4 ученицы – 2 из духовного и 2 из сельского звания. Учащиеся пользуются помещением, дровами, освещением, учебными принадлежностями и по 5 р. в месяц каждая на прочие надобности. По окончании курса они будут определяться или в сельские училища, или сами открывать школы.

В Рязани, при казанском девичьем монастыре, в келиях настоятельницы, открыто училище для 20 беднейших девиц из купеческого и мещанского сословий, на средства, указанные умершим пот<омственным> поч<етным> гражд<анином> С. А. Живаго.

Вот наиболее крупные и отрадные явления в деле народного образования в конце прошлого года. Какую сильную нужду в иных местностях чувствует народ в образовании, доказывается, например, хоть тем, что крестьяне двух деревень Верховье-Шенкурского уезда (Архангельской губернии), не имея средств по бедности посылать детей далеко учиться, устроили подвижную школу, которая, не имея постоянной квартиры, открывается поочередно в домах обывателей деревни, причем на известное время, примерно около недели, на время классных занятий дается в избе квартира ученикам и учителю, которого крестьяне содержат на свой счет.

Любопытно рядом с этим фактом поставить такой: первое белозерское земское собрание назначило на народное образование 1 500 р., из которых управа израсходовала на этот предмет 12 р. 50 коп., а остальная сумма употреблена на другие надобности. По постановлению же земского собрания на этот год, на народное образование в Белозерском уезде уже никаких сумм не назначено. Вот это называется действовать радикально. Если целый уезд не мог истратить такой жалкой суммы, как 1 1/2 т., на образование народа, то, конечно, не стоит и хлопотать.

Да что говорить о каком-нибудь Белозерском уезде, когда в Курске недавно еще нельзя было совсем достать книг, кроме азбук и календарей, продававшихся купцом

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Полевым, который специально занимался по шапочной и фуражной части, а теперь в этом же Курске хотя книги и есть, но тоже только, между прочим, в лавке бр<атьев> Ивановых, торгующих помадою, духами, игрушками и т. п. товаром! Это явление встречается во многих городах России, не только уездных, но и губернских. Везде книги составляют только дополнение к какому-нибудь другому товару, вроде шапок, помады или ваксы: так мала потребность в чтении даже среди образованных классов. Чего же ожидать от образования народа, когда целая губерния, с сотнями тысяч своих жителей, не в состоянии содержать одной книжной лавчонки! И как, сравнительно, почтенны крестьяне какого-нибудь захолустья, вроде Шенкурского уезда, которые на свой счет содержат изобретенную ими подвижную школу!

Немцев-то мы как усердно ругаем за то, что они едят наш хлеб и отбивают у нас все лучшие занятия! Эх, господа, да как же им и не отбивать у нас хлеб, когда они сильнее нас: в маленьком немецком городке Либаве, всего с 9 900 чел<овек> жителей, существуют следующие образовательные учреждения: 1) николаевская гимназия, 2) высшее девичье училище, 3) две христианские элементарные школы для мальчиков, 4) элементарная школа для девочек, 5) училище сиротского дома, 6) немецкая приходская школа, 7) латышская приходская школа, 8) две школы для бедных (при мариинских больницах), 9) школа женского общества вспомоществования бедным, 10) еврейская элементарная школа, 11) навигационная школа, 12) шесть частных школ, а всего девятнадцать разных образовательных заведений? Как же при этом не быть немцам сильнее нас, как же не отбивать им у нас все лучшие занятия? Что можем мы выставить против этой умственной деятельности? Не кулаки же свои, в самом деле? Заметьте при том, что этот же крошечный городишка, кроме упомянутых образовательных заведений, имеет еще сиротский дом, приюты для мальчиков и девочек, кассу для вдов пасторов, похоронную кассу, дом призрения вдов и сирот, страховое от огня общество, сберегательную кассу, городской банк и городскую больницу, и после того ругайте немцев за все, что хотите, хотя бы за то, что они друг друга поддерживают. Как известно, эту последнюю черту немецкого характера мы более всего недолюбливаем и считаем чуть ли не государственным преступлением. По-нашему, верх умения жить на свете, верх человеческого ума состоит именно в том, чтобы приятелю и другу подставить ногу так, чтобы он голову себе разбил. В нашем коммерческом быту это составляет даже особое щегольство и славу наших коммерсантов...

Но кончим об этих предметах веселее и согласимся, что нет худа без добра. Мы мало тратим денег и труда на народное образование и другие необходимые общественные учреждения, но зато... разве не нашими руками и головами существуют те благотворительные заведения, на содержание которых идут доходы от карт? Ну-ка, немцы, сыграете ли вы столько в карты, чтобы на это прокормить несколько сот сирот?

Что кажется до Петербурга, то в настоящую минуту нельзя не сказать, что Г-жа Патти заслонила собою все текущие новости, не исключая и приезда князя черногорского. Наше общество решительно зашумело, как муравейник, в который упала с елки вежа. Нечего и говорить, что нет ни одного голоса, который бы сказал что-нибудь против таланта этой артистки; но зато много голосов возопило против распоряжений театральной дирекции. Жалуются на то, что дирекция все места в театре предоставила одним абонентам, и даже в бенефисы преимущество имеют те же абоненты, так что вся остальная петербургская публика совершенно лишена возможности услышать эту оперную звезду. Страх, что места останутся незанятыми, не мог в этом случае руководить дирекцией, а потому ее распоряжение ничем не может быть оправдано. Наши театры принадлежат не частным лицам, а потому от дирекции их можно было бы ожидать более широкого взгляда на свое дело, и даже можно было бы надеяться, что она употребит свои старания на то, чтобы доставить случай услышать эту певицу возможно большему числу жителей, и уж никак не наоборот. Это одна, правда, но совершенно справедливая жалоба на дирекцию, поводы к которой не мешало бы ей уничтожить на будущее время.

Г-жа Патти была встречена в Петербурге самым восторженным образом. По этому поводу мнения в обществе разделились. Нашлись люди, которые говорят, что такой встречи не следовало делать певице, которую еще никто не слышал и о которой знали только по иностранным газетам, не отличающимся правдивостию.

Защитники этого мнения приводят в пример англичан, отличающихся в таких случаях последовательностию.

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru

– Я был в Лондоне, – говорил при нас один барин в ресторане Дюссо, – в то время, когда Патти приехала туда. Ее встретили молча, но когда она пела, то публика больше и больше приходила в восторг и в заключение буквально ревела. У нас же едва занавес поднялся, никто еще не знал, как она споет, а начали хлопать, только что она вышла на сцену, то есть хлопали по слухам, потому что в иностранных газетах ее хвалили. А что если бы иностранные газеты все соврали, как это и случилось у нас с одним певцом, Г. К.?

– Нет-с, позвольте, – возразил ему его собеседник; – я на это дело смотрю иначе. Ей хлопали сначала не в знак восторга от ее голоса, а просто в виде приветствия. Не кричать же в театре: «Здравствуйте, г-жа Патти!» Это так и было простое приветствие, больше ничего.

– Отчего же других актеров так не приветствуют?

– Ну, как вам сказать: Патти все-таки европейская знаменитость...

– Вот в том-то и дело, – знаменитость! А почему мы знаем, что она знаменитость, если сами еще не слышали? Из газет? А если газеты врут?

– Не все же врут...

– А если все?

– Это невозможно, как хотите.

– За границу, батюшка, все возможно. Я не против Патти; сам был на первом ее представлении и могу сказать, что она просто волшебница. Но все-таки наша публика ведет себя без всякого чувства собственного достоинства. За то же и получила то, чего заслуживает...

– А что такое?

– Да как же, батюшка, скандал, просто скандал! Вообразите себе: при выходе из театра собралась огромная толпа у ее кареты. Выходит она, садится, ей аплодируют, но она прошла в карету, едва кивнув головой; а муж ее... запирая за собою дверцы, начинает вдруг раскланиваться с публикой! Как вам это понравится? Черт знает, что такое! Точно будто собрались для него.

– Да, у нас есть странности.

– Татары мы, батюшка, татары во фраках, вот что! Эй, подайте мне шубу!

Несколько человек лакеев, подобострастно слушавших грозного и величественного оратора, бросились за его шубой...

Все это говорил не какой-нибудь прощальга, а человек, который в ресторане Дюссо – свой, что можно было заметить по лицам прислуги. А знаете ли вы, что значит быть в ресторане Дюссо своим человеком? Это значит, что вы имеете какой-нибудь титул и непременно туго набитый карман, из которого бросаете, не считая. Это значит, что у вас есть ложа в опере, свой экипаж, своя метресса, свой палац. Одним словом, это значит, что вы принадлежите к тому обществу, которое называют «dorée» [Золотое – франц.]. У Дюссо нельзя съесть на четвертак и потом, стоя на крыльце, ковырять в зубах с таким видом, как будто вы съели на сто рублей. Нельзя это потому, во-первых, что за четвертак вы там ничего и не получите, так как небольшой кусок самого неудобоваримого бифштекса стоит уже 90 к., а, во-вторых, потому, что по вашему лицу прислуга сейчас увидит, с кем имеет дело. Из этого ясно, что всякий свой человек у Дюссо непременно золотой человек во всех смыслах этого слова. Мы говорим это все к тому, что хотя приведенное выше мнение неизвестного господина не совсем ударяет в такт нашей золотой публике, но, как мнение человека, который сам золотой, имеет некоторое отрадное значение. Если не всякое мнение бывает кстати, то не всегда оно лишено остроумия. Одну девушку лет пяти-шести спросила учительница в школе:

– Знаете ли вы, что сделали евреи, когда перешли Чермное море?

Девочка задумалась; потом глаза ее заблестели, она оживилась и всю наружность выразила, что для себя разрешила этот вопрос.

– Они стали сушиться! – ответила она.

Предполагаемое авторство Н. С. Лескова. 1869 год.

С.-ПЕТЕРБУРГ. 18 ЯНВАРЯ

Волки в России. – Их влияние на историю России. – Экономическое значение волков. – Как распорядились с волками в Пруссии при помощи войска. – Как относятся к этому делу наши волки. – Двуногие волки – ростовщики. – Отчего конкуренция не уменьшила, а увеличила взимаемый ими процент. – Усердие екатеринославской казенной палаты, простирающееся даже на тот свет. – Давление на Петербург г-жи Патти. – Анекдот.

Россию решительно одолевают волки; не те волки, под которыми в застольных торжественных речах разумеют обыкновенно хищных иностранцев, но волки настоящие, из которых каждый бегаёт на четырёх ногах и носит пушистый хвост, если только этот хвост не отгрызен в какой-нибудь баталии с камрадами. Эти волки (*canis vulpus*) одолевают Россию, начиная от стран, где солнце не заходит по шести месяцев, до палатной колхиды и от балтийских бурных волн по всему протяжению двенадцати тысяч верст до Тихого океана. Иногда волки ходят в одиночку, в грустном раздумье о суете мира сего, иногда же, и это чаще, собираются в стада по несколько десятков штук. В обоих случаях они страдают болезнью голода и всю свою жизнь хлопчут об исцелении от нее. Не исправляя никакой службы у человека – ни гражданской, ни военной, – эти волки совокупно с иностранцами поедают в России все, что есть в ней более вкусного и дорогого, как-то: телят, баранов, свиней, коров, лошадей, а иногда даже и детей, не упомянутых сейчас животных, а человеческих детей, будущих граждан, может быть, даже великих... Это последнее обстоятельство особенно важно, так как от него зависит иногда судьба целого государства. Мы очень равнодушно читаем в газетах известия о том, что в какой-нибудь Замухранской губернии, Бутырского уезда, в селе Переверзеве волки съели двухлетнего ребенка крестьянина Максима Дырки, и в своем великоумии, приведя на память цифры политической экономии, рассчитываем, что такая потеря на 70 миллионов жителей – совершенно ничтожна. Иной даже подумает про себя: экая беда, что каким-то грязным мальчишкой стало меньше! Так-то так, но... что бы было, если бы волки съели, например, хоть Минина, когда он был еще в колыбели, или если бы они обглодали Ломоносова, когда он бежал пешком по морозу в Москву учиться? В первом случае пан Струсь задал бы нам, наверно, порядочную трепку, а во втором мы не имели бы теперь Академии наук, которая в течение ста лет приносила такую обильную пользу нашим приятелям немцам. Из этих двух примеров ясно видно, что волкам не следует позволять съедать человеческих детей, хотя бы даже грязных, а предложить им взамен того суп à la tortue [Черепашковый – 4] или бифштекс от Дюссо, не совсем пригодный для человеческого пищеварения. Положим, этот бифштекс стоит довольно дорого, что-то около рубля, но ведь, как хотите, а Минин и Ломоносов стоили дороже, так что мы все-таки останемся в барышах.

В Англии, как известно, волки уже давно истреблены охотниками. Говорят, будто англичанам это было легко сделать, потому что Англия есть остров среди океана, так что волкам некуда было прятаться на время охоты. Отчасти это справедливо, хотя не совсем. Пруссия, например, совсем не остров, а там волки истреблены так же начисто, как и в Англии, и если заходят туда, то единственно из России, где еще осталось им самое привольное житье. Один бедный чиновник не на шутку высказывал нам свое сожаление о том, что не родился волком, «потому что, – говорил он, – тогда бы я всегда питался мясом, которое теперь вкушаю едва ли десяток раз в году». Но... положим, что все на свете для чего-нибудь да создано, следовательно, и волки в администрации природы имеют какой-нибудь чин и определенную должность (без жалования, взамен которого получают право собирать взятки натурой), однако человек, изобретший гласные кассы ссуд и трансатлантический телеграф, не придумал еще, на какую потребу ему годен волк. А потому и постановлено вообще и везде: истреблять волков всеми мерами (для устрашения врагов и в назидание жадным детям). Спрашивается: отчего же у нас волки не истребляются? Потому ли, что Россия велика и обильна бифштексами, или потому, что наши нравы не приучены к порядку? Это неизвестно, но только народ русский откармливает волков на всем протяжении своего отечества.

Обратимся к политической экономии и сделаем такого рода расчеты: если на каждую квадратную милю нашего милого отечества положить только по одному волку, то выйдет всего около 400 000 волков, бегающих без ошейников по России. Если

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru

положим, что каждому волку нужно только пять фунтов мяса в сутки, то в год он съест более 45 пудов, а все они вместе съедят 18 миллионов пудов в год чистого мяса, без костей. Мясники в Петербурге продают нам мясо от 8 до 20 к. фунт; мы же положим средним числом фунт мяса только в 10 к., значит, пуд в 4 руб., – следовательно, волки съедают у нас ежегодно на 72 000 000 руб. сер<ебром>! Мы считали очень скромно, как число всех волков, как их ежедневную порцию, так и цену мяса. Если вам этот расчет покажется все-таки великим, то уменьшите его хоть в десять раз, и тогда вы получите более 7 000 000 руб. ежегодной потери от одних волков! Но к этому прибавьте вот какие соображения: с мясом волк истребляет также кожи и меха, которые мы не считали. Кроме того, зарезав у мужика единственную лошадь или корову, волк на долгое время разоряет все его хозяйство, отчего цифра потери удесятывается. А как оценить потерю человека, которого съедят волки?

В Пруссии, где живут те самые немцы, которые выдумали «St.-Petersburger Zeitung» [«Санкт-Петербургская газета» – Нем.], пришли некогда к тому заключению: у нас есть храбрая армия, которую Наполеон I хотя и поколачивал, но которую тем не менее нужно содержать, то есть кормить, одевать и обувать даже в мирное время, так как неизвестно, что замышляет Австрия. Граждане говорили: «Мы даем деньги на содержание армии, следовательно, можем надеяться, что эта армия окажет нам хоть какую-нибудь пользу». Воины отвечали так: «Мы теперь ничего не делаем, это правда; но когда наступит время, то мы будем жертвовать своей жизнью для вашей защиты». Граждане возражали: «Защититься мы бы и без вас сумели, это раз; на вашу защиту полагаться не всегда возможно, что доказали кампании с Наполеоном, это два». Воины возразили: «То был особый случай... ну... да чего же вы хотите от нас?» На этот категорический вопрос граждане ответили просьбою помочь им хоть истребить волков. Тогда между военными возник спор, порешенный, однако, более умными и образованными из них таким образом: гражданам действительно надо помочь. Помочь им тем легче, что в этой помощи заключается и собственная выгода военных, а именно: солдаты, особенно расположенные в маленьких городах или деревнях, круглый год почти ничего не делают, если не считать делом летнюю прогулку в лагери; поэтому полезно дать им какое-нибудь занятие. Из всех занятий – охота, как младшая сестра войны, наиболее прилична военным, развивая все те способности, которые необходимы в войне. За каждый волчий хвост полагается от граждан денежная награда, которая может служить поощрением для солдат и идти на улучшение их быта. Все эти соображения, подробно расписанные в протоколах заседаний, кем следует подписанные и запечатанные, были в скором времени приведены в действие, и... волкам стало там очень плохо.

Один малороссийский помещик рассказывал нам на днях, что в окрестностях его имения волки производили обширные опустошения в эту зиму; у него одного съели двух коров и лошадь. Совокупно с соседями он обращался в местные воинские команды, прося какого-нибудь содействия для истребления волков, но получил не только отрицательный ответ, а некоторого рода замечание насчет неприличия такого рода просьбы: будущие защитники отечества оскорбились предложением участвовать в охоте...

«Это и наука-то совсем не дворянская, на то извошки есть», – говорила доброй памяти г-жа Простакова о географии.

Нечего делать, приходится, значит, откармливать волков, в ожидании, пока охота на них сделается делом дворянским или, вернее, военным, и пока воины уразумеют, что гораздо приличнее охотиться на волков, чем играть в носки в ожидании неприятеля на двух ногах. Но гражданам не следует падать духом, а помнить наставление: толцые, и отверзется. Что не удалось одним помещикам, может быть, удастся другим или третьим. Могли бы и земства официально даже походатайствовать о содействии войск в этом общепольном деле.

Есть у нас и другие волки, которых не мешало бы истребить, это учредители гласных касс ссуд, разврат которых не только не уменьшился с гласностью, но принял более широкие размеры и наглость которых увеличилась пропорционально тому же. Мы не разделяем того мнения, что дозволенное законом ростовщичество – лучше скрытого, и имеем на то свои основательные причины. Прежде ростовщичеством не всякий решался заниматься, не только боясь этого занятия как противозаконного, но и стыдясь его как безнравственного, а потому ростовщиками в то время были только люди, которые, подобно публичным женщинам, могли совершенно отречься от стыда.

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru

Дозволение им действовать гласно привело к тому, что теперь многие приучились смотреть на ростовщичество как на простое коммерческое дело, и такое мнение случается не раз слышать от очень порядочных людей. Кроме того, многие лица, даже не совершенно испорченные, занялись теперь ростовщичеством с совершенно свободной совестью, как делом, дозволенным законом, а следовательно, и совершенно нравственным.

В пользу гласного ростовщичествоа приводят обыкновенно то, что оно больше гарантирует закладчиков и конкуренциею побуждает к понижению процента. Это казалось так теоретически, но на практике вышло совершенно иное. Мы знали в старину двух ростовщиков, одного у церкви Знамения, а другого в Большой Мещанской. Первый отдавал деньги за три процента в месяц, а второй за пять, и оба считали себя очень счастливыми; трехпроцентный даже нажил себе каменный дом. С открытием гласных касс ростовщиков и с возбуждением конкуренции процент не только не понизился, но, постепенно возрастая, дошел до десяти, двенадцати и пятнадцати в месяц. Как ни странно это явление, но объясняется оно очень просто. Прежде немногие нуждающиеся решались обращаться к ростовщикам как из боязни больших процентов, так из боязни потерять вещи, так, наконец, и от того, что не всякий знал, где найти ростовщика; для этого нужно было расспрашивать знакомых, что не всегда и не для всякого было удобно. Кроме того, прежде было и нужды меньше в деньгах. От всех этих причин обороты ростовщиков того времени не были так обширны, и они поневоле должны были довольствоваться тремя-пятью процентами в месяц. С открытием гласных касс ссуд увеличилась не конкуренция между ростовщиками, а конкуренция между закладчиками. Все бросились в эти кассы, предполагая, что так как они дозволены правительством, то вещи в них будут более сохранны (мнение, как показал опыт, совершенно ошибочное). Исчезло затруднение отыскать ростовщика, что также немало увеличило число закладчиков. Ростовщики подняли голову. Огромный прилив вкладов дал им возможность увеличить процент, а дозволение правительства вывело их из-под топора закона. При этом сделана была немалая ошибка: с дозволением гласного ростовщичествоа не был одновременно уничтожен закон об ограниченном проценте (6 на сто в год). Закон этот был обойден очень просто вознаграждением за хранение вещей, и таким образом закон, который прежде преступно нарушался, стал теперь не более как игрушкой. Ростовщики получили полную возможность обставить себя таким образом, что против них, как говорится, ничего не поделаешь. Одним словом, результаты, которых ожидали от гласного ростовщичествоа, оказались совершенно противными. Теперь осталось одно средство действовать против ростовщичествоа: устроить компанию для открытия ссуды бедным людям за более умеренные проценты и под залог всякого рода вещей, иногда даже без залога – под верное поручительство. Такая компания могла бы иметь огромные обороты, если бы только открыла свои действия во многих местах города.

Заговорив о деньгах, мы вспомнили русскую пословицу, что казенное добро не горит, не тонет, и вот по какому поводу: екатеринославская казенная палата разыскивает имения и капиталы, принадлежащие умершему губернскому секретарю Казакову, для взыскания с него за награждение чином 40 р. 381/2, к.! Дивны дела твои, о Русь! Человек помер, вероятно, так скоро по получении чина, что с него не успели вычесть из жалования 40 р. 38 с половиною копеек, так теперь разыскиваются его имения и капиталы... Деньги, как пошлина, взыскиваются всегда за какое-нибудь право. Крестьянин платит за право пахать свою десятину, лавочник за право иметь лавку, купец за право торговать и т. д. На этом же разумном основании чиновник платит пошлину за право пользоваться льготами, присвоенными его новому чину. Но какими же льготами будет пользоваться чиновник на том свете? Будет ли ему отведено там лучшее место, или простится несколько грехов за то, что он умер не коллежским регистратором, а губернским секретарем? Ведь если бы он прожил хоть сколько-нибудь времени, хоть месяц только по получении чина, то пошлина была бы уже вычтена из жалованья; но так как этого не успели сделать, то, вероятно, он помер чрез несколько дней, а следовательно, совершенно не пользовался своим новым чином. Можно было бы оставить в покое хоть мертвого-то! Святослав еще сказал, что мертвые сраму не имут...

Та же казенная палата разыскивает имения и капиталы коллежского секретаря С., с которых можно было бы взыскать 9 р. гербовой пошлины. Это объявление не говорит, умер ли С., или бежал неведомо куда, или что с ним другое случилось. Вероятно, тоже помер, потому что иначе разыскивался бы и он сам. Если нам случится встретить этого г. С. на Невском проспекте, то мы не минем схватить его и предтавить в Екатеринославль; но если мы найдем на улице только его завалящие капиталы, то ни за что на свете не отдадим усердной казенной палате 9 р. в

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
наказание за то, что она тревожит прах покойников. Вот в том-то и беда на Руси, что какие-нибудь злосчастные коллежские и губернские секретари даже в могиле не оставляются в покое за казенную недоимку, а тысячи, сотни тысяч и миллионы рублей пропадают бесследно на глазах всякого рода начальств. Как ни сопоставить рядом это канцелярское усердие казенной палаты, переходящее даже за могилу, для отыскания 40 р. и 38 с половиной копеек, и дела о нижегородской соли или петербургском инструментальном заводе?..

Разве это последние дела, разве они не будут повторяться? Мы сильно боимся за Петербург, особенно в настоящее время, когда он находится под давлением г-жи Патти. Это женщина небольшого роста, очень легкая и грациозная на вид, на деле оказывается тяжелее хеопсовой пирамиды, выдавливая из наших тщедушных существ с их тонкими карманами целые потоки золота, о которых до ее появления никто не подозревал. Выражение Гоголя, что для городничего найдется место и там, где даже яблоку негде упасть, можно, несколько изменив, применить и к г-же Патти; она отыскала источники золота (или бумажек) в таких карманах, в которых никто не подозревал даже медных грошей. Что, если по отъезде г-жи Патти начнут оказываться разные прорехи то там, то сям? Удивительного ничего не будет, и мы довольно уверенно можем ожидать, что приезд ее в Петербург значительно повлияет на развитие скандальной хроники наших судебных учреждений. Нужно же откуда-нибудь брать эти сотни и тысячи, которые платятся за логи и букеты в дни ее представлений? Какого мнения она сама о развитии наших мозгов, можно видеть из того, как она принимает все эти подношения и телячьи восторги. В наших глазах она заслужила полное уважение не столько качествами своего голоса, сколько тем, что легко поняла, в какую страну заехала.

– Ну что, – спросят ее по возвращении в Париж, – как вы нашли этих русских? Правда ли, что они медведи?

– О нет, – скажет она, – на медведей они не похожи. Это коровы, которые мычат от восторга, когда их доят...

Теперь ни о чем нельзя говорить в Петербурге, кроме как о Патти.

– Вы слышали Патти?

– Да... то есть нет еще... но я хотел ее слышать.

– Ах, как вы много потеряли! Ведь это diva [дива, знаменитая певица – франц.]! Это что-то уму непостижимое, это такой восторг! Это...

– Говорят, что нельзя достать билета...

– Полноте, что за пустяки, надо только заплатить. Я имел кресло в восьмом ряду, которое мне стоило всего каких-нибудь 80 руб.

– Но я не имею столько средств...

– Фи, mon cher [мой дорогой – франц.], разве говорят о средствах, когда речь идет о Патти. Деньги всегда можно достать; ну, нет наличных, можно взять у ростовщиков; теперь этой дряни развелось на каждом шагу. Кстати, доставайте деньги, поднесем букет Патти, без этого нельзя. Надо поддержать наше достоинство.

Некоторые лавочники обмазывают протухлую рыбу кровью поросенка, чтобы придать ей свежий вид.

Один наивный покупатель, думая иметь некоторую скидку, сказал лавочнику:

– Вот уже шесть лет, как я у вас покупаю постоянно...

– Шесть лет! И вы еще живы! – воскликнул не менее наивный лавочник.

Когда г-жа Патти уедет, то некоторые наши знакомые, вероятно, при встрече на улице будут спрашивать друг друга:

– Вы слышали Патти?

– Слышал пять раз.

– Пять раз! И вы еще не в тюрьме?

Предполагаемое авторство Н. С. Лескова. 1869 год.

С.-ПЕТЕРБУРГ. 22 ЯНВАРЯ

Что больше всего привлекает внимание туриста в Лондоне? – Проституция. – Воровство как ремесло. – Гуманность «Times». – Английские судьи. – Советники тяжущихся. – Любезность судьи. – Соломонов суд. – Интересный процесс. – Институт глухонемых. – Оригинальная страсть промышленности.

Всякий турист, посещающий Лондон, непременно обратит в нем внимание на три вещи: на громадное развитие проституции, воровства и грабежей, на английские суды и на благотворительные учреждения. Действительно, трудно себе представить, до каких ужасных размеров доходит проституция в некоторых кварталах столицы роскоши и промышленности. Большинство улиц Лондона погружены в сон, когда в Гаймаркете начинается обыкновенная шумная ночная жизнь. Там в несколько часов совершается иногда больше разврата, больше безумной траты денег, чем во многих столицах Европы за целый год. В заведениях, которые выходят на улицу и помещаются в нижних этажах домов, происходят сцены, можно сказать, идиллические, в сравнении с тем, что встречается в комнатах верхних этажей и во дворах домов. Когда, наконец, в 12 часов ночи эти заведения по распоряжению полиции закрываются, и в танцклассах, куда никогда не ступала нога честной женщины, тушат огни, тогда на улицах начинаются самое бесстыдное корсо гетер и отвратительные сцены при закрытых дверях, открывающихся для всякого, исключая полиции. Надо сказать, что вообще полиция смотрит на все это довольно легко и вмешивается в дело только в случае слишком большого скандала на улице или жалобы частного лица.

Она не обращает внимание на то, что происходит в стенах домов самой плохой репутации; ей нужно только, чтобы заведения, выходящие на улицу, были закрыты в полночь, а на все остальное она смотрит сквозь пальцы. Какие формы принимает жизнь после полуночи за этими дверями, сколько существований гибнет там, – невозможно описать. Там гадкое вино продается за самое лучшее; дрянной ужин стоит дороже, чем обед в любом ресторане; полупьяным покупателям дают франковые монеты вместо шиллингов; туда гетеры привлекают посетителей, которых собирают дочиста всевозможные промышленники – от простых карманных воров до утонченных шулеров. Полиция знает всех этих промышленников, но она до сих пор не предпринимала против них никаких мер; может быть, некоторые полицейские были подкуплены; может быть, другие не чувствовали в себе довольно силы, чтобы бороться против этой страшной стоглавой гидры, но они всегда держались как можно далее в тени, выходя на сцену только в крайних случаях. Говорят, нынешнее правительство намерено действовать в этом отношении энергичнее, расширить власть полиции, ввести более строгие законы о проституции и бдительнее наблюдать за исполнением их. Сомнительно, чтобы эти меры привели к желанным результатам, когда зло кроется в самом строе общественной жизни. Воровство является в Лондоне совершенно организованным промыслом. Молодые люди, желающие изучить этот промысел, поступают в учение к более опытным мошенникам, которые уже успели посидеть в тюрьме раз пять, шесть. Для закоренелых плутов воровство обращается в ремесло, и даже в любимое ремесло. Директор одной тюрьмы рассказывал, что один из заключенных, отличный мастеровый, прямо объявил ему, что при выходе из тюрьмы опять станет заниматься воровством, а не честным трудом. По этому поводу газета «Times» удивляется, как могли выпустить из тюрьмы такого закоренелого преступника, отчего не оставили его в заключении на всю жизнь или, по крайней мере, до полного исправления.

Полицейские судьи Лондона имеют, кроме своей обязанности судей, еще назначение, установившееся за ними вследствие обычая: назначение советников. Бедные люди, не желающие брать адвокатов, или истцы, не уверенные в законности своих требований, обращаются за советом к судье, который бесплатно высказывает им свое мнение, во всяком случае, компетентное, о том, следует ли им вести процесс и каким образом надежнее его выиграть. Обычай этот выгоден как для тяжущихся, так и для самих судей, которые могут таким путем затушить в самом зародыше множество обременительных и скучных для них дел. Вот, например, к судье подходит молоденькая, хорошенькая девушка и жалуется, что господин, у которого она жила в экономках, обещал жениться на ней и обманул ее.

– Кто же этот обманщик? – спрашивает судья.

– Он держит пари на скачках... Он профессор гимнастики... негр...

В камере судьи раздается смех присутствующих. Молодая девушка продолжает горячо и запальчиво:

– И потом вчера я узнала, что он уже женат. Теперь я его не люблю, я ненавижу этого урода. Я не стою за деньгами, только бы он был наказан. Я бы отдала все, что имею, если бы можно было хорошенько встряхнуть его.

Судья. Он, как профессор гимнастики, привык к разным встряскам; его этим не запугаешь; не лучше ли вам придумать для своих денег какое-нибудь другое назначение, более приятное и более полезное?

Девушка. Но неужели же он не будет наказан и за свою дерзость, и за то, что осмелился делать мне предложение, когда у него уже была жена?

Судья, ласково улыбаясь. Да неужели вы думаете, что он уже и теперь не довольно наказан? Вы говорите, что он негр; представьте же себе, что он должен чувствовать всякий раз, когда взглянет на свою жену и сравнит ее с вами?

Этот любезный комплимент судьи совершенно успокоил девушку. Она вышла, улыбаясь, из камеры, и предоставила наказание неверного угрызениям его совести. Через несколько минут к тому же судье подошел полицейский, который жаловался на мастерового, ударившего его без всякой видимой причины по зубам так сильно, что едва не вышиб ему челюсти. На вопрос судьи, почему обвиняемый мог позволить себе подобную дерзость, мастеровый объяснил:

– Извините, пожалуйста; меня жена так напугала, что я нарочно это сделал, чтобы только меня заарестовали.

Судья объясняет ему, что он вдвойне глуп, во-первых, потому, что может до такой степени бояться своей жены, во-вторых, потому, что от страха позволяет себе подобные бесчинства, и приговаривает его к 7-дневному содержанию в тюрьме.

Мастеровый. 7 дней! Это мало, господин судья! Будьте так добры, арестуйте меня на месяц! Мне смерть как не хочется опять так скоро возвращаться к жене!

Судья. Нет, я сказал 7 дней – и больше не могу; по обстоятельствам дела следовало бы совершенно оправдать вас; но полицейский чиновник не может являться искупительной жертвой за грехи жены вашей.

Вот пример необыкновенной аккуратности, с которой английские судьи придерживаются буквы закона. К одному мировому судье приводят человека, обвиняемого в похищении фунта чая из одного магазина. Свидетелем является 12-летний сын хозяина магазина, глухонемой, который может произнести лишь несколько невнятных звуков. Несмотря на свой недостаток, мальчик казался очень неглупым, и весьма подробно изобразил знаками всю сцену воровства, свидетелем которой он был. По окончании рассказа, судья обратился к отцу мальчика с вопросом: получает ли его сын какое-либо религиозное воспитание?

– Я слишком беден, чтобы отдать его в институт глухонемых, – отвечал отец; – сам я хоть и честный человек, но в церковь хожу редко.

– В таком случае, – объявил судья, – я не уверен, насколько сын ваш понимает нравственную обязанность свидетеля, и не могу основать моего приговора на его показании.

Обвиненный в воровстве, боясь, что дело его будет перенесено в суд присяжных, чистосердечно признался в своем поступке и просил судью приговорить его к наказанию. Но судья остался непреклонен.

– Я не могу взять этого дела на свою совесть, – сказал он; – пусть присяжные рассудят его.

Этот соломонов суд, кажется, не нуждается в комментариях. В гражданском отделении лондонского суда на днях будет рассматриваться очень интересное дело.

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
В 1830 г. один молодой ирландец, католик, женился на своей соотечественнице. Вскоре после того он бросил ее и потом три раза был женат. Наконец, несколько лет тому назад он умер, и большой мраморный памятник увековечивает память его в одном из важнейших приморских городов Англии. Во время жизни он платил ежегодную пенсию своей первой жене, и та не предьявляла своих прав; но теперь старший сын ее намерен доказать незаконность всех браков своего отца, кроме первого, и свои права на наследство его имением. Процесс этот интересен как по своей романической завязке, так и по тем аномалиям в английских законах о браке, какие он открывает.

Мы говорили в начале статьи о тех громадных размерах, которые имеет в Англии благотворительность. Ни в одной стране не тратится так много денег на общественное милосердие, нигде нет такого множества богоугодных заведений, содержимых частными лицами, как в Великобритании. В числе прочих учреждений этого рода несколько лет тому назад в Англии открыт был первый институт глухонемых, в котором этих несчастных учат говорить словами, а не мимикой и понимать говорящих по движению их губ. В настоящее время в этом заведении находится несколько мальчиков и девочек, разделенных на классы, как в обыкновенных школах. При входе в учебную комнату вы видите такие же столы, скамейки, на стенах такие же картины, как в обыкновенных училищах. Учитель вызывает детей по фамилиям, они встают, читают, объясняют предложенные им картины, решают арифметические задачи не хуже всяких других школьников, только при этом глаза их должны быть внимательно устремлены на лицо учителя, по движению губ которого они угадывают его вопросы. Подобный метод обучения глухонемых введен в Германии еще в прошедшем столетии, но в прочих странах он прививается с трудом. Во Франции глухонемые объясняются мимикой и говорят руками целые речи, понятные, конечно, только для их собратий по несчастью. Немцы нашли, что этого мало. Терпению и, можно сказать, самоотвержению их педагогов удалось окончательно ввести несчастных глухонемых в среду образованного общества, сделать для них доступным полное и свободное общение с цивилизованным миром. В настоящее время в Германии существует множество институтов, в которых глухонемые обучаются всем предметам элементарного образования преподавания и при этом свободно разговаривают друг с другом, как совершенно здоровые. Можно себе представить, каких громадных трудов стоит обучение подобного рода! Ребенок, которого привозят в заведение, обыкновенно свободно говорит мимикой; это некоторым образом его родной язык, на котором он легко и свободно разговаривает с товарищами и даже с учителями; знание этого общего всем глухонемым языка знаков необходимо для учителя, как для каждого педагога необходимо понимание детского лепета своего воспитанника. Через несколько времени после поступления ребенка в школу начинают учить его произносить звуки. Зрение и осязание должны заменять ему слух. Он не может слушать звуков, он должен наблюдать за положением рта, языка и гортани; учитель дает ему ощупывать свою грудь, свое горло и ясным громким голосом произносит: а. Ученик старается подражать ему; долго это не удается; наконец, после многих усилий он испускает какой-то звук, более похожий на бляение, чем на человеческое произношение. Учитель доволен и тем, если ребенок хорошо усвоил положение рта, гортани и языка; если он главным образом понял, чего от него хочет учитель, тогда половина работы кончена; остается только посредством частого повторения приобрести легкость и ясность произношения. Запоминание букв обыкновенно мало интересует детей; они не могут понять, с какою целью требуют от них всех этих усилий. Но зато, когда им удается произнести первое слово или угадать его по губам учителя, тогда восторг их неопишан. Они начинают напряженно следить за всеми лицами, находящимися в заведении; они понимают, что вскоре у этих лиц не будет от них досадливых тайн; они повторяют выученное слово старшим товарищам и видят, что их понимают, им отвечают, что с небольшим усилием они поймут и этот ответ. Они чувствуют, что теперь они могут сравняться со своими сверстниками, что они перестают служить предметом обидного сострадания для окружающих, что они могут принимать полное участие в жизни лиц, интересующих их. Когда первая трудность побеждена, дальнейшее учение идет уже быстрее. Обыкновенно ученики немецких школ, пробыв в институте лет 6–7, выучиваются говорить совершенно свободно и проходят полный курс элементарного преподавания. Чем успешнее подвигаются они в занятиях, тем охотнее заменяют они пантомиму обыкновенным разговорным языком, и воспитанники старших классов постоянно говорят между собою без помощи рук. Произношение они приобретают ясное, чистое; но голос у них обыкновенно совершенно однообразный, монотонный; не слыша ни себя, ни других, они не могут применить к обыкновенным модуляциям речи. Тонко развитое зрение и изощренное внимание помогают им понимать все слова, произносимые их собеседниками, так что иногда можно целый час проговорить с глухонемым, не подозревая даже его недостатка. Английские

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru газеты, описывая вновь открытый в Англии институт, с гордостью восклицают: «Чудо! В Англии немые говорят!» И действительно, заведение, о котором мы упоминали, может составить гордость страны; но англичане не должны забывать, что не они первоначальники в этом полезном деле; они лишь подражатели, хотя, без сомнения, весьма искусные подражатели. Слава же первого изобретения метода, первого его применения бесспорно принадлежит Германии, и имя Самуила Гейнике, благодетеля глухонемых, имеет полное право занять почетное место среди имен лучших друзей человечества.

Англичан обыкновенно считают, и по справедливости, народом промышленным и предприимчивым по преимуществу. А между тем легкомысленные французы навряд ли уступят им в изобретении отраслей промышленности, иногда с первого взгляда даже невозможных. Так, например: на палубе одного парохода, отправлявшегося из Кале в Дувр, важно прогуливался один английский джентльмен с сигарою во рту. Вдруг к нему подбегает вертлявый, любезный француз, с которым он познакомился в Трувиле. После первых приветствий между ними завязался разговор такого рода.

– Я еду в Брайтон.

– А я в Лондон.

– Долго вы намерены там пробыть?

– Не знаю, право, это зависит от обстоятельств, как пойдут дела.

– Так вы едете по делам, не для удовольствия?

– Да, я везу одного молодого англичанина к его семейству.

– Вы, вероятно, его учитель?

– Нет.

– Где же ваш молодой друг, его не видно на палубе?

– Он внизу.

– Так пригласите его отобедать с нами.

– Это невозможно, он мертвый.

– Мертвый!

– Он лежит в свинцовом гробу. Мое занятие в том и состоит, что я перевожу тела особ, скончавшихся во Франции, к их родственникам. Это дело очень выгодное, и если вам когда-нибудь понадобятся мои услуги...

Англичанин закашлялся, поблагодарил своего любезного собеседника и под предлогом морской болезни поспешно сошел в свою каюту, откуда не выходил до самого приезда в Дувр.

Предполагаемое авторство Н. С. Лескова. 1869 год.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 24-го МАРТА

Между нашим обществом и нашею печатью начинает устанавливаться взаимодействие, которое в надлежащем его виде весьма желательно и полезно: печать должна быть органом, выразителем лучших стремлений и убеждений общества, разъяснителем его потребностей; общество в свою очередь должно проверять суждения печати и, когда оно найдет их достаточно выясненными, основательными, здоровыми и полезными для себя, проникаться сознанием их важности и потребности их осуществления. Но необходимым условием этого законного взаимодействия печати и общества должно быть взаимное признание обществом права свободы и независимости суждений за печатью, печатью – права свободы и независимости действий за обществом. Нарушение этого условия может сопровождаться весьма печальными и вредными последствиями и для печати, и для общества: вместо свободного и нормального взаимодействия их друг на друга, основанного на взаимном уважении, может установиться деспотическое отношение или печати к обществу, или общества к

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
печати, причем печать может являться доносчиком на общество властям, сыщикам, палачам, а общество преследователем и казнителем тех или других суждений, не нравящихся и не лстящих испорченному вкусу тех или иных кружков и даже целых масс. Взаимное, сознательное уважение печатью прав общества, обществом – прав печати, чуждое обидного высокомерия и всякого насилия, вот первая обязанность печати к обществу и общества к печати.

Все эти общие соображения мы нашли нужным высказать по поводу весьма недавних событий – событий весьма печального характера, которые именно проистекли из забвения и печатью, и обществом указанной нами первой обязанности. Речь идет у нас о недавних случаях с редакторами и издателями так называемых русско-польских газет: «Вести» и «Нового времени». Не успела облететь Россию молва о смоленском поражении редактора «Вести», как стряслось подобное же несчастье над г. Юматовым, редактором «Нового времени», – его выпроводили вон из клуба, находя его присутствием там неуместным. Теперь, когда не забыто еще ни скарятинское поражение в Смоленске, ни юматовское изгнание в Петербурге и когда печать и общество протестуют против непринятого у нас способа г. Скарятин распространять навязчиво свою газету в русском дворянском сословии, вдруг неожиданно грянул гром над третьим лицом, разделяющим все выгоды и невыгоды первых двух публицистов. Мы говорим о г. Киркоре, ответственном редакторе в первую половину 1869 года «Нового времени».

Бедая, постигшая последнего, как и беды гг. Скарятин и Юматова, проистекла не из правительственных сфер; она имела источником своим оскорбление газетою «Киркора» целого отдельного кружка, из которого выступили мстители более грозные, чем смоленские застольники и члены петербургского клуба. Забвение органом печати, редактируемым г. Киркором, своей первой обязанности относительно общества, тираническое презрение к последнему повело в свою очередь оскорбленную им часть общества к забвению своей обязанности относительно печати и затем к самоуправному, тираническому тоже, поступку против редактора. Низверженный тиран всегда являлся жалким существом, и г. Киркор смирился так, как не смирился еще никто из редакторов издававшихся и издающихся в России газет.

Дело происходило так. В 46-м номере «Нового времени» г. Киркор напечатал фельетон, в котором назвал «пустоголовыми» офицеров кавалергардского полка. Полк был весьма естественно оскорблен, и офицеры собрали совет, чтобы решить, какие меры предпринять им против бесцеремонного редактора «Нового времени». В собрании всех офицеров, как мы слышали, по двукратном совещании, положено было потребовать от редактора удовлетворения особого рода. Из среды офицеров оскорбленного полка был избран по жребию один, который от лица всего полка должен был истребовать от забывшегося редактора желаемое полком удовлетворение. Для переговоров об этом со стороны полка отряжены были к г. Киркору два офицера.

Г. Киркор принял предложение, но впоследствии в решительную минуту предпочел дать гг. офицерам не то удовлетворение, которого требовал обиженный полк, а иное, которое он сам измыслил и которое, впрочем, депутаты кавалергардского полка снисходительно приняли. Г. Киркор дал обязательство напечатать в своей газете следующие, в 50-м номере с буквальной точностью и напечатанные, строки:

«На столбцах моей газеты вкрались оскорбительные и неприличные выражения про кавалергардов, вследствие чего и потребовано было от меня удовлетворение. Не признав возможным на это согласиться, я дал обязательство объявить об этом в издаваемой мною газете с клятвенным обещанием впредь не печатать про военных никаких отзывов ни с хорошей, ни с дурной стороны. А. Киркор».

Несколько выше, в том же самом номере, после которого подписчики «Нового времени», в силу клятвенного обещания г. Киркора, ничего уже не прочитают про русских военных людей ни с хорошей, ни с дурной сторон, г. редактор, без сомнения, в сильном волнении и с некоторою потерей способности соображать, объясняет, что он вовсе не хотел обидеть кавалергардов, что прилагательное «пустоголовых» у него относилось к слову кавалеристов, а это только по недосмотру напечатано: «кавалергардов»; что последних он, г. Киркор, и в мысли не имел назвать такими, потому что само общественное положение их уже показывает на уровень их умственного развития и, следовательно, говорит ясно, что они близко принимают к сердцу общие всем образованным людям чувства филантропии, человеческого долга и уважения к личности. Он затем просит читателей «исправить его ошибку». Испуганный и растерянный, г. Киркор, «спасаясь от беды, в другую вязнет более»: успокаивая кавалергардов, он на самом деле снова оскорбляет их –

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
под родовым названием кавалеристов (кавалергарды тоже кавалеристы, как уланы, драгуны), и не только их, но и все кавалерийские полки, сколько их есть в России; отклоняя один вызов, он накликает на себя множество новых, которых, надеемся на обычное русскому человеку великодушие и милосердие ко всем несчастным, даже к убийцам, наверное не последует. Положение г. Киркора истинно жалкое!

Поступок редактора «Нового времени» по отношению к кавалергардам оправдать невозможно: назвать весь полк «пустоголовым» выходка наглая, дерзкая; такой поступок всегда должен быть ответственен. Но не надобно забывать, что режущий в этом случае глаза дым взялся не сам собою, а пробился из пламени, которое горит на дворе литературы нашей не со вчерашнего дня, что это тираническое, презрительное поведение литературы относительно общества и его членов, пример которого подал деспотический редактор «Полярной звезды» и «Колокола», никогда не затруднявшийся вразумлять русское общество и частных его членов самыми непозволительными ругательствами, не новость у нас, что несколько лет назад оно даже было в большей моде, чем теперь. Некоторые журналисты у нас, к сожалению, привыкли слишком бесцеремонно обращаться с самолюбием членов общества и швыряют обидные слова, нимало не взвешивая тяжести заключающегося в словах оскорбления. Бесцеремонность многих дееспособных нашей общественной жизни давно уже достигла у нас крайних пределов, и давно говорилось в печати, что надо бросить эти базарные привычки, а не давать им усиливаться; но слушать не хотели. В конце прошлого года к нам обратился литератор Крестовский с просьбой дать в газете место его письму, в котором он грозился «воздействовать» на фельетонистов, издававшихся над тем, что он пошел в уланские юнкера. Мы исполнили его просьбу. Не знаем, пробовал ли Крестовский «воздействовать» на фельетонистов, но знаем, что фельетонисты еще ожесточеннее после того стали преследовать имя Крестовского. Дурной привычкой безответственно кидаться на тех, которые «едут и свищут», натолкнул на таких, которые «наехав не спускают», и вот одному из редакторов пришлось давать самые странные «клятвенные обещания» сторониться в своей газете от всякого военного и лепетать школьнические извинения. Смотри с этой точки зрения (нам кажется, единственно верной) на рассказанный нами случай между г. Киркором и гг. кавалергардами, мы имели, надеемся, право сказать, что случай этот вовсе не смешной, что здесь г. Киркор явился не больше, как козлом-грехоносцем, уносящим в пустыню многое множество грехов нашей печати против общества и его членов, что он представил весьма поучительный пример того, в какое скверное положение может иногда быть поставлен публицист, забывающий права общества и свои обязанности к нему. Для доказательства справедливости сказанного нами достаточно прочесть штук пять передовых статей «великосветской» «Вести», когда она полемизирует с «Московскими ведомостями». Здесь, в этой аристократической газете, найдете вы такое множество больше чем демократических, чисто охлократических выражений, что их хватило бы самому страстному охотнику ругаться при самом продолжительном личном препирательстве. «Санкюлоты», «голодные, оборванные коммунисты», «завистливые социалисты», «азияты», «члены демократического ржонда», «канцелярские демократы» и тому подобные прозвища прилагались этою изящною салонною газетою к русским чиновникам, служившим русскому делу в Западном крае, не раз и не два, а зачастую. Противный лагерь также большею частью не оставался в долгу, а в промежутках между схватками крупные слова сыпались и с той, и с другой стороны, без сомнения, не много способствуя развитию сдержанности в собратах по публицистике и в самой публике. Перепапки эти не ограничивались безвредными ругательствами, дело зачастую доходило до доносов друг на друга правительству или обществу. Подобные литературные зрелища не могли не ронять в глазах общества достоинства и прав печати. Сам родоначальник печатной бесцеремонности у нас, г. Герцен, когда ему довелось испытать на себе изобретенный им способ тиранического обхождения с лицами, выразил в письме Огареву свое удивление: «Бесцеремонность наших противников (то есть русских писателей) сначала удивляла нас, потом удивление прошло. Мы увидели ясно, что не составляем исключения и что между собою они говорят тем же языком, и даже еще хуже». Отец не узнал своего кровного детища!..

Отечественная печать оказала несомненные и весьма важные услуги русскому обществу в последние годы: сознание своих заслуг привело ее в некоторое упоение, она возымела чрезмерное доверие к себе и презрение к живым лицам и существующим фактам жизни. Она заразилась тираническими склонностями. В подобном состоянии находилась печать на западе в конце XVIII века, и вот что говорит об этой эпохе Гизо: «К торжеству человеческого разума в конце XVIII века присоединилась доля заблуждения и тирании, — доля несомненно значительная; не будем обманывать себя и признаемся в этом открыто и громко. Эта доля заблуждения и тирании была в

Сборник статей. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru особенности последствием упоения, в которое повергнут был человеческий разум беспредельностью приобретенной им власти. Обязанность и, по моему мнению, заслуга нашего времени заключается в сознании той истины, что всякая власть, умственная или материальная, кому бы она ни принадлежала, правительствам или народам, мыслителям или государственным людям, в какой бы сфере она ни действовала, – что всякая человеческая власть носит в самой себе враждебный недостаток, зародыш слабости и злоупотреблений, необходимо требующий точного определения ее формы и размеров. Общая свобода всех прав, всех интересов и мнений, свободное раскрытие всех влияний и законное совместное существование всех их – вот единственная система, при которой всякая сила, всякая власть может быть заключена в законных пределах, без стеснения для других общественных элементов». Что для других миновало, то у нас еще только переживается.

Возвращаясь к киркоровской истории, мы можем сказать, что она есть только естественное проявление ненормальности отношений между литературой и обществом, что здесь литературному насилию, литературной тирании оскорбленные члены общества противопоставили насилие силы, тиранию угроз физических. Мы не видим никаких разумных оснований ликовать при этом случае выбивания клина клином, при этом случае замены одного более тонкого, более духовного и во всяком случае более сносного деспотизма другим, более вещественным и более осязаемым. Мы признаем в поступке Киркора достаточный повод к привлечению его к ответственности, но мы имеем в свою очередь право взглянуть на основательность и несовременность мер, предпринятых обиженными к наказанию обидчика. Но об этом в другой раз. А теперь повторим, что мы и против тирании печати над обществом и его членами, и против непосредственных расправ общества и его членов с печатью; мы стоим за свободу и неприкосновенность прав и печати, и общества, и желаем, чтобы насилия и оскорбления, наносимые ими друг другу, рассматривались и решались на нейтральных, международных, так сказать, судилищах. В противном случае для печати создается враг более сильный, чем цензура и чем самое ретроградное правительство; этот враг – каждый в массе.

Предполагаемое авторство Н. С. Лескова. 1869 год.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!